ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

№ 2 (АПРЕЛЬ-ИЮНЬ)

2026 год

Учредитель: Грудцына И.В.
Издатель: Юридическое издательство «Юркомпани»
Журнал выходит с 2025 г.

Выходит один раз в три месяца

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций
(Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90259 от 29 октября 2025 г.)

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал

Ежеквартальный научный РИНЦ-журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера по актуальным проблемам публичного права, конституционного (государственного) права, финансового права, административного права. Основной целью научного издания является формирование научной площадки для эффективного обмена научными знаниями, практическим юридическим опытом и результатами научно-правовых исследований в области публично-правовых отношений и публичного права, гуманитарных знаний, обобщения научных и научно-практических результатов в области публично-правовых исследований.

Главный редактор: Усанов Владимир Евгеньевич

Первый заместитель главного редактора (координатор региональных представительств): Гандалоев Руслан Баширович

Заместитель главного редактора: Шайхуллин Марат Селирович

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Редактор: Дребезгова Юлия Дмитриевна

Корректор и компьютерная верстка: Ерошина Екатерина Андреевна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2. Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".
Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: https://public-law.moscow
E-mail: editor@law-books.ru
Многоканальный (по России): +8-800-700-45-88
WhatsApp: +7-926-125-33-23

При использовании опубликованных материалов ссылка на научно-правовой журнал «Публичное право» обязательна. Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены в электронных правовых базах и справочных системах. Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование. Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:
Усанов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

Первый заместитель главного редактора
(координатор региональных представительств):
Гандалоев Руслан Баширович, кандидат политических наук, Почётный работник воспитания и просвещения Российской Федерации, Заслуженный юрист в Республике Ингушетии, член-корреспондент Российской академии естественных наук
Заместитель главного редактора:
Шайхуллин Марат Селирович, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и криминологии ФГКОУ ВО «Уфимский юридический институт МВД России» (г. Уфа, Россия)

Специальность: 5.1.1. – Теоретико-исторические правовые науки

• **Дорская Александра Андреевна,** доктор юридических наук, профессор, заместитель директора по научной работе, заведующая кафедрой общетеоретических правовых дисциплин Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия.

• **Миронов Василий Олегович,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.

• **Пашенцев Дмитрий Алексеевич,** доктор юридических наук, профессор, Почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации. И.о. заведующего отделом теории права и межотраслевых исследований Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, профессор Московского городского педагогического университета.

• **Усанов Владимир Евгеньевич,** доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им Г.В. Плеханова.

Специальность: 5.1.2. — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

• **Грудцына Людмила Юрьевна,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия).

• **Садовникова Галина Дмитриевна,** доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).

• **Сангаджиев Бадма Владимирович,** доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».

• **Эриашвили Нодари Дарчоевич,** доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя, лауреат премии Правительства Российской Федерации в области науки и техники.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:
Usanov Vladimir Evgenievich, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

First Deputy Editor-in-Chief (Regional Office Coordinator):
Gandaloev Ruslan Bashirovich, Candidate of Political Sciences, Honorary Worker of Education and Enlightenment of the Russian Federation, Honored Lawyer in the Republic of Ingushetia, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences
Deputy Editor-in-Chief:
Shaikhullin Marat Selirovich, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Federal State Educational Institution of Higher Education «Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia» (Ufa, Russia)

Specialty: 5.1.1. — Theoretical and historical legal sciences

• **Dorskaya Alexandra Andreevna,** Doctor of Law, Professor, Deputy Director for Research, Head of the Department of General Theoretical Legal Disciplines of the North-West Branch of the Russian State University of Justice.

• **Mironov Vasily Olegovich,** Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.

• **Pashentsev Dmitry Alekseevich,** Doctor of Law, Professor, Honorary Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation. And about. Head of the Department of Theory of Law and Intersectoral Research of the Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation, Professor of Moscow City Pedagogical University.

• **Usanov Vladimir Evgenievich,** Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Specialty: 5.1.2. — Public legal (state legal) sciences

• **Grudtsyna Lyudmila Yuryevna,** Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).

• **Sadovnikova Galina Dmitrievna,** Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, FSAEI HE «Moscow State Law University named after O.E. Kutafin» (MSLA).

• **Sangadzhiev Badma Vladimirovich,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

• **Eriashvili Nodari Darchoevich,** Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor, Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V.Ya. Kikotya, laureate of the Prize of the Government of the Russian Federation in the field of science and technology.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:
С.А. Иванова, доктор юридических наук, профессор, заместитель первого проректора по учебной и методической работе, профессор ФГОБУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
Почетный адвокат России, эксперт РАН

• **А.П. Галоганов,** доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.

• **В.Н. Жуков,** доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.

• **В.В. Комарова,** доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).

• **И.А. Конюхова,** доктор юридических наук, профессор, руководитель отдела конституционного права и профессор кафедры конституционного права Российской академии правосудия.

• **А.В. Рагулин,** доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.

• **Б.С. Эбзеев,** доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда РФ (в отставке), член ЦИК России.

• **Н.Д. Эриашвили,** доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman:
S.A. Ivanova, Doctor of Law, Professor, Professor of the Federal State Budgetary Institution of Higher Education «Russian Economic University named after G.V. Plekhanov,» Honorary Lawyer of Russia, expert of the Russian Academy of Sciences

• **A.P. Haloganov,** Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

• **V.N. Zhukov,** Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

• **V.V. Komarova,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).

• **I.A. Konyukhova,** Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional Law and Professor, Department of Constitutional Law, Russian Academy of Justice.

• **A.V. Ragulin,** Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.

• **B.S. Ebzeev,** Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.

• **N.D. Eriashvili,** Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Шинкарева П.Д., Кабилова Ф.Я., Усольцева Н.А. * Треш-обзоры как форма потребительского экстремизма: баланс общественной пользы и сохранения бизнеса 11

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ

Шулындин Л.С. * Анализ правовых механизмов распределения полномочий между Российской Федерацией и ее субъектами в сфере высшего образования 19

Родионов Г.Л., Ситохова Т.Е. * Конкурентная политика как институциональная основа результативности государственной поддержки предпринимательства . . . 23

Миланич М.А. * Методика определения минимального процента застройки земельного участка при предоставлении в собственность за плату из земель государственной или муниципальной собственности 29

Андреева К.М. * Противодействие использованию сим-боксов в преступных целях: правовые основы и практика работы правоохранительных органов 42

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Гаранжа Д.Е. * Денежная эмиссия как антикризисный инструмент: макроэкономические эффекты и риски долгосрочной стабильности 49

Булатова А.Р., Кошкин М.А., Меркутова Д.С. * Комплексный анализ и прогнозирование уровня безработицы в Российской Федерации 54

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Бутырева Е.С. * Особенности динамики заработной платы и кадрового обеспечения в сфере общего образования 63

Хайманова А.О. * Вещное право в договоре подряда: теоретические и практические аспекты 68

Толмазова М.Р. * Переходный период как способ предотвращения и разрешения коллизий в публичном праве 74

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Алёхичева А.А. * Международный опыт оценки качества медицинской помощи 79

Сейдаметова Э.Ш. * Зарубежный опыт регулирования участия защитника в доказывании по уголовным делам 88

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Сураева Д.В. * Конституционные гарантии доступности правосудия в Российской Федерации: проблемы правового регулирования 92

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Моисеев И.А. * Защита исторической правды как конституционная ценность в оценках российских правоведов 99

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Сыцевич А.С., Могутин Р.И. * Составление и использование психологического портрета личности при расследовании серийных убийств 102

Петросян А.С., Мельников В.Ю. * Автоматизированные системы продаж (интернет-магазины, боты-продавцы) как орудие преступления: проблемы уголовно-правовой оценки 105

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Басков Б.Ю. * Инвестиционные риски и методы их минимизации в условиях современной финансовой системы 109

Ленивов К.А. * Цифровая трансформация и ее влияние на финансовую модель компаний с государственным участием 114

ИННОВАЦИИ

Фам Н.Н. * Роль управления знаниями в обеспечении организационных инноваций в современных предприятиях 118

Сыцевич А.С., Заднепровская М.В. * Эволюция методологии правовых исследований: от юридического догматизма к постклассическим подходам 125

CONTENT:

HUMAN RIGHTS

Shinkareva P.D., Kabilova F.Ya., Usoltseva N.A. * Trash reviews as a form of consumer extremism: balancing public benefit and business preservation 11

GOVERNMENT

Shulyndin L.S. * Analysis of legal mechanisms for the distribution of powers between the Russian Federation and its constituent entities in the field of higher education 19

Rodionov G.L., Sitokhova T.E. * Competition policy as an institutional basis for the effectiveness of state support for entrepreneurship 23

Milanich M.A. * Minimum development percentage of a land plot upon its buyout by the owner of a real estate object: problems of legal regulation 29

Andreeva K.M. * Countering the use of SIM boxes for criminal purposes: legal bases and practice of law enforcement agencies 42

NATIONAL SECURITY

Garanja D.E. * Monetary emission as an anti-crisis tool: macroeconomic effects and long-term stability risks 49

Bulatova A.R., Koshkin M.A., Merkutova D.S. * Comprehensive analysis and forecasting of the unemployment rate in the Russian Federation 54

PROBLEMS OF RUSSIAN LEGISLATION

Butyreva E.A. * Characteristics of wage and staffing dynamics in general education 63

Khaimanova A.O. * Property rights in contracts for work: theoretical and practical aspects 68

Tolmazova M.R. * Transition period as a way to prevent and resolve conflicts in public law 74

LEGISLATION OF FOREIGN COUNTRIES

Alyohicheva A.A. * International experience in assessing the quality of medical care 79

Seidametova E.Sh. * Foreign experience of regulation of participation of defender in evidence in criminal cases 88

JUDICIAL POWER AND LEGAL PROCEEDINGS

Suraeva D.V. * Constitutional guarantees of accessibility of justice in the Russian Federation: problems of legal regulation 92

CONSTITUTIONAL LAW

Moiseev I.A. * Protection of historical truth as a constitutional value in the evaluations of Russian legal scholars 99

CRIMINAL LAW

Sytsevich A.S., Mogutin R.I. * Compiling and using a psychological profile in the investigation of serial murders 102

Petrosyan A.S., Melnikov V.Yu. * Automated sales systems (online stores, bots-sellers) as an instrument of crime: problems of criminal legal assessment 105

FINANCIAL LAW

Baskov B.Yu. * Investment risks and methods of minimizing them in a contemporary financial system 109

Lenivov K.A. * Digital transformation and its impact on the financial model of state-owned companies 114

INNOVATION

Pham N.N. * The role of knowledge management in ensuring organizational innovation in modern enterprises 118

Sytsevich A.S., Zadneprovskaya M.V. * The evolution of legal research methodology: from legal dogmatism to postclassical approaches 125

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.06.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-11-18**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

ШИНКАРЕВА Полина Даниловна,
студент,
Сургутский государственный университет,
e-mail: pshinkareva@yandex.ru

КАБИЛОВА Фаришгамох Якубджоновна,
студент,
Сургутский государственный университет,
e-mail: farishtamokh.kabilova@mail.ru

УСОЛЬЦЕВА Наталья Андреевна,
кандидат юридических наук, доцент,
Сургутский государственный университет,
e-mail: netali77@list.ru

ТРЕШ-ОБЗОРЫ КАК ФОРМА ПОТРЕБИТЕЛЬСКОГО ЭКСТРЕМИЗМА: БАЛАНС ОБЩЕСТВЕННОЙ ПОЛЬЗЫ И СОХРАНЕНИЯ БИЗНЕСА

Аннотация. *В статье рассматривается феномен треш-обзоров как специфической формы видеоблогинга, получившей широкое распространение в российском интернет-пространстве и оказывающей заметное влияние на взаимоотношения потребителей и исполнителей услуг. Анализируется правовая природа деятельности блогеров, посещающих заведения сферы услуг, преимущественно салоны красоты, с целью фиксации предполагаемых нарушений законодательства о защите прав потребителей, санитарных норм и правил оказания услуг, а также реакции сотрудников на осуществление видеосъемки. Авторы исследуют двойственную природу треш-обзоров: с одной стороны, они выступают эффективным инструментом негосударственного общественного контроля, способствуют выявлению многочисленных нарушений, о которых могли не знать контролирующие органы и потенциальные потребители, а также содействуют повышению правовой грамотности населения; с другой стороны, подобные видеоролики нередко содержат явные признаки потребительского экстремизма, выражающегося в злоупотреблении предоставленными законом правами, провокационном поведении, создании искусственных конфликтных ситуаций и причинении существенного репутационного и экономического вреда добросовестным хозяйствующим субъектам. На основе комплексного анализа Гражданского кодекса Российской Федерации, Закона «О защите прав потребителей», Федерального закона «О персональных данных» и актуальных материалов судебной практики по спорам между блогерами и салонами красоты выделяются четкие критерии разграничения добросовестного общественного контроля и действий, квалифицируемых как злоупотребление правом. Особое внимание уделяется проблемам правомерности видеосъемки в местах, открытых для свободного посещения, охраны изображения граждан и законности обработки персональных данных. Предлагаются конкретные меры по совершенствованию действующего законодательства, в том числе закрепление легального определения потребительского экстремизма, а также практические рекомендации по повышению правовой грамотности сотрудников сферы услуг. Сделан вывод о необходимости комплексного подхода к регулированию деятельности треш-блогеров для сохранения общественной пользы потребительского контроля и защиты добросовестного бизнеса от необоснованных репутационных и экономических потерь.*

Ключевые слова: *потребительский экстремизм, защита прав потребителей, съемка в общественном месте, изображение гражданина, злоупотребление правом, персональные данные, общественный контроль, треш-обзор.*

SHINKAREVA Polina Danilovna,
Student,
Surgut State University

KABILOVA Farishtamokh Yakubjonovna,
Student,
Surgut State University

USOLTSEVA Natalia Andreevna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Surgut State University

TRASH REVIEWS AS A FORM OF CONSUMER EXTREMISM: BALANCING PUBLIC BENEFIT AND BUSINESS PRESERVATION

Annotation. *The article examines the phenomenon of trash reviews as a specific form of video blogging, which is widespread in the Russian Internet space and has a significant impact on the relationship between consumers and service providers. The article analyzes the legal nature of the activities of bloggers visiting service establishments, mainly beauty salons, in order to record alleged violations of consumer protection legislation, sanitary norms and rules for the provision of services, as well as the reaction of employees to video filming. The authors explore the dual nature of trash reviews: on the one hand, they act as an effective tool for non-governmental public control, contribute to the identification of numerous violations that regulatory authorities and potential consumers might not know about, and also contribute to improving the legal literacy of the population. On the other hand, such videos often contain clear signs of consumer extremism, expressed in the abuse of legally granted rights, provocative behavior, the creation of artificial conflict situations and causing significant reputational and economic harm to bona fide business entities. Based on a comprehensive analysis of the Civil Code of the Russian Federation, the Law «On Consumer Rights Protection», the Federal Law «On Personal Data» and current judicial practice materials on disputes between bloggers and beauty salons, clear criteria are identified for distinguishing between bona fide public control and actions classified as abuse of law. Special attention is paid to the issues of the legality of video filming in places open to the public, the protection of images of citizens and the legality of the processing of personal data. Specific measures are proposed to improve current legislation, including the consolidation of a legal definition of consumer extremism, as well as practical recommendations for improving the legal literacy of service sector employees. The conclusion is made about the need for an integrated approach to regulating the activities of trash bloggers in order to preserve the public benefit of consumer control and protect bona fide businesses from unjustified reputational and economic losses.*

Key words: *consumer extremism, consumer rights protection, filming in a public place, image of a citizen, abuse of law, personal data, public control, trash review.*

Введение

В последние годы в российском интернете стремительно набирают популярность «треш-обзоры» – видеоролики, в которых блогеры посещают различные заведения, зачастую салоны красоты, и фиксируют на камеру взаимодействия с сотрудниками, выявляя нарушения законодательства о защите прав потребителей, санитарных норм, правил оказания услуг. Наиболее известными представителями данного направления являются Алена Погребняк, Анастасия Молотова, Ники Макален, Анатолий Андреевич и другие.

Значительный рост обращений граждан в сфере защиты прав потребителей свидетельствует о нарастающей напряженности на рынке услуг. Так, по данным Управления Федеральной службы по надзору в сфере защиты прав потребителей и благополучия человека (Роспотребнадзора) на 2025 год, количество обращений по вопросам защиты прав потребителей, в том числе в сфере услуг, выросло. В Управление Роспотребнадзора по Москве в 2025 году поступило 98 651 обращение от граждан и юридических лиц,

из них 67 388 – по вопросам защиты потребителей, что на 11,4% больше показателей прошлого года [10]. Аналогичная тенденция наблюдается и в регионах. Например, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в 2025 году зафиксировано 5 837 обращений, что на 5% выше уровня прошлого года, при этом 57,6% из них (3 367) составили жалобы на нарушение прав потребителей [11]. Одним из факторов, способствующих такой динамике, выступает появление нового инструмента общественного контроля – видеоблогов, авторы, которых проверяют соблюдение законодательства в салонах красоты, магазинах и иных заведениях.

В научной литературе проблема треш-обзоров как специфического феномена пока не получила системного осмысления. Отдельные вопросы, связанные с пределами осуществления гражданских прав, правовым режимом изображения гражданина, а также потребительским экстремизмом рассматривались в работах различных авторов. Однако комплексное исследование указанного явления применительно к видеоблогингу отсутствует, что также обусловливает актуальность настоящей статьи.

Деятельность блогеров в данном направлении формирует специфическую категорию конфликтов, которая находится на стыке реализации права потребителей на информацию и защиты бизнеса от действий, которые могут быть квалифицированы как злоупотребление правом. С одной стороны, треш-обзоры выполняют социально значимую функцию: выявляют нарушения, о которых могли не знать ни контролирующие органы, ни широкая публика (потенциальные потребители). С другой стороны, публичное распространение видеоматериалов с изображением сотрудников и указанием наименования организации влечет за собой репутационные и экономические потери для бизнеса, зачастую несоразмерные выявленным нарушениям.

Цель настоящей статьи – определить правовые границы допустимого поведения каждой из сторон и предложить механизмы, позволяющие сохранить общественную пользу потребительского контроля видеоблогеров, одновременно защитив добросовестных предпринимателей от необоснованных репутационных рисков.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический метод, сравнительно-правовой анализ, метод анализа судебной практики, а также метод моделирования.

Основная часть

Для целей настоящего исследования под треш-обзором предлагается понимать видеоролик, создаваемый блогером в месте оказания услуг, в котором в конфликтной форме демонстрируется процесс взаимодействия с исполнителем, фиксируются предполагаемые нарушения законодательства, а также реакция сотрудников на осуществление видеосъемки. Следует различать треш-обзоры и традиционные проверки качества услуг. В первом случае акцент смещается с потребительского интереса, то есть получения качественной услуги, на создание конфликтной ситуации с последующим ее публичным освещением. В этом случае уместно говорить о признаках потребительского экстремизма.

Что такое «потребительский экстремизм»? Как отмечали З. А. Ахмедова и К. А. Тажудинова в своей работе, в законодательстве РФ такого термина не существует. Авторы научных работ используют различные определения данного понятия [12].

Для целей настоящего исследования под потребительским экстремизмом предлагается понимать злоупотребление потребителем своими правами, предоставленными законодательством о защите прав потребителей, с целью получения выгоды, как материальной, так и нематериальной.

Вместе с тем, необходимо отметить, что не все треш-обзоры могут быть отнесены к потребительскому экстремизму. Критерием разграничения выступает добросовестность поведения блогера: является ли его целью защита реально нарушенного права либо создание информационного повода для увеличения аудитории и (или) получения выгоды. Так, ст. 10 ГК РФ устанавливает недопустимость злоупотребления правом, подчеркивая, что не допускаются осуществление гражданских прав исключительно с намерением причинить вред другому лицу, действия в обход закона с противоправной целью, а также иное заведомо недобросовестное осуществление гражданских прав [2]. Это необходимо учитывать при оценке действий как блогеров, так и представителей бизнеса.

Анализ контента видеоблогеров, которые снимают треш-обзоры на различные заведения, позволил выделить несколько ти-

пичных конфликтных ситуаций.

Наиболее распространенной причиной конфликта является отказ сотрудников салона в обслуживании под предлогом несогласованной видеосъемки. Они ссылаются на то, что салон не является общественным местом, а значит снимать запрещено, кроме того, напоминают, что их изображение охраняется законом.

Однако ст. 29 Конституции РФ закрепляет право каждого свободно искать, получать, передавать и распространять информацию любым законным способом [1].

П. 1 ст. 152.1 ГК РФ закрепляет, что обнародование и дальнейшее использование изображения гражданина допускается только с его согласия. Но вместе с тем п. 2 этой же статьи устанавливает исключение: согласие не требуется, если изображение получено при съемке в местах, открытых для свободного посещения, или на публичных мероприятиях, за исключением случаев, когда такое изображение является основным объектом использования [2].

Понятие «места, открытые для свободного посещения» в самом ГК РФ не раскрывается, однако судебная практика и доктрина относят к ним помещения, предназначенные для обслуживания неопределенного круга лиц, доступ в которые не ограничен либо ограничен лишь режимом работы организации. Салон красоты, магазин и т.п. признаются такими местами, поскольку любой гражданин может войти в них в часы работы без специального разрешения.

Таким образом, съемка в салоне красоты является законной, а отказ в обслуживании, мотивированный исключительно наличием законной видеосъемки, является необоснованным.

Блогеры-обзорщики также записываются на услугу, получают подтверждение, приходят в назначенное время, но салон отказывает в обслуживании, ссылаясь на внезапное ухудшение самочувствия мастера, невозможность воплотить образец, отсутствие нужных материалов или иные причины, которые практически во всех случаях являются притворными. Именно таким образом сотрудники салонов пытаются избежать оказания услуг блогерам, которых они боятся либо же к которым относятся предвзято из-за их сферы деятельности.

Стоит отметить, что договор между салоном и клиентом является публичным договором, что регулируется ст. 426 ГК РФ. Так, в силу п. 3 указанной статьи, коммерческая организация не вправе необоснованно отказать в заключении публичного договора при наличии возможности оказать услугу. А предварительная запись, подтвержденная салоном, квалифицируется как акцепт публичной оферты, с момента которого договор считается заключенным, что регулируется ст. 433 и ст. 437 ГК РФ. Односторонний отказ от его исполнения не допускается, согласно ст. 310 ГК РФ [2]. Исходя из вышесказанного, субъективное нежелание мастера работать не может служить основанием для отказа в услуге.

Практика треш-обзоров также выявляет многочисленные случаи некачественного оказания услуг, в том числе: использование просроченной косметической продукции (встречаются даже случаи просрочки на 10-20 лет); применение грязных инструментов; несоответствие результата услуги заявленным характеристикам (образцу).

Некачественное оказание услуг является нарушением ст. 4 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» (далее – Закон «О защите прав потребителей»). В соответствии с п. 1 указанной статьи, исполнитель обязан оказать потребителю услугу, качество которой соответствует договору. При отсутствии в договоре условий о качестве услуги исполнитель обязан оказать потребителю услугу, соответствующую обычно предъявляемым требованиям и пригодную для целей, для которых услуга такого рода обычно используется, что предусмотрено п. 2 указанной нормы. Особое значение имеет п. 3, согласно которому, если исполнитель при заключении договора был поставлен потребителем в известность о конкретных целях оказания услуги, он обязан оказать потребителю услугу, пригодную для использования в соответствии с этими целями [4].

В контексте треш-обзоров это означает, что блогер, демонстрируя пример желаемого результата, вправе требовать оказания услуги, соответствующей именно этому образцу, особенно если он был утвержден при записи.

Также ст. 7 Закона «О защите прав потребителей» устанавливает право потребителя на то, чтобы услуга при обычных условиях ее получения была безопасна для жизни и здоровья потребителя [4]. Так,

использование просроченной косметической продукции или грязных инструментов прямо нарушает указанное требование, поскольку создает угрозу здоровью и жизни потребителя.

Еще одной причиной конфликта между блогером-обзорщиком и представителями салонов является проверка потребителем используемых косметических средств и инструментов. Мастера зачастую возмущаются, когда блогер просит показать сроки годности продукции, состояние кистей, расчесок или иных инструментов, утверждая, что у потребителя нет на это права, и, более того, это является вмешательством в рабочий процесс.

Однако данное право потребителя прямо предусмотрено Законом «О защите прав потребителей». Так, согласно п. 1 ст. 10 указанного закона, исполнитель обязан своевременно предоставлять потребителю необходимую и достоверную информацию об услугах. Информация о применяемых материалах, их составе, сроке годности, а также о способах обработки инструментов относится к числу сведений, обеспечивающих безопасность услуги и ее надлежащее качество. Потребитель, в свою очередь, вправе потребовать предоставления такой информации на любой стадии оказания услуг [4].

Наряду с правомерной реализацией потребительских прав, практика треш-обзоров содержит примеры действий блогеров, которые могут быть квалифицированы как злоупотребление правом либо прямое нарушение законодательства.

В связи с этим необходимо установить четкие признаки, позволяющие отграничить потребительский экстремизм от других явлений. К таким признакам, свидетельствующим о выходе блогера за пределы добросовестной защиты прав, относятся: 1) отсутствие изначального потребительского интереса; 2) провокационное поведение, направленное на создание конфликта, а не на разрешение спорной ситуации; 3) использование изображения сотрудников и посетителей как основного объекта съемки; 4) вымогательство или угрозы под видом защиты прав; 5) манипулятивный монтаж, искажающий реальную картину событий, вырывание фраз из контекста; 6) систематичность и коммерческая цель – создание треш-обзоров как основного способа заработка, при котором конфликтность становится товаром, в том числе получение вознаграждения от конкурирующих хозяйствующих субъектов (салонов, брендов косметической продукции) за создание дискредитирующего контента.

Так, если блогер изначально не намерен получать услугу, а преследует исключительно цель создания конфликтного контента для увеличения аудитории и извлечения дохода от монетизации видеоролика, либо действует по заказу конкурентов проверяемого заведения с целью подрыва его деловой репутации, его действия могут быть признаны злоупотреблением правом. В таких случаях суд вправе отказать в защите принадлежащего лицу права полностью или частично, согласно п. 2 ст. 10 ГК РФ [2].

Кроме того, несмотря на то, что съемка в салоне красоты, как в общественном месте, возможна, публикация изображения сотрудников и посетителей все же имеет ограничения.

Особое значение здесь также приобретает соблюдение требований Федерального закона от 27.07.2006 № 152-ФЗ «О персональных данных» (далее – ФЗ «О персональных данных»). В соответствии с указанным законом, обработка персональных данных, в том числе изображения лица, допускается с согласия субъекта, за исключением случаев, когда она осуществляется, например, в публичных интересах [5]. В треш-обзорах, где съемка ведется не для выявления нарушений, а для унижения, высмеивания или создания скандала, такая публичная цель отсутствует, что влечет незаконную обработку персональных данных. Даже если формально съемка произведена в месте, открытом для свободного посещения, дальнейшее использование такого изображения может нарушать требования ФЗ «О персональных данных».

Необходимо обратить внимание на вопрос о правах третьих лиц – случайных посетителей, которые могут попасть в кадр при съемке в салоне. В отличие от сотрудников, которые находятся при исполнении служебных обязанностей и чье изображение может быть оправдано общественным контролем, посетители салона не имеют отношения к качеству оказываемых услуг. Их нахождение в салоне обусловлено частным интересом, то есть получением услуги, и они, как правило, не дают согласия на обнародование своего изображения. Публи-

кация видеороликов, в которых отчетливо видны лица других посетителей, особенно если они запечатлены в процессе получения услуг (например, в незащищенном виде, с косметическими масками на лице и т.п.), может нарушать их право на неприкосновенность частной жизни, закрепленное в ст. 23 Конституции РФ [1]. Возвращаясь к ФЗ «О персональных данных», обработка изображения таких лиц без их согласия недопустима, поскольку в данном случае отсутствует публичный интерес, который мог бы оправдать такое вмешательство [5].

Так, блогер-обзорщик может быть не прав, если: публикует крупные планы лиц сотрудников или посетителей без их согласия, особенно когда это не обусловлено необходимостью фиксации нарушения; отказывается замазать лица сотрудников и третьих лиц по их требованию; распространяет изображения, полученные скрытой камерой. Такие нарушения могут повлечь за собой ответственность.

Судебная практика подтверждает, что действия блогеров в рамках треш-обзоров могут быть признаны неправомерными. Так, по делу № 2-6152/2023, рассмотренному Чертановским районным судом г. Москвы, администратор салона красоты обратилась с иском к блогеру об удалении видеоролика. Решением от 22.12.2023 суд отказал в удовлетворении иска, указав, что съемка производилась в месте, открытом для свободного посещения (салоне красоты), изображение истца не являлось основным объектом использования, а видеоролик был снят для потребителей [6].

Однако апелляционным определением Московского городского суда от 30.07.2024 данное решение было отменено. Суд апелляционной инстанции установил, что предметом иска являлась охрана изображения гражданина (ст. 152.1 ГК РФ), а на видеозаписи с 14:56 по 34:24 минуты основным и единственным объектом использования в кадре является истец, которая неоднократно возражала против съемки и просила ее не снимать. Суд также указал, что публичный интерес, который мог бы оправдать использование изображения без согласия, отсутствует, поскольку съемка велась не в связи с угрозой государству, обществу или общественной безопасности. Кроме того, под видеороликом были размещены многочисленные оскорбительные комментарии, что причинило истцу моральный вред [7;8].

Кассационным определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 19.12.2024 апелляционное определение оставлено без изменения [9].

Данный пример иллюстрирует, что даже при формальной законности съемки в месте, открытом для свободного посещения, суды могут признать распространение видеоматериала нарушающим права граждан, если изображение лица является основным объектом использования, отсутствует публичный интерес и гражданин возражал против съемки.

Важно также отметить, что хотя ранее мы и говорили о том, что салоны обязаны заключить публичный договор, все же существуют исключения, предусмотренные законом. Так, законным основанием клиенту может быть отказано в услуге, если он, например, находится в состоянии алкогольного опьянения, что предусмотрено ст. 20.21 КоАП РФ, которая запрещает появляться в общественных местах нетрезвым [3].

Для достижения баланса, позволяющего сохранить общественную пользу потребительского контроля и одновременно защитить добросовестный бизнес от необоснованных репутационных потерь, особое значение имеет повышение правовой грамотности сотрудников салонов красоты. Это обусловлено тем, что многие конфликты возникают именно из-за незнания работниками сферы услуг своих прав и обязанностей, а также прав потребителей.

Мы считаем необходимым принять следующие меры: 1) обязать работодателей проводить регулярное обучение персонала основам законодательства о защите прав потребителей, правилам работы с претензиями, порядку действий при видеосъемке. Такое обучение может проводиться в форме инструктажа при приеме на работу и последующих периодических семинаров (например, раз в три месяца) с фиксацией в личных делах сотрудников; 2) включить в должностные инструкции администраторов и мастеров четкие положения, регламентирующие порядок общения с клиентами, осуществляющими видеосъемку. В частности, следует прописать: право клиента на видеосъемку в месте, открытом для свободного посещения, если лица сотрудников и посетителей не являются основным объектом; алгоритм действий при возникновении

конфликта: не препятствовать съемке, если она не нарушает прав иных лиц, не допускать грубости, при необходимости фиксировать факт нарушения со стороны клиента (вызов полиции) вместо самостоятельных действий по изъятию техники; обязанность предоставлять по требованию потребителя информацию о применяемых материалах, их сроках годности, способах обработки инструментов. Повышение правовой грамотности сотрудников не только снизит количество конфликтов, но и позволит салонам достойно реагировать на законные требования блогеров, а в случаях, когда действия последних выходят за пределы добросовестности – грамотно фиксировать такие факты для последующей правовой защиты.

Также мы считаем, что необходимо ввести в Закон «О защите прав потребителей» легальное определение потребительского экстремизма, которое позволит контролирующим органам и судам единообразно квалифицировать действия, выходящие за пределы добросовестной защиты прав. Предлагается закрепить следующее определение: потребительский экстремизм – злоупотребление потребителем своими правами, выражающееся в действиях, формально соответствующих закону, но совершаемых исключительно с целью извлечения необоснованных преимуществ или причинения вреда продавцу (исполнителю).

В ст. 10 ГК РФ требуется включить указание на то, что злоупотреблением правом признается, в частности, потребительский экстремизм, который регулируется Законом «О защите прав потребителей».

И конечно же, важно установить четкие критерии добросовестности блогера-обзорщика. Целесообразно включить в постановление Пленума Верховного Суда РФ по делам о защите прав потребителей разъяснение, содержащее открытый перечень признаков потребительского экстремизма, которые мы предложили в своей работе.

Таким образом, достижение баланса между общественной пользой треш-обзоров и защитой бизнеса возможно лишь при комплексном подходе. С одной стороны, необходимо законодательно определить границы потребительского экстремизма и установить четкие критерии добросовестности блогеров, чтобы пресекать злоупотребления. С другой стороны, требуется системное повышение правовой грамотности сотрудников салонов красоты, что позволит им корректно реагировать на законные требования потребителей и минимизировать конфликтные ситуации. Только сочетание правового регулирования и образовательных мер способно сформировать цивилизованные правила взаимодействия между блогерами-обзорщиками и представителями бизнеса.

Заключение

Треш-обзоры представляют собой сложный социально-правовой феномен, который не может оцениваться однозначно. С одной стороны, они выполняют общественно полезную функцию негосударственного контроля, выявляя нарушения законодательства о защите прав потребителей. С другой стороны, отдельные блогеры переходят грань дозволенного, используя свое положение для давления на бизнес, что позволяет квалифицировать их действия как потребительский экстремизм.

Правовой анализ типичных конфликтных ситуаций показал, что ключевыми нормами, определяющими границы допустимого поведения сторон, являются правила, предусмотренные в ГК РФ, Законе «О защите прав потребителей», а также ФЗ «О персональных данных».

Для отграничения законного общественного контроля от потребительского экстремизма нами предложены четкие критерии, наличие которых может служить основанием для применения последствий, предусмотренных ст. 10 ГК РФ.

Анализ судебной практики продемонстрировал, что даже при формальной законности съемки в месте, открытом для свободного посещения, вышестоящие судебные инстанции могут признать распространение видеоматериала нарушающим права граждан, если изображение лица является основным объектом использования, отсутствует публичный интерес и гражданин возражал против съемки. Это подтверждает необходимость выработки единообразных подходов к разрешению подобных споров и законодательного закрепления понятия «потребительский экстремизм».

Достижение баланса между общественной пользой потребительского контроля и защитой бизнеса требует реализации комплекса мер. Только при условии четкого правового регулирования, внедрения критериев добросовестности и повышения правовой грамотности всех участников рынка

возможно сохранить общественную пользу треш-обзоров как инструмента потребительского контроля, одновременно защитив добросовестных предпринимателей от необоснованных репутационных и экономических потерь.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993) (с учетом поправок, внесенных Законами РФ о поправках к Конституции РФ от 30.12.2008 № 6-ФКЗ, от 30.12.2008 № 7-ФКЗ, от 05.02.2014 № 2-ФКЗ, от 21.07.2014 № 11-ФКЗ, от 14.03.2020 № 1-ФКЗ) // Собрание законодательства РФ. – 2014. – № 31. – Ст. 4398.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федеральный закон от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1994. – № 32. – Ст. 3301.

[3] Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федеральный закон от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.

[4] О защите прав потребителей: Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3. – Ст. 140.

[5] О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства РФ. – 2006. – № 31 (1 ч.). – Ст. 3451.

[6] Решение Чертановского районного суда г. Москвы от 22.12.2023 по делу № 2-6152/2023 // Архив Чертановского районного суда г. Москвы.

[7] Апелляционное определение Московского городского суда от 30.07.2024 по делу № 33-30972/2024 // Архив Московского городского суда.

[8] Апелляционное определение Московского городского суда от 24.11.2025 по делу № 33-60306/2025 // Архив Московского городского суда.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993) (taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of 30.12.2008 No. 6-FKZ, of 30.12.2008 No. 7-FKZ, of 05.02.2014 No. 2-FKZ, of 21.07.2014 No. 11-FKZ, of 14.03.2020 No. 1-FKZ) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2014. - No. 31. - Art. 4398.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part One): Federal Law of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 28.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1994. – No. 32. – Art. 3301.

[3] Code of the Russian Federation on Administrative Offenses: Federal Law of 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 28.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 1 (Part 1). – Art. 1.

[4] On the Protection of Consumer Rights: Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 (as amended on 28.12.2025, as amended on 17.02.2026) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1996. – No. 3. – Art. 140.

[5] On Personal Data: Federal Law of 27.07.2006 No. 152-FZ (as amended on 28.12.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 31 (part 1). – Art. 3451.

[6] Decision of the Chertanovsky District Court of Moscow dated December 22, 2023, in case No. 2-6152/2023 // Archive of the Chertanovsky District Court of Moscow.

[7] Appellate ruling of the Moscow City Court dated July 30, 2024, in case No. 33-30972/2024 // Archive of the Moscow City Court.

[8] Appellate ruling of the Moscow City Court dated November 24, 2025, in case No. 33-60306/2025 // Archive of the Moscow City Court.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-19-22**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

ШУЛЫНДИН Лев Сергеевич,
аспирант кафедры конституционного и административного права,
Казанский (Приволжский) федеральный университет,
Казань, Россия,
e-mail: l.shulyndin@gmail.com

Научный руководитель:
ГАДЫЛЬШИНА Зухра Ильдаровна,
кандидат юридических наук,
доцент кафедры конституционного и административного права
Юридического факультета Казанского (Приволжского)
федерального университета,
тел.: 8 (843) 233-71-32,
e-mail: Zyhra.Gadylshina@ksu.ru

АНАЛИЗ ПРАВОВЫХ МЕХАНИЗМОВ РАСПРЕДЕЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЙ МЕЖДУ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИЕЙ И ЕЕ СУБЪЕКТАМИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *В данной статье рассматриваются правовые механизмы разграничения полномочий между Российской Федерации и её субъектами в сфере высшего образования. Анализ демонстрирует, что эффективное управление данной сферы зависит от согласованности нормативного регулирования в рамках федеративного регулирования с четко установленным балансом между централизацией и автономией.*

Ключевые слова: *высшее образование, разграничение полномочий, федерализм, федеральное регулирование, нормативно-правовая база, субъекты Российской Федерации, образовательная политика, компетенции.*

SHULYNDIN Lev Sergeevich,
Postgraduate Student, Department
of Constitutional and Administrative Law,
Kazan (Volga Region) Federal University,
Kazan, Russia

Academic Supervisor:
GADYLSHINA Zukhra Ildarovna,
Candidate of Law, Associate Professor, Department of
Constitutional and Administrative Law, Faculty of Law,
Kazan (Volga Region) Federal University

ANALYSIS OF LEGAL MECHANISMS FOR THE DISTRIBUTION OF POWERS BETWEEN THE RUSSIAN FEDERATION AND ITS CONSTITUENT ENTITIES IN THE FIELD OF HIGHER EDUCATION

Annotation. *This article examines the legal mechanisms for delineating powers between the Russian Federation and its constituent entities in the field of higher education. The analysis demonstrates that effective governance in this area depends on the consistency of regulatory frameworks within a federal framework with a clearly defined balance between centralization and autonomy.*

Key words: *higher education, delineation of powers, federalism, federal regulation, legal framework, constituent entities of the Russian Federation, educational policy, competencies.*

В соответствии со статьей 1 Конституции Российская Федерация является демократическим федеративным правовым государством с республиканской формой правления [1]. В связи с чем основополагающим аспектом функционирования всего государства является, безусловно, разграничение предметов ведения и полномочий между федеральным центром и субъектами.

Поскольку Российская Федерация является также и социальным государством, то есть политика которого направлена на формирование условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человек, то рассмотрение сочетания данных основных начал отечественного государственного устройства позволяет учитывать интересы разных территорий, социальных групп, обеспечивая консенсус в обществе.

В этом контексте интересен аспект регулирования сферы высшего образования и разграничения полномочий между федеральным центром и субъектами федерации, поскольку само по себе право на образование по своему составу является сложным, представляя сочетание с другими правами человека [2].

Традиционно вопрос регулирования высшего образования относится к числу сфер, в которых федеральный центр играет главенствующую роль, однако регионы наделены определенным возможностями в части формирования образовательной политики отдельного субъекта. В связи с чем, грамотно выстроенный механизм государственного регулирования обеспечивает четко работающую сферу общественной жизни государства.

Рассматривая этот вопрос с точки зрения толкования Конституции Российской Федерации, мы можем увидеть общий подход к распределению полномочий между уровнями государственной власти. Согласно статье 71 Конституции Российской Федерации, вопросы федерального значения, включая установление основ федеральной политики и федеральных программ в области образования, находятся исключительно в ведении Российской Федерации. Однако статья 72 Конституции определяет общую компетенцию Российской Федерации и ее субъектов в вопросах образования, науки и культуры, что об свидетельствует о двухуровневой модели образования.

Как отмечает М.В. Баглай, такое сочетание исключительных и совместных полномочий обеспечивает возможности гибкого правового регулирования, но требует четкой правовой регламентации, поскольку в таком случае высок риск коллизий и дублирования функций [3].

Высшее образование, в отличие от общего, традиционно считается сферой, требующей значительной степени стандартизации и федерального контроля. Это обусловлено как необходимостью обеспечения единства образовательного пространства, так и задачей гарантировать сопоставимость квалификаций выпускников во всех регионах страны.

Следовательно, именно федеральный уровень определяет основные параметры функционирования высшего образования, такие как стандарты, структура уровней подготовки, требования к аккредитации, процедуры лицензирования и многое другое.

Федеральный законодатель устанавливает большое количество норм, определяющих основы функционирования высшего образования. Так Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» от 29.12.2012 N 273-ФЗ закрепляет общественные отношения в сфере образования, возникающие в силу реализации соответствующего конституционного права, связанного с обеспечением государственных гарантий [4].

Кроме того, законодатель устанавливает федеральные государственные образовательные стандарты (ФГОС), которые являются инструментом поддержания единства образовательного пространства.

Важное значение имеет и федеральное нормотворчество в части кадровой политики: требования к квалификации педагогических работников, общие принципы их аттестации, а также порядок формирования государственной системы научной аттестации. То есть федеральная нормативная база в сфере высшего образования представляет собой иерархически строгую и внутренне согласованную систему, в которой основная роль принадлежит актам федерального уровня.

Однако федеральное законодательство не должно блокировать автономию образовательных организаций и региональную специфику. Хотя основная часть полномочий закреплена за Российской Федераци-

ей, регионы также играют значимую роль в формировании образовательной политики. Согласно Федеральному закону «Об образовании», субъекты РФ участвуют в управлении высшим образованием в рамках совместного ведения, реализуя меры поддержки образовательных организаций, развивая региональные научно-образовательные центры и обеспечивая финансирование отдельных программ.

Региональные органы власти вправе:

- принимать законы и иные нормативные акты в части вопросов образования, не урегулированных федеральным законодательством;

- финансировать создание и развитие инфраструктуры вузов;

- разрабатывать программы подготовки кадров для региональной экономики;

- осуществлять управление подведомственными вузами (если таковые имеются);

- устанавливать дополнительные меры поддержки студентов, молодых учёных и преподавателей.

Региональные власти способны создавать целевые программы развития кадрового потенциала, стимулировать развитие инженерных, медицинских, сельскохозяйственных и других направлений подготовки в зависимости от стратегических задач субъекта РФ.

В соответствии с государственной программой «Развитие образования и науки Республики Татарстан на 2014–2025 годы» стратегические национальные приоритеты, лежащие в основе государственной программы Республики Татарстан, направлены на развитие человеческого потенциала, укрепление духовных и нравственных ценностей, поддержку культурной и исторической самобытности, а также на формирование современной, устойчивой и технологически развитой экономики. Эти ориентиры определяют направления развития образовательной системы, в том числе сферы высшего образования.

Государственная программа Республики Татарстан направлена на обеспечение высокого качества образования, его соответствие запросам общества и потребностям региональной экономики, формирование эффективной системы выявления и поддержки талантливой молодежи, а также развитие кадрового потенциала образовательных организаций. Особое значение придается созданию современной, безопасной и конкурентоспособной образовательной среды в вузах, расширению возможностей профессионального самоопределения и повышению уровня профессиональной подготовки выпускников.

Повышение доступности и эффективности образования, его адаптация к вызовам современности и будущего рассматриваются как ключевые условия успешного социально-экономического развития региона и страны в целом [5; 6].

Таким образом, ключевой проблемой в разграничении полномочий между федеральным центром и регионами в сфере высшего образования является несбалансированность системы. Она выражается в излишне детализированном федеральном регулировании, которое ограничивает возможности регионов для гибкого решения местных задач. Наложение этой проблемы на недостаток координации и конфликты полномочий снижает общую эффективность управления.

Следовательно, для повышения эффективности необходима четкая и прозрачная модель, которая обеспечит системное взаимодействие между уровнями власти, сочетая единство образовательного пространства с разумной самостоятельностью регионов.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Российская газета. №144. – 04.07.2020.

[2] Вечканова Н.В. Право на образование в Российской Федерации: Конституционный аспект // Теория и практика общественного развития. 2017. №8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-obrazovanie-v-rossiyskoy-federatsii-konstitutsionnyy-aspekt (дата обращения: 22.11.2025).

[3] Баглай М. В. Конституционное право Российской Федерации : учебник / М. В. Баглай. — 14-е изд., изм. и доп. — Москва : Норма : ИНФРА-М, 2025. — С. 355.

[4] Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» // Российская газета. № 303, 31.12.2012.

[5] Постановление Кабинета Министров

Республики Татарстан от 02.10.2023 № 1212 «О внесении изменений в постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 22.02.2014 № 110 // Официальный сайт Министерства образования и науки РТ URL: https://mon.tatarstan.ru/gos_programmi.htm (дата обращения 12.11.2025).

[6] Постановление Кабинета Министров Республики Татарстан от 22.02.2014 № 110 «Об утверждении государственной программы «Развитие образования и науки Республики Татарстан на 2014 – 2025 годы» // Официальный сайт Министерства образования и науки РТ URL: https://mon.tatarstan.ru/gos_programmi.htm (дата обращения 12.11.2025).

References:

[1] Constitution of the Russian Federation (adopted by popular vote on 12.12.1993, with amendments approved during the all-Russian vote on 01.07.2020) // Rossiyskaya Gazeta. No. 144. – 04.07.2020.

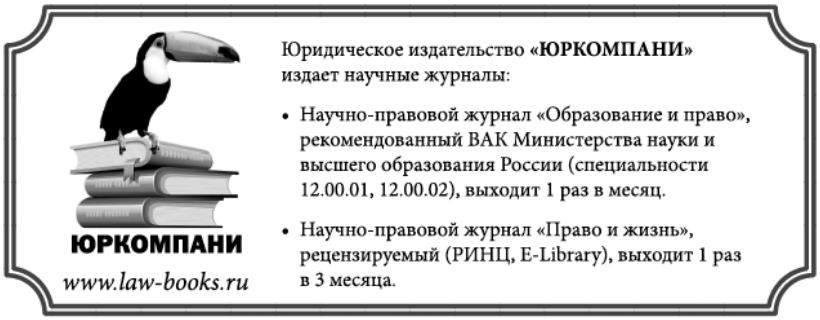
[2] Vechkanova N.V. The Right to Education in the Russian Federation: Constitutional Aspect // Theory and Practice of Social Development. 2017. No. 8. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/pravo-na-obrazovanie-v-rossiyskoy-federatsii-konstitutsionnyy-aspekt (date of access: 22.11.2025).

[3] Baglai M.V. Constitutional Law of the Russian Federation: textbook / M.V. Baglai. - 14th ed., amended. and add. — Moscow: Norma: INFRA-M, 2025. — P. 355.

[4] Federal Law of December 29, 2012 No. 273-FZ «On Education in the Russian Federation» // Rossiyskaya Gazeta. No. 303, December 31, 2012.

[5] Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan of October 2, 2023 No. 1212 «On Amendments to the Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan of February 22, 2014 No. 110 // Official website of the Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan URL: https://mon.tatarstan.ru/gos_programmi.htm (date of access November 12, 2025).

[6] Resolution of the Cabinet of Ministers of the Republic of Tatarstan dated 22.02.2014 No. 110 “On approval of the state program “Development of education and science of the Republic of Tatarstan for 2014–2025” // Official website of the Ministry of Education and Science of the Republic of Tatarstan URL: https://mon.tatarstan.ru/gos_programmi.htm (date of access 12.11.2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 08.06.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-23-28**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

РОДИОНОВ Геннадий Леонидович,
кандидат экономических наук,
декан факультета экономики и управления,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
e-mail: rodionov1975@mail.ru

СИТОХОВА Татьяна Ельзарикоевна,
кандидат экономических наук,
доцент, заведующий кафедрой экономики,
Северо-Осетинский государственный университет им. К.Л. Хетагурова,
e-mail: t_sitohova@mail.ru

КОНКУРЕНТНАЯ ПОЛИТИКА КАК ИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ОСНОВА РЕЗУЛЬТАТИВНОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА

Аннотация. *В статье исследуется конкурентная политика как институциональная основа результативности государственной поддержки предпринимательства. Обосновывается, что экономический эффект поддерживающих мер определяется не только объемом распределяемых ресурсов, но, прежде всего, состоянием конкурентной среды, в которой осуществляется предпринимательская деятельность. Показано, что при деформированной структуре рынка государственная поддержка способна утрачивать стимулирующую функцию и воспроизводить селективные преимущества уже закрепившихся участников. Выявлены основные механизмы влияния конкурентной политики на результативность поддержки предпринимательства, выраженную через открытый доступ к рынку, выравнивание базовых условий хозяйствования, ограничение институционального захвата мер поддержки, сохранение дисциплинирующей роли конкуренции и повышение качества отбора предпринимательских инициатив. Особое внимание уделено тому, что государственная поддержка оказывается продуктивной лишь в той мере, в какой она не подменяет конкурентный процесс, а снижает барьеры входа, расширяет доступ к ресурсам и усиливает способность хозяйствующих субъектов действовать в открытой рыночной среде. Научная новизна исследования состоит в трактовке конкурентной политики не как сопутствующего направления регулирования, а как базового институционального условия, определяющего пределы, критерии и формы допустимой государственной поддержки предпринимательства. Практическое значение работы связано с обоснованием подхода, при котором результативность поддержки оценивается через ее влияние на параметры предпринимательской среды, а не только по объему доведенных ресурсов и числу получателей.*

Ключевые слова: *конкурентная политика, государственная поддержка предпринимательства, предпринимательская активность, институциональные условия, барьеры входа на рынок, конкурентная нейтральность, рыночный доступ, предпринимательская среда, государственное регулирование.*

RODIONOV Gennady Leonidovich,
PhD in Economics, Dean of the Faculty
of Economics and Management
K.L. Khetagurov North Ossetian State University

SITOKHOVA Tatiana Elzarikoevna,
PhD in Economics, Associate Professor,
Head of the Department of Economics
K.L. Khetagurov North Ossetian State University

COMPETITION POLICY AS AN INSTITUTIONAL BASIS FOR THE EFFECTIVENESS OF STATE SUPPORT FOR ENTREPRENEURSHIP

Annotation. *This article examines competition policy as the institutional basis for the effectiveness of state support for entrepreneurship. It is argued that the economic impact of support measures is determined not only by the volume of resources distributed, but primarily by the state of the competitive environment in which entrepreneurial activity takes place. It is shown that, in a distorted market structure, state support can lose its incentive function and reproduce the selective advantages of already established participants. The key mechanisms by which competition policy influences the effectiveness of entrepreneurship support are identified: ensuring open access to the market, leveling the basic conditions of business, limiting the institutional capture of support measures, maintaining the disciplining role of competition, and improving the quality of selection of entrepreneurial initiatives. Particular attention is paid to the fact that state support is productive only to the extent that it does not replace the competitive process, but rather reduces barriers to entry, expands access to resources, and strengthens the ability of economic entities to operate in an open market environment. The research's novelty lies in its interpretation of competition policy not as an adjunct to regulation, but as a fundamental institutional condition defining the limits, criteria, and forms of permissible state support for entrepreneurship. The practical significance of this work lies in its substantiation of an approach in which the effectiveness of support is assessed through its impact on the parameters of the entrepreneurial environment, rather than solely by the volume of resources provided and the number of recipients.*

Key words: *competition policy, state support for entrepreneurship, entrepreneurial activity, competitive environment, institutional conditions, barriers to entry, competitive neutrality, market access, entrepreneurial environment, government regulation.*

Результативность государственной поддержки предпринимательства в современной экономике не может оцениваться только по объему выделяемых ресурсов, числу получателей помощи или набору применяемых льгот. Такие показатели отражают прежде всего административную сторону поддержки, но слабо характеризуют ее реальный экономический эффект. Поддержка действует в конкретной рыночной среде, где уже сложились определенные условия доступа к ресурсам, каналы распределения преимуществ и механизмы отбора участников. Поэтому одна и та же мера в разных институциональных условиях может давать различный результат, например, стимулировать предпринимательский вход и расширение хозяйственной активности либо, напротив, усиливать зависимость бизнеса от административно распределяемых преимуществ.

В научной литературе представлены два направления анализа. В рамках первого исследуются формы и инструменты государственной поддержки предпринимательской инициативы, их влияние на малое и среднее предпринимательство, инвестиции, занятость и инновационную активность [1; 3; 8]. Во втором в центре внимания находятся конкурентная среда, барьеры входа, последствия государственного вмешательства и условия сохранения открытого доступа к рынкам [2; 5; 9]. Однако связь между этими направлениями разработана заметно слабее. Между тем именно она позволяет ответить на принципиальный вопрос, при каких институциональных условиях меры поддержки действительно расширяют предпринимательскую активность, а не закрепляют уже сложившуюся структуру рыночных преимуществ.

Проблема исследования состоит в том, что в практике государственного регулирования результативность поддержки нередко оценивается по формальным параметрам ее предоставления, тогда как ее фактический эффект зависит от открытости рынка, равенства условий хозяйствования и способности новых субъектов включаться в конкурентный процесс. Вследствие этого одна и та же мера может в одних условиях работать как стимул для предпринимательской инициативы, а в других как фактор усиления зависимости бизнеса от внешнего перераспределения ресурсов. Цель статьи состоит в обосновании положения о том, что конкурентная политика выступает институциональной основой результативности

государственной поддержки предпринимательства. Методологически исследование опирается на институциональный и системный подходы, позволяющие рассматривать конкурентную политику и государственную поддержку как взаимосвязанные элементы единого механизма воздействия на предпринимательскую среду.

В экономической литературе конкурентная политика часто трактуется преимущественно через антимонопольное регулирование, предупреждение злоупотребления доминирующим положением и пресечение антиконкурентных соглашений. Однако такое понимание охватывает лишь один уровень ее содержания. В более широком смысле конкурентная политика представляет собой механизм формирования правил хозяйствования, при которых предпринимательская инициатива получает не только формальное право на существование, но и реальную возможность для входа на рынок, закрепления на нем и последующего развития. Следовательно, речь идет не только о пресечении нарушений, но и о поддержании открытой структуры рынка, в которой экономические возможности не замыкаются внутри ограниченного круга участников.

При таком подходе конкурентная политика выступает институтом распределения экономических возможностей. Для предпринимателя существенны не только нормативно закрепленные права на ведение бизнеса, но и фактическая доступность рынка, прозрачность правил доступа к ресурсам, сопоставимость регуляторной нагрузки, предсказуемость условий хозяйствования и отсутствие необоснованных преимуществ у уже действующих субъектов. Если эти условия нарушены, предпринимательская активность начинает зависеть не столько от качества хозяйственного решения, сколько от близости к каналам распределения преимуществ. В этом случае инициатива смещается из сферы рыночного созидания в сферу приспособления к существующей конфигурации привилегий.

Именно поэтому конкурентная политика не может быть сведена к защите конкуренции в узком правоприменительном смысле. Ее экономическая функция состоит в поддержании такой рыночной организации, при которой сохраняется возможность появления новых участников, перераспределения рыночных позиций на основе эффективности и ограничения тех форм государственного либо квазигосударственного воздействия, которые закрепляют асимметрию стартовых условий. В смешанной экономике данное обстоятельство приобретает особое значение, поскольку государство одновременно выступает регулятором, заказчиком, собственником и субъектом распределения отдельных ресурсов. Следовательно, антиконкурентные эффекты могут возникать не только из поведения частных компаний, но и из самой архитектуры публичного вмешательства [2]. Отсюда вытекает важный вывод: конкурентная политика задает рамку, в пределах которой государственная поддержка способна выполнять развивающую, а не перераспределительную функцию.

Традиционно государственная поддержка предпринимательства рассматривается как инструмент расширения занятости, обновления производственной базы и вовлечения новых субъектов в экономический оборот. Такое понимание в целом оправдано, но лишь при условии, что сама поддержка снижает реальные барьеры хозяйствования, а не превращается в дополнительное преимущество для тех, кто уже занимает сильные позиции. Экономический смысл поддержки состоит в компенсации ограничений, которые рынок преодолевает с чрезмерными издержками. К таким ограничениям отнесем дефицит стартового капитала, информационную асимметриию, слабый доступ малых фирм к инфраструктуре, закупкам и финансированию. Однако именно здесь проходит граница между поддержкой как инструментом расширения возможностей и поддержкой как механизмом административного перераспределения преимуществ.

Если поддержка реализуется в среде, где условия рыночного входа асимметричны, она неизбежно встраивается в уже существующую структуру преимуществ. Субъекты, располагающие лучшими кадровыми, организационными и информационными ресурсами, как правило, легче получают доступ к программам поддержки, лучше ориентируются в критериях отбора и быстрее адаптируются к процедурам получения помощи. В результате инструмент, формально способствующий развитию предпринимательства, может фактически усиливать позиции тех, кто и без того находится в более выгодном положении. В этом случае под-

держка не расширяет конкурентное поле, а перераспределяется внутри уже сложившейся рыночной структуры.

Не менее существенно и другое обстоятельство. В институционально закрытой среде поддержка меняет саму логику предпринимательского поведения. В условиях открытого рынка предприниматель ориентируется на поиск ниши, снижение издержек, организационную гибкость и обновление предложения. Если же экономический успех в значительной степени зависит от доступа к распределяемым преимуществам, рациональная стратегия смещается к удержанию преференций и адаптации к административным правилам. В краткосрочном плане это может сопровождаться ростом числа получателей помощи, но в долгосрочной перспективе ослабляет самостоятельную мотивацию бизнеса и снижает значение конкурентного отбора.

Эмпирические исследования показывают, что эффект государственной поддержки зависит от институциональной среды, в которой она реализуется. Так, в исследовании локальных программ поддержки инновационных стартапов в Италии П. Сантолери и Э. Руссо установили, что такие программы не оказали значимого влияния инновации, инвестиции и размер фирм. Вместе с тем получение локальной субсидии повышало вероятность доступа тех же компаний к последующим формам публичной поддержки [4]. Этот результат важен для настоящего исследования, поскольку показывает возможность смещения эффекта поддержки, когда вместо расширения предпринимательской динамики она может усиливать ориентацию фирм на повторное получение субсидий.

Иной эффект зафиксирован в исследовании Э. Аутио и Х. Ранникко, посвященном финской программе поддержки быстрорастущих компаний. На основе восьмилетней панели авторы пришли к выводу, что участие в программе более чем удвоило темпы роста поддержанных фирм [6]. В данном случае значение имела сама конфигурация меры, предусматривающая поддержку компаний, обладавших потенциалом масштабирования и способствующая ускорению их роста. Сопоставление этих примеров позволяет сделать принципиальный вывод о том, что значение имеет не сам факт предоставления помощи, а ее институциональная настройка. Поддержка дает результат там, где она встраивается в среду конкурентного отбора и усиливает развитие фирмы, в противном случае она может ограничиться воспроизводством доступа к новым формам субсидирования

Если рассматривать конкурентную политику как институциональную основу поддержки, необходимо раскрыть конкретные механизмы такого влияния. Первый из них связан с формированием открытого доступа к рынку. Если условия входа остаются закрытыми, поддержка концентрируется в пределах уже сложившегося круга участников и усиливает их устойчивость, почти не влияя на расширение предпринимательского слоя. Напротив, если конкурентная политика ограничивает административные барьеры и препятствует искусственному закреплению преимуществ, поддержка начинает работать как фактор предпринимательского входа и вовлечения новых субъектов в хозяйственный оборот.

Второй механизм состоит в выравнивании базовых условий хозяйствования. Формально единая мера поддержки в среде с неравным доступом к информации, финансированию, инфраструктуре и закупкам неизбежно дает различный эффект. Конкурентная политика, ориентированная на снижение институциональной дискриминации, делает поддержку не только более доступной, но и более экономически содержательной, поскольку превращает предпринимательскую инициативу из привилегии ограниченного круга субъектов в достижимую возможность.

Третий механизм связан с изменением самой функции поддержки. В условиях слабой конкуренции она носит преимущественно компенсаторный характер, смягчая последствия неблагоприятной среды, но не затрагивая ее институциональные основания. В более открытой конкурентной среде поддержка приобретает развивающий характер, поскольку используется не для замещения конкуренции, а для усиления способности хозяйствующего субъекта действовать в ней. В этом заключается принципиальное различие между поддержкой, которая воспроизводит зависимость, и поддержкой, которая расширяет пространство хозяйственной инициативы.

Четвертый механизм выражается в сохранении дисциплинирующей роли конкуренции. Предпринимательская активность

предполагает принятие риска, ориентацию на эффективность и готовность к адаптации. Если поддержка действует в среде со слабым конкурентным давлением, хозяйственное поведение смещается в сторону поиска устойчивого доступа к внешним преимуществам. Конкурентная политика препятствует такому смещению и сохраняет ситуацию, в которой поддержка не освобождает от необходимости быть эффективным, а лишь снижает избыточные барьеры развития.

Наконец, конкурентная политика ограничивает институциональный захват поддерживающих мер и повышает качество отбора предпринимательских инициатив. В среде, где рыночные сигналы искажены, государственная помощь может направляться на сохранение хозяйственных практик, не обладающих достаточным развивающим потенциалом. Открытый рынок делает более заметными тех субъектов, которые способны использовать поддержку для расширения предложения, повышения производительности и освоения новых сегментов. Следовательно, конкурентная политика определяет не только внешние условия существования поддержки, но и ее внутреннюю экономическую природу.

Из этого следует, что согласование мер конкурентной политики и государственной поддержки не является техническим вопросом межведомственной координации. Речь идет о более глубоком институциональном требовании, в соответствии с которым поддержка должна проектироваться и оцениваться с учетом ее воздействия на конкурентную среду. Содержательно такое согласование предполагает изменение логики разработки поддерживающих мер. Первичным должен быть не вопрос о распределении ресурсов между категориями получателей, а вопрос о том, как конкретная мера влияет на структуру рыночных возможностей. Поддержка должна оцениваться как по признаку адресности, так и ее конкурентным последствиям. При таком подходе меняются и критерии оценки результативности. Она должна измеряться числом получателей и объемом доведенных средств, расширением числа новых участников рынка, повышением доступности ключевых ресурсов для малого и среднего бизнеса, снижением зависимости фирм от постоянных преференций и укреплением их деловой самостоятельности.

Обобщая изложенное отметим, что конкурентная политика выступает базовым условием, задающим пределы, направленность и экономический смысл поддержки. Именно она формирует такие параметры предпринимательской среды, при которых поддержка способна снижать барьеры входа, расширять доступ к ресурсам и создавать устойчивые предпосылки для хозяйственной инициативы. Поэтому результативной может считаться государственная поддержка, которая не закрепляет селективных преимуществ, не подменяет конкурентный процесс и способствует росту самостоятельной предпринимательской активности.

Список литературы:

[1] Бургонов О. В., Михайлов Е. В. Оценка эффективности институтов поддержки предпринимательства в России в условиях цифровой экономики // Экономика и управление. – 2021. – Т. 27. № 8(190). – С. 593-602.

[2] Piechucka J., Saurn-Romero L., Smulders B. Industrial Policies, Competition, and Efficiency: The Need for State Aid Control // Journal of Competition Law & Economics. – 2023. – Vol. 19. Iss. 4. – P. 503-526.

[3] Prasannath V., Adhikari R. P., Gronum S., Miles M. P. Impact of government support policies on entrepreneurial orientation and SME performance // International Entrepreneurship and Management Journal. – 2024. – Vol. 20. – P. 1533-1595.

[4] Santoleri P., Russo E. Spurring subsidy entrepreneurs // Research Policy. – 2025. – Vol. 54. Iss. 1. – Art. 105128.

[5] Aghion P., Cai J., Dewatripont M., Du L., Harrison A., Legros P. Industrial Policy and Competition // American Economic Journal: Macroeconomics. – 2015. – Vol. 7. No. 4. – P. 1-32.

[6] Autio E., Rannikko H. Retaining winners: Can policy boost high-growth entrepreneurship? // Research Policy. – 2016. – Vol. 45. Iss. 1. – P. 42-55.

[7] Sqderblom A., Samuelsson M., Wiklund J., Sandberg R. Inside the black box of outcome additionality: Effects of early-stage government subsidies on resource accumulation and new venture performance // Research Policy. – 2015. – Vol. 44. Iss. 8. – P. 1501-1512.

[8] Абаев К. Г. Анализ ключевых мер государственной поддержки субъектов малого

и среднего предпринимательства в современной России // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2024. – № 4. – С. 191-200.

[9] Ганебных Е. В., Эль-Сиба А. Н. Методологические подходы к формированию выборки при анализе состояния и развития конкуренции на товарных рынках // Вестник Северо-Осетинского государственного университета имени К. Л. Хетагурова. – 2025. – № 2. – С. 159-167.

References:

[1] Burgonov O. V., Mikhailov E. V. Assessing the Effectiveness of Institutions for Supporting Entrepreneurship in Russia in the Context of the Digital Economy // Economy and Management. - 2021. - Vol. 27. No. 8(190). - P. 593-602.

[2] Piechucka J., Saurн-Romero L., Smulders B. Industrial Policies, Competition, and Efficiency: The Need for State Aid Control // Journal of Competition Law & Economics. - 2023. - Vol. 19. Iss. 4. - P. 503-526.

[3] Prasannath V., Adhikari R. P., Gronum S., Miles M. P. Impact of government support policies on entrepreneurial orientation and SME performance // International Entrepreneurship and Management Journal. - 2024. - Vol. 20. – P. 1533-1595.

[4] Santoleri P., Russo E. Spurring subsidy entrepreneurs // Research Policy. – 2025. – Vol. 54. Iss. 1. – Art. 105128.

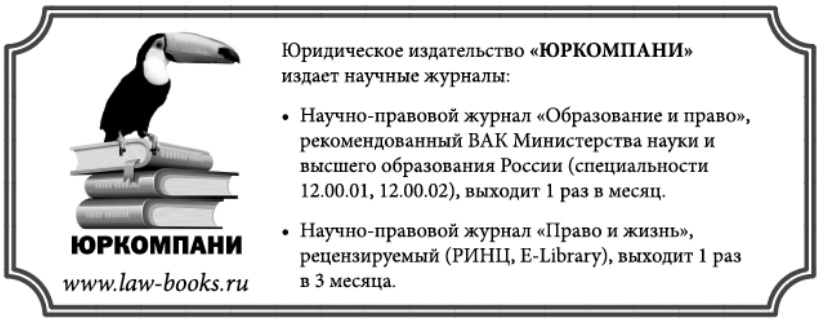
[5] Aghion P., Cai J., Dewatripont M., Du L., Harrison A., Legros P. Industrial Policy and Competition // American Economic Journal: Macroeconomics. – 2015. – Vol. 7.No. 4. – P. 1-32.

[6] Autio E., Rannikko H. Retaining winners: Can policy boost high-growth entrepreneurship? // Research Policy. – 2016. – Vol. 45. Iss. 1. – P. 42-55.

[7] Sцderblom A., Samuelsson M., Wiklund J., Sandberg R. Inside the black box of outcome additionality: Effects of early-stage government subsidies on resource accumulation and new venture performance // Research Policy. – 2015. – Vol. 44. Iss. 8. – P. 1501-1512.

[8] Abaev K. G. Analysis of key measures of state support for small and medium-sized businesses in modern Russia // Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University. – 2024. – No. 4. – P. 191-200.

[9] Ganebnykh E. V., El-Siba A. N. Methodological approaches to sampling in the analysis of the state and development of competition in commodity markets // Bulletin of the K. L. Khetagurov North Ossetian State University. – 2025. – No. 2. – P. 159-167.

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-29-41**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

МИЛАНИЧ Максим Андреевич,
магистрант,
Дальневосточный Федеральный университет,
Владивосток, Россия,
e-mail: milanich15@mail.ru

Научный руководитель:
ИЛЬНИЦКАЯ Анна Владимировна,
старший преподаватель,
Дальневосточный Федеральный университет,
Владивосток, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕТОДИКА ОПРЕДЕЛЕНИЯ МИНИМАЛЬНОГО ПРОЦЕНТА ЗАСТРОЙКИ ЗЕМЕЛЬНОГО УЧАСТКА ПРИ ПРЕДОСТАВЛЕНИИ В СОБСТВЕННОСТЬ ЗА ПЛАТУ ИЗ ЗЕМЕЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ИЛИ МУНИЦИПАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

Аннотация. *В статье рассматривается проблема определения соразмерности площади земельного участка, находящегося в государственной или муниципальной собственности, и площади расположенного на нём объекта капитального строительства при реализации собственником недвижимости исключительного права на приобретение такого участка. На основании анализа земельного законодательства, судебной практики и материалов законопроектной деятельности выявлена правовая неопределённость в порядке оценки допустимой площади выкупаемого земельного участка. Особое внимание уделено вопросу введения минимального процента застройки земельного участка и необходимости разработки методики его определения. Предложено учитывать при такой оценке не только общую площадь участка и площадь застройки, но также территориальную зону, вид разрешённого использования, градостроительные ограничения, красные линии, публичные сервитуты и зоны с особыми условиями использования территории. Сделан вывод о том, что закрепление методики на федеральном уровне с отсылкой к ней в Земельном кодексе Российской Федерации может способствовать снижению количества судебных споров, формированию единообразной правоприменительной практики и более рациональному использованию земель Российской Федерации.*

Ключевые слова: *земельный участок, предоставление земельного участка, объект капитального строительства, здание, процент застройки, соразмерность земельного участка, рациональное использование земель.*

MILANICH Maxim Andreevich,
Master's Student,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

Academic Supervisor:
ILNITSKAYA Anna Vladimirovna,
Senior Lecturer,
Far Eastern Federal University,
Vladivostok, Russia

MINIMUM DEVELOPMENT PERCENTAGE OF A LAND PLOT UPON ITS BUYOUT BY THE OWNER OF A REAL ESTATE OBJECT: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Annotation. *The article examines the problem of determining the proportionality between the area of a land plot owned by the state or a municipality and the area of a capital construction facility located on it when the owner of real estate exercises the exclusive right to acquire such a land plot. Based on an analysis of land legislation, judicial practice, and legislative drafting materials, the article identifies legal uncertainty in the procedure for assessing the permissible area of a land plot subject to buyout. Particular attention is paid to the introduction of a minimum development percentage for a land plot and to the need to develop a methodology for determining it. It is proposed that such assessment should take into account not only the total area of the land plot and the building footprint, but also the territorial zone, permitted use, urban planning restrictions, red lines, public easements, and zones with special conditions of territorial use. The article concludes that establishing such a methodology at the federal level, with a reference provision in the Land Code of the Russian Federation, may help reduce the number of court disputes, promote uniform law enforcement practice, and ensure more rational use of land in the Russian Federation.*

Key words: *land plot, provision of a land plot, capital construction facility, building, development percentage, proportionality of a land plot, rational use of land.*

Правовое регулирование предоставления земельных участков собственникам расположенных на них объектов капитального строительства сформировалось под влиянием объективной связи недвижимости с территорией, необходимой для её существования и использования. Любое здание, сооружение либо объект незавершённого строительства предполагает наличие земельного участка, обеспечивающего не только размещение самого объекта, но и его нормальное функционирование, эксплуатацию, техническое обслуживание, организацию подъездов, размещение инженерных коммуникаций, а также соблюдение обязательных градостроительных и санитарных требований. Вне соответствующей территории использование объекта капитального строительства в большинстве случаев оказывается невозможным либо существенно ограниченным. Именно поэтому российская модель регулирования предусматривает предоставление собственнику недвижимости преимущественной возможности оформить права на земельный участок, находящийся в государственной или муниципальной собственности, без проведения конкурентных процедур.

Подобный подход основан на представлении о земельном участке и расположенном на нём объекте недвижимости как о взаимосвязанных элементах единого имущественного комплекса. Такая связь имеет не только юридический, но и функционально-экономический характер, поскольку эксплуатационная ценность объекта капитального строительства напрямую зависит от возможности использования соответствующей территории. В научной литературе неоднократно подчёркивалось, что закрепление за собственником недвижимости права на оформление земельного участка служит одним из механизмов обеспечения устойчивости имущественного оборота и полноценной реализации правомочий собственника [1; 11]. Одновременно данная конструкция направлена на предотвращение ситуации, при которой использование объекта недвижимости зависит исключительно от усмотрения публичного собственника земли.

Вместе с тем наличие устойчивой связи между земельным участком и объектом капитального строительства не означает автоматического возникновения права на получение любой территории, фактически используемой совместно с объектом. На практике неизбежно возникает вопрос о пределах такого права и о том, какой объём земельного участка действительно необходим для эксплуатации конкретного объекта недвижимости. Необходимо учитывать не только назначение здания или сооружения, но и требования градостроительного регулирования, санитарные, противопожарные и иные обязательные нормы, влияющие на допустимые параметры использования территории. Именно определение площади и границ предоставляемого участка на протяжении длительного времени остаётся одной из наиболее сложных и дискуссионных проблем земельного права.

Длительное время регулирование данной сферы строилось на необходимости оценки фактического использования земельного участка. Такая модель позволяла уполно-

моченным органам и судам анализировать не только формальное наличие у лица права на приобретение участка, но и объективную потребность в использовании конкретной территории для эксплуатации объекта капитального строительства. В результате в правоприменительной практике постепенно сформировался подход, при котором основное значение приобрела проверка соразмерности площади земельного участка параметрам и назначению расположенного на нём объекта недвижимости.

Первоначально подобная практика имела преимущественно защитную направленность и использовалась главным образом для предотвращения злоупотреблений. Речь шла о случаях, когда собственники относительно небольших объектов недвижимости заявляли требования о предоставлении значительных по площади земельных территорий, фактическое использование которых не было связано с эксплуатацией принадлежащих им объектов. Оценка соразмерности в таких ситуациях выступала способом ограничения необоснованного выбытия земель из публичной собственности.

Со временем данный критерий утратил исключительно охранительную функцию и стал применяться значительно шире. Проверка соразмерности фактически превратилась в универсальный механизм оценки допустимого размера предоставляемого земельного участка. Постепенно акцент сместился с выявления очевидных злоупотреблений на общую оценку необходимости всей испрашиваемой территории. В результате предоставление участка стало зависеть не только от наличия права собственности на объект недвижимости, но и от способности заявителя обосновать необходимость использования земельного участка именно в заявленных границах.

Указанный подход получил развитие и в судебной практике. При разрешении споров суды стали исследовать не только сам факт принадлежности объекта недвижимости заявителю, но и функциональную связь между объектом и площадью испрашиваемого земельного участка. Существенное значение приобретали вопросы обеспечения доступа к объекту, возможности размещения инженерной инфраструктуры, организации подъездных путей, соблюдения градостроительных требований, нормативов благоустройства, требований к парковочным местам и иных условий, необходимых для полноценной эксплуатации недвижимости [2–5]. В результате сформировалась устойчивая модель правоприменения, в рамках которой площадь земельного участка оценивалась через призму реальных потребностей использования объекта капитального строительства.

Дополнительное влияние на формирование подобного подхода оказали и экономические факторы. В период существования льготного порядка выкупа земельных участков публичные образования были объективно заинтересованы в сокращении площади отчуждаемой территории, поскольку сохранение части земельного участка в государственной или муниципальной собственности позволяло использовать её в дальнейшем для аренды, последующей застройки либо иного хозяйственного оборота. Даже после изменения экономических условий и перехода к иной модели определения выкупной стоимости сама правоприменительная конструкция, основанная на проверке соразмерности площади земельного участка и объекта недвижимости, сохранила устойчивый характер и продолжила активно использоваться в административной и судебной практике.

В период действия льготного порядка выкупа земельных участков органы публичной власти были объективно заинтересованы в ограничении площади отчуждаемых территорий, поскольку стоимость приобретения земли существенно отличалась от её рыночной ценности. Сохранение части земельного участка в публичной собственности позволяло в дальнейшем использовать её для аренды, предоставления иным лицам, размещения объектов инфраструктуры либо иных целей, представляющих интерес для муниципального образования или государства.

Даже после изменения экономических условий и отказа от прежнего льготного механизма приобретения земельных участков сама правоприменительная модель сохранилась. Это свидетельствует о том, что оценка соразмерности участка объекту недвижимости превратилась не просто в реакцию на особенности прежнего порядка выкупа, а в самостоятельную устойчивую конструкцию, активно используемую как административными органами, так и судами.

Несмотря на существование в действую-

щем земельном законодательстве конструкции преимущественного приобретения земельного участка собственником расположенного на нём объекта недвижимости, механизм определения пределов такого права по-прежнему остаётся недостаточно определённым. Нормативное регулирование закрепляет саму возможность оформления прав на участок, находящийся в публичной собственности, однако практически не содержит критериев, позволяющих установить, какая именно площадь должна признаваться необходимой и допустимой применительно к конкретному объекту капитального строительства. Закон не формирует единого порядка оценки соотношения площади объекта недвижимости и территории, подлежащей предоставлению для его эксплуатации, что неизбежно создаёт значительное пространство для оценочного подхода.

Существенное значение имеет и то обстоятельство, что действующее законодательство не относит несоразмерность площади земельного участка характеристикам объекта капитального строительства к числу самостоятельных оснований для отказа в его предоставлении. Формально право собственника недвижимости на приобретение участка возникает при наличии предусмотренных законом условий, однако на практике вопрос о допустимых границах предоставляемой территории продолжает решаться значительно сложнее. Отсутствие прямого нормативного регулирования приводит к тому, что оценка необходимой площади фактически переносится в сферу административного усмотрения.

В подобных условиях уполномоченные органы вынуждены самостоятельно определять, какая часть земельного участка действительно необходима для эксплуатации объекта недвижимости, а какая может рассматриваться как избыточная. Поскольку единые критерии такой оценки отсутствуют, решения по сходным ситуациям нередко оказываются различными. В результате определение площади предоставляемого участка приобретает во многом индивидуальный и оценочный характер, зависящий не только от особенностей объекта недвижимости, но и от подхода конкретного органа власти к толкованию требований о соразмерности территории.

При возникновении несогласия между собственником объекта недвижимости и публичным образованием спор, как правило, переносится в судебную плоскость. В рамках судебного разбирательства вопрос о допустимой площади участка фактически исследуется повторно: анализируется назначение объекта, характер его эксплуатации, необходимость обеспечения доступа, соблюдение градостроительных требований, наличие инженерной инфраструктуры, подъездных путей, элементов благоустройства и иных обстоятельств, влияющих на возможность полноценного использования недвижимости. Таким образом, отсутствие заранее установленного нормативного механизма приводит к тому, что вопрос о границах земельного участка окончательно разрешается уже не на стадии предоставления участка, а в процессе судебной оценки конкретной ситуации.

Особые сложности возникают в случаях, когда земельный участок был сформирован ранее в рамках документации по планировке территории. Если его границы определены посредством проекта межевания либо иной градостроительной документации, это означает, что параметры участка уже проходили предварительную оценку с точки зрения градостроительного развития территории, допустимого размещения объектов, транспортной и инженерной обеспеченности, а также иных требований публичного характера. В подобных ситуациях последующее уменьшение площади участка только по мотиву предполагаемой избыточности территории способно породить противоречие между ранее утверждёнными градостроительными решениями и последующей административной оценкой необходимости использования земельного участка.

Если границы участка ранее определялись проектом межевания либо иной утверждённой документацией, это означает, что параметры участка уже проходили оценку с точки зрения градостроительных требований, допустимого использования территории и обеспечения эксплуатации объекта недвижимости. В подобных случаях последующее уменьшение площади участка только по мотиву предполагаемой избыточности территории способно вступать в противоречие с ранее принятыми градостроительными решениями.

После изменения земельного законодательства единообразный подход к разрешению подобных споров в судебной практике

сформирован не был. Часть судов исходит из того, что отсутствие прямого указания в законе на возможность отказа по причине несоразмерности площади исключает право уполномоченного органа произвольно уменьшать границы участка [6]. Одновременно сохраняется и противоположная практика, предполагающая возложение на собственника объекта недвижимости обязанности подтверждать необходимость использования участка именно в заявленных границах [7].

В связи с этим в судебных спорах всё более существенное значение приобретают землеустроительные и комплексные градостроительные экспертизы. Именно посредством экспертных исследований суды зачастую определяют, соответствует ли испрашиваемая площадь особенностям эксплуатации объекта капитального строительства, возможно ли соблюдение обязательных градостроительных требований при уменьшении участка, а также не приведёт ли сокращение территории к невозможности размещения подъездных путей, парковок, озеленения, инженерной инфраструктуры и иных обязательных элементов благоустройства [8; 9].

Российская модель регулирования отношений, связанных с предоставлением земельных участков собственникам объектов капитального строительства, основана на признании неразрывной функциональной связи между недвижимостью и территорией, необходимой для её существования и эксплуатации. Использование здания, сооружения либо объекта незавершённого строительства объективно невозможно без соответствующего земельного участка, поскольку нормальное функционирование недвижимости предполагает наличие пространства для размещения инженерных коммуникаций, организации подъездов, обеспечения доступа, благоустройства территории, соблюдения санитарных, противопожарных и градостроительных требований. Земельный участок в подобных правоотношениях выступает не просто самостоятельным объектом имущественного оборота, а пространственной основой эксплуатации объекта капитального строительства.

Именно из такого понимания природы взаимосвязи земли и недвижимости сформировался подход, предоставляющий собственнику объекта капитального строительства возможность оформить права на земельный участок, необходимый для использования принадлежащего ему объекта, в упрощённом порядке, без применения конкурентных процедур. Подобное регулирование направлено на обеспечение устойчивости имущественных отношений и создание условий для полноценной реализации правомочий собственника недвижимости. В юридической литературе неоднократно подчёркивалось, что предоставление лицу прав на участок, занятый принадлежащим ему объектом недвижимости, представляет собой одно из наиболее последовательных проявлений принципа взаимосвязанности земельного участка и расположенного на нём объекта капитального строительства.

Вместе с тем признание такой связи само по себе не позволяет однозначно определить пределы прав собственника недвижимости на соответствующую территорию. Наиболее сложным вопросом в подобных правоотношениях остаётся установление допустимой площади земельного участка, подлежащего предоставлению. Практика показывает, что сама принадлежность лицу здания или сооружения ещё не означает автоматического возникновения права на приобретение любой территории, фактически используемой совместно с объектом. Возникает необходимость определить, какая часть земельного участка действительно необходима для эксплуатации недвижимости, соответствует её функциональному назначению и обеспечивает соблюдение обязательных требований градостроительного регулирования.

Таким образом, основная проблема заключается не столько в признании самого права на предоставление земельного участка, сколько в определении его разумных и допустимых границ. В подобных ситуациях неизбежно возникает необходимость поиска баланса между интересами собственника объекта капитального строительства и публичными интересами, связанными с сохранением земель, находящихся в государственной или муниципальной собственности. С одной стороны, предоставляемый участок должен обеспечивать полноценную эксплуатацию объекта недвижимости, возможность его обслуживания, соблюдение требований безопасности и нормального функционирования. С другой стороны, передача чрезмерно большой территории может рассматриваться как необоснованное

выбытие публичных земель из собственности государства либо муниципального образования.

На протяжении длительного времени регулирование данной сферы основывалось на необходимости учитывать фактическое землепользование при определении площади предоставляемого участка. Подобная конструкция позволяла учитывать реальные условия эксплуатации объекта капитального строительства и предоставляла органам власти возможность анализировать не только наличие у заявителя формального права на приобретение участка, но и объективную потребность в использовании конкретной территории. В результате в административной и судебной практике постепенно сформировался подход, согласно которому собственник объекта недвижимости не во всех случаях мог претендовать на получение всей площади земельного участка, ранее находившейся у него в пользовании либо фактически используемой совместно с объектом.

Центральное значение в правоприменительной практике постепенно приобрёл критерий соразмерности площади земельного участка характеристикам расположенного на нём объекта капитального строительства. Изначально данный механизм носил преимущественно ограничительный характер и использовался главным образом для предотвращения очевидных злоупотреблений, связанных с попытками приобретения значительных по площади территорий при наличии сравнительно небольших объектов недвижимости. Однако впоследствии критерий соразмерности утратил исключительно охранительную функцию и начал использоваться значительно шире. Постепенно он превратился в универсальный инструмент оценки допустимых границ земельного участка, предоставляемого собственнику объекта капитального строительства, а вопрос о необходимости испрашиваемой территории стал одним из ключевых элементов правоприменительной практики.

Вопрос определения минимального уровня освоения земельного участка не может решаться посредством установления единого универсального показателя, применимого ко всем категориям территорий независимо от их функционального назначения и градостроительных характеристик. Очевидно, что степень использования участка, предназначенного для индивидуального жилищного строительства либо ведения садоводства, объективно отличается от параметров освоения территорий, используемых для размещения производственных комплексов, объектов общественно-делового назначения, складской инфраструктуры или иных капитальных сооружений. По этой причине оценка допустимого соотношения площади земельного участка и расположенного на нём объекта недвижимости должна осуществляться дифференцированно — с учётом территориальной зоны, установленного вида разрешённого использования, характера окружающей застройки и содержания градостроительных регламентов.

При поиске критериев такой оценки возможно обращение к существующим градостроительным нормативам, предусматривающим показатели плотности застройки и интенсивности использования территории. Однако прямое применение подобных показателей в рамках земельно-правовых отношений представляется недостаточно корректным. Изначально соответствующие нормативы создавались для целей территориального планирования и были ориентированы на определение максимально допустимой нагрузки на территорию. Их задача заключается в обеспечении сбалансированного развития застройки, соблюдении требований транспортной доступности, санитарной безопасности, инсоляции, противопожарной защиты, инженерной обеспеченности и иных условий устойчивого функционирования городской среды. Следовательно, такие показатели характеризуют прежде всего верхние пределы допустимого использования территории, а не минимально необходимую степень её освоения.

Между тем при разрешении вопроса о предоставлении земельного участка собственнику объекта капитального строительства требуется установить иное обстоятельство — соответствует ли фактическое использование территории разумным потребностям эксплуатации конкретного объекта недвижимости. В данном случае предметом оценки выступает не потенциальная интенсивность застройки участка, а минимальный объём освоения территории, позволяющий признать испрашиваемый участок функционально связанным с объектом капитального строительства и необходимым для его использования. Именно поэтому существующие градостроительные

показатели не могут применяться автоматически и требуют адаптации применительно к задачам оценки соразмерности земельного участка и расположенного на нём объекта.

Одним из возможных способов такой адаптации может стать использование специального расчётного механизма, основанного на применении понижающего коэффициента освоения территории. Смысл подобного инструмента заключается в преобразовании нормативов предельной плотности застройки в ориентировочный показатель минимально допустимого уровня фактического использования земельного участка. Речь идёт не о механическом переносе градостроительных нормативов в сферу земельных правоотношений, а о формировании вспомогательной модели оценки, позволяющей определить условный нижний предел разумного освоения территории применительно к конкретному объекту недвижимости.

При этом сам по себе подобный коэффициент не должен рассматриваться как самостоятельный норматив градостроительного регулирования либо как безусловное основание для отказа в предоставлении земельного участка. Его значение носит прежде всего методический характер и связано с необходимостью снижения существующей неопределённости в правоприменительной практике. Использование такого инструмента возможно лишь при условии нормативного закрепления порядка его расчёта, определения критериев применения, а также учёта особенностей различных территориальных зон, видов разрешённого использования земельных участков и характера объектов капитального строительства.

Одновременно чрезмерная формализация оценки освоенности территории также способна породить новые проблемы правоприменения. Если вопрос о допустимой площади земельного участка будет решаться исключительно посредством арифметического сопоставления расчётных показателей, существует риск подмены комплексной правовой оценки механическим применением формул. В подобных условиях могут игнорироваться фактические особенности эксплуатации объекта недвижимости, конфигурация участка, наличие подъездных путей, инженерной инфраструктуры, ограничений использования территории, а также иные обстоятельства, непосредственно влияющие на возможность нормального функционирования объекта капитального строительства.

В связи с этим расчётные показатели целесообразно рассматривать не как абсолютный критерий определения допустимой площади земельного участка, а как один из элементов комплексной оценки. Их применение должно сочетаться с анализом градостроительных характеристик территории, особенностей фактического использования объекта недвижимости, существующих ограничений и иных значимых факторов. Только при таком подходе возможно формирование более предсказуемого и одновременно гибкого механизма определения соразмерности земельного участка расположенному на нём объекту капитального строительства.

В методике используются следующие термины и обозначения:

Под $S_{уч}$ – понимается общая площадь земельного участка, содержащаяся в сведениях ЕГРН, кв. м;

$S_{заст}$ – характеризует площадь застройки объекта капитального строительства и определяется по внешнему контуру здания на уровне цокольной части с учетом выступающих конструктивных элементов, подлежащих включению в расчет, кв. м;

$S_{конт}$ – отражает площадь допустимого размещения объекта капитального строительства внутри участка после исключения обязательных минимальных отступов от его границ, установленных градостроительными регламентами либо градостроительным планом земельного участка, кв. м;

$S_{искл}$ – используется для обозначения территорий, в пределах которых строительство невозможно либо прямо запрещено действующим правовым режимом. К таким территориям могут относиться зоны действия красных линий, участки с сервитутными ограничениями, зоны с особыми условиями использования территории и иные ограничения, препятствующие размещению объекта капитального строительства, кв. м;

$S_{красн}$ – отражает площадь части участка, находящейся в пределах красных линий или территорий общего пользования, исключающих возможность размещения объекта капитального строительства, кв. м;

$S_{серв}$ – так предлагается обозначать территорию, обремененную сервитутом или публичным сервитутом, если соответствующее

ограничение исключает либо существенно затрудняет строительство., кв. м;

$S_{запр}$ – применяется для участков территории, попадающих в зоны прямого запрета строительства, включая отдельные виды зон с особыми условиями использования территории, кв. м;

$S_{иное}$ – в состав данного показателя включаются иные части земельного участка, использование которых для размещения объекта невозможно в силу специальных ограничений, например территории пожарных проездов либо зоны размещения линейных объектов, кв. м;

$S_{эфф}$ – характеризует эффективную площадь участка, фактически пригодную для размещения и эксплуатации объекта капитального строительства, кв. м.

Для оценки степени освоения территории используются два дополнительных показателя:

$P_{общ}$ – отражает процент застройки исходя из общей площади земельного участка, %;

$P_{эфф}$ – определяется применительно к эффективной площади участка, %;

Минимально допустимые пороговые значения процента застройки предлагается обозначать как P_(min,общ), P_(min,эфф) – соответственно с P_общ и P_эфф, %;

$K_{норм}$ – коэффициент применяется в качестве нормативного показателя застройки для соответствующей территориальной зоны и определяется с учетом параметров, предусмотренных таблицей 11.

Таблица 1. Показатели плотности застройки участков, согласно табл. Б.1, приложение Б, СП 42.13330.2016

Территориальные зоны	**Коэффициент застройки**
1	
Территории, занятые многоквартирной жилой застройкой повышенной этажности	0,4
Участки многоэтажной жилой застройки в условиях реконструкции	0,6
Зоны размещения жилых домов средней и малой этажности	0,4
Территории блокированной жилой застройки с индивидуальными приквартирными участками	0,3
Участки индивидуального жилищного строительства и малоэтажной усадебной застройки	0,2
Общественно-деловая	
Многофункциональные общественно-деловые территории	1,0
Территории специализированного общественного назначения	0,8
Производственная	
Производственно-промышленные зоны	0,8
Территории научно-производственного использования	0,6
Коммунально-хозяйственные и складские территории	0,6

В рамках предлагаемой методики специальное значение имеет коэффициент δ, предназначенный для определения минимального порога освоения земельного участка. Указанный показатель представляет собой долю от нормативно установленного максимального уровня застройки территории и используется как вспомогательный расчётный инструмент при оценке соразмерности земельного участка расположенному на нём объекту капитального строительства. Базовым вариантом предлагается считать коэффициент, равный 0,25, поскольку именно такое значение позволяет обеспечить баланс между необходимостью рационального использования публичных земель и учётом особенностей фактической эксплуатации объекта недвижимости.

Одновременно методика допускает использование иных значений коэффициента в зависимости от условий конкретной территории:

δ=0,2 – пониженное значение коэффициента;

δ=0,25 – базовое значение коэффициента, применяемое по умолчанию;

δ=0,3 – повышенное значение коэффициента, соответствующее более строгой модели оценки, применяемой для территорий повышенного риска злоупотребления или высокой ценности земли.

Расчет эффективной площади участка $S_{эфф}$:

Определение исключаемых зон $S_{искл}$:

$$S_{искл}=S_{красн}+S_{серв}+S_{запр}++S_{иное}$$

Определение эффективной площади застройки $S_{эфф}$:

$$S_{эфф}=S_{конт}—S_{искл}$$

При получении отрицательного значения $S_{эфф}$ принимается равной нулю, что свидетельствует о фактической непригодности земельного участка для размещения объекта капитального строительства.

Расчет процента застройки:

Процент застройки по общей площади:

$$P_{общ}=S_{заст}/S_{уч}\cdot 100$$

Процент застройки по эффективной площади:

$$P_{эфф}=S_{заст}/S_{эфф}\cdot 100$$

При отсутствии ограничений на рассматриваемом земельном участке рассчитывается процент застройки по общей площади.

Выбирается нормативный коэффициент застройки К_норм по таблице 1 для соответствующего типа территориальной зоны.

Рассчитывается нормативная предельная плотность в процентах:

$$P_{норм}=100\cdot K_{нор}$$

Вводится понижающий коэффициент порогового освоения земельного участка:

$$P_{min\ общ}=\delta\cdot P_{норм}$$

Рассчитывается минимальное пороговое значение процента застройки для сравнения с $P_{общ}$ и $P_{эфф}$. Так как $P_{общ}$ и $P_{эфф}$ имеют разные основания, вводится переводное соотношение:

$$P_{min\ эфф}=P_{min\ общ}\cdot S_{эфф}/S_{уч}$$

Формирование вывода:

При определении процента застройки исходя из общей площади земельного участка рассчитанное значение Робщ сопоставляется с установленным минимальным пороговым показателем $P_{min\ общ}$. Если выполняется соотношение $P_{общ} \geq P_{min}$ общ, уровень освоения территории признаётся соответствующим установленным требованиям. В случае, когда фактическое значение оказывается ниже минимального порога, условие о соблюдении минимального процента застройки считается невыполненным.

При осуществлении расчёта на основе эффективной площади земельного участка фактический показатель $P_{эфф}$ сравнивается с минимально допустимым значением $P_{min\ эфф}$. При соблюдении условия $P_{эфф} \geq P_{min\ эфф}$. минимальный уровень освоения земельного участка признаётся достигнутым. Если указанное соотношение отсутствует, делается вывод о несоблюдении установленного минимального процента застройки.

В целях апробации предлагаемой методики был проанализирован градостроительный план земельного участка № РФ-25-2-04-0-00-2024-0261-0, подготовленный применительно к земельному участку, расположенному в пределах Владивостокского городского округа Приморского края.

Основные характеристики рассматриваемого земельного участка:

– кадастровый номер — 25:28:030017:252;

– площадь земельного участка ($S_{уч}$) — 1256 кв. м;

– местоположение — Приморский край, Владивостокский городской округ;

– территориальная зона — Ж-4 (зона размещения многоэтажной жилой застройки высотой девять этажей и более);

– существующие объекты капитального строительства в границах участка отсутствуют;

– площадь проектируемых объектов капитального строительства ($S_{заст}$) ;

Градостроительные параметры территории:

– минимально допустимый отступ от границ земельного участка — 3 м;

– минимальный отступ от улично-дорожной сети — 5 м, кроме проездов

– предельно допустимый процент застройки — 60 % ;

– минимальная доля озеленения территории — 30 % .

Ограничения и специальные условия использования участка:

– часть территории площадью 312 кв. м расположена в пределах охранной зоны инженерных коммуникаций;

– участок площадью 20 кв. м находится в границах красных линий перспективного развития автомобильной дороги;

– на территории установлен публичный сервитут площадью 60 кв. м.

В рассматриваемой ситуации расчёт осуществляется исходя из эффективной площади земельного участка. Необходимость применения именно такого способа расчёта обусловлена наличием ограничений, влияющих на возможность размещения объекта капитального строительства, включая обязательный минимальный отступ от границ участка в размере 3 м, нахождение части территории в пределах красных линий перспективного развития автомобильной дороги площадью 20 кв. м, существование публичного сервитута площадью 60 кв. м, а также расположение части участка площадью 312 кв. м в охранной зоне инженерных коммуникаций.

Площадь внутреннего контура земельного участка после учета минимального отступа, рассчитанная по координатам границ участка, составляет:

$$S_{конт}=806,22 \text{ кв.м.}$$

Определение исключаемых зон $S_{искл}$:

$$S_{красн}=20 \text{ кв.м.};$$

$$S_{серв}=60 \text{кв.м.};$$

$$S_{запр}=312 \text{ кв.м.};$$

$$S_{искл}=S_{красн}+S_{серв}+S_{запр}=392,00 \text{ кв.м.}$$

Определение эффективной площади застройки $S_{эфф}$:

$$S_{эфф}=S_{конт}—S_{искл};$$

$$S_{эфф}=806,22—392,00=414,22 \text{ кв.м.}$$

Процент застройки по эффективной площади:

$$P_{эфф}=S_{заст}/S_{эфф} \cdot 100;$$

$$P_{эфф}=65/414,22 \cdot 100=15,69 \% .$$

Выбирается нормативный коэффициент застройки $K_{норм}$ по таблице 1 для соответствующего типа территориальной зоны:

$K_{норм}$ = 0,4, нормативный коэффициент застройки для застройки многоквартирными многоэтажными жилыми домами.

Рассчитывается нормативная предельная плотность в процентах:

$$P_{норм}=100 \cdot K_{норм};$$

$$P_{норм}=100 \cdot 0,4=40\% .$$

Вводится понижающий коэффициент порогового освоения земельного участка:

δ=0,25 – базовое значение коэффициента, применяемое по умолчанию;

$$P_{min\ общ} =\delta \cdot P_норм;$$

$$P_{min\ общ} =0,25 \cdot 40=10\% .$$

Рассчитывается минимальное пороговое значение процента застройки для сравнения с $P_{эфф}$:

$$P_{min\ эфф} =P_{min\ общ} \cdot S_{эфф}/S_{уч} ;$$

$$P_{min\ эфф} =10 \cdot 414,22/1256.00=3,29 \% .$$

Вывод:

Условие $P_{эфф} \geq P_{min\ эфф}$ выполняется, минимальный процент застройки земельного участка считается соблюденным.

В качестве следующего примера практического применения предлагаемой методики был исследован градостроительный план земельного участка № РФ-27-3-23-01-2024-0410-0 (Приложение Б), подготовленный в отношении территории, расположенной в Краснофлотском районе городского округа «Город Хабаровск» по адресу: ул. Быстринская, 27.

Характеристика земельного участка:

– кадастровый номер — 27:23:0010624:1191;

– площадь земельного участка ($S_{уч}$) — 3224 кв. м;

– местоположение — Хабаровский край, городской округ «Город Хабаровск», Краснофлотский район, ул. Быстринская, 27;

– территориальная зона — Ц-2-1, предусматривающая размещение объектов обслуживания и коммерческой активности районного значения;

– существующие объекты капитально-

го строительства в границах участка отсутствуют;

– проектируемый объект капитального строительства ($S_{заст}$) — двухэтажный бизнес-центр площадью 421 кв. м.

Градостроительные характеристики участка:

– минимальный отступ от границ земельного участка установлен в размере 3 м с северной, западной и южной сторон, при этом со стороны восточной границы допускается размещение без отступа;

– максимально допустимый процент застройки территории составляет 60 %.

Ограничения и специальные условия использования территории:

– сведения о публичных сервитутах отсутствуют;

– информация о красных линиях в текстовой части градостроительного плана не содержится;

– земельный участок полностью расположен в границах зон с особыми условиями использования территории;

– в отношении участка установлены охранные зоны объектов транспортной инфраструктуры, сведения о которых содержатся в ЕГРН под номерами 27:00-6.549, 27:00-6.495, 27:00-6.494, 27:23-6.1701;

– территория входит в границы приаэродромной зоны аэродрома Хабаровск (Новый);

– на участке также действуют охранная зона сети ливневой канализации, охранная зона объектов электроснабжения и охранная зона сети водоснабжения.

В данном примере расчёт осуществляется исходя из эффективной площади земельного участка. Выбор такого способа обусловлен наличием ограничений, существенно влияющих на возможность размещения объекта капитального строительства. К числу таких ограничений относятся обязательные минимальные отступы от границ участка, а также наличие охранной зоны сети электроснабжения, в пределах которой размещение объектов капитального строительства не допускается в силу требований, предъявляемых ресурсоснабжающей организацией.

Площадь внутреннего контура земельного участка после учета минимального отступа, рассчитанная по координатам границ участка, составляет:

$$S_{конт}=2652,13 \text{ кв.м.}$$

Площадь в охранной зоны сети электроснабжения:

Определение исключаемых зон $S_{искл}$:

$$S_{запр}=145,28 \text{ кв.м.};$$

$$S_{искл}=S_{запр}=145,28 \text{ кв.м.}$$

Определение эффективной площади застройки $S_{эфф}$:

$$S_{эфф}=S_{конт}—S_{искл};$$

$$S_{эфф}=2652,13\text{-}145,28=2506,85 \text{ кв.м.}$$

Процент застройки по эффективной площади:

$$P_{эфф}=S_{заст}/S_{эфф} \cdot 100;$$

$$P_{общ}=421/2506,85 \cdot 100=16,79 \%.$$

Выбирается нормативный коэффициент застройки $K_{норм}$ по таблице 1 для соответствующего типа территориальной зоны.

$K_{норм}$ = 0,8, нормативный коэффициент застройки для общественно-деловой территориальной зоны:

Рассчитывается нормативная предельная плотность в процентах:

$$P_{норм}=100 \cdot K_{норм};$$

$$P_{норм}=100 \cdot 0,8=80\%.$$

Рассчитывается минимальные пороговые значения процента застройки:

δ=0,25 – базовое значение коэффициента, применяемое по умолчанию;

$$P_{min\ общ}=\delta \cdot P_{норм};$$

$$P_{min\ общ}=0,25 \cdot 80=20\%.$$

Рассчитывается минимальное пороговое значение процента застройки для сравнения с P_эфф:

$$P_{min\ эфф}=P_{min\ общ} \cdot S_{эфф}/S_{уч};$$

$$P_{min\ эфф}=20 \cdot 2506,85/3224=15,55 \%.$$

Вывод:

Условие $P_{эфф} \geq P_{min\ эфф}$ выполняется, минимальный процент освоения земельного участка считается соблюденным. Важно учесть необходимость дифференцированный подхода при выборе минимального значения процента застройки именно от эффективной площади, так как при применение минимального значения процента от общей площади $P_{эфф} \geq P_{min\ общ}$ условие бы не выполнялось.

Таким образом, несмотря на нормативное закрепление исключительного права собственника объекта капитального строительства на приобретение земельного участка в порядке ст. 39.20 ЗК РФ, действующее

законодательство не формирует достаточных критериев для определения площади такого участка. Отсутствие специального механизма оценки соразмерности приводит к тому, что решение вопроса о пределах предоставляемой территории во многом зависит от позиции уполномоченного органа и последующей судебной интерпретации обстоятельств конкретного дела.

Введение минимального процента застройки может стать важным шагом к снижению правовой неопределённости, однако такой критерий нуждается в специальном порядке применения. Предлагаемая методика определения минимального процента застройки рассматривается как один из возможных вариантов решения данной проблемы. Она должна учитывать не только площадь участка и объекта, но и территориальную зону, вид разрешённого использования, градостроительные ограничения, красные линии, публичные сервитуты, зоны с особыми условиями использования территории и иные обстоятельства, влияющие на фактическую возможность использования участка.

Закрепление такой методики на федеральном уровне с отсылкой к ней в ЗК РФ могло бы способствовать снижению количества судебных споров, уменьшению нагрузки на судебную систему, формированию единообразной правоприменительной практики и более рациональному использованию земель Российской Федерации. Вместе с тем предлагаемая методика требует дальнейшей научной, нормативной и практической проработки, поскольку на данном этапе она выступает лишь предложением по урегулированию проблемного вопроса, а не завершённой моделью правового регулирования.

Список литературы:

[1] Земельный кодекс Российской Федерации от 25.10.2001 № 136 ФЗ (ред. от 30.12.2015) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2016) // «Российская газета», №211-212, 30.10.2001. // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (дата обращения: 08.05.2026).

[2] Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 12 августа 2009 г. № А52-5057/2008 г. // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/36304219/ (дата обращения: 08.05.2026).

[3] Постановление Федерального арбитражного суда Северо-Западного округа от 27 января 2014 г. по делу № А56-20059/2013 // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/41169444/ (дата обращения: 08.05.2026).

[4] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 1 марта 2011 г. N 13535/10 // СПС Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100516/ (дата обращения: 08.05.2026).

[5] Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 3 апреля 2012 г. № 12955/11 // СПС Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70091816/ (дата обращения: 08.05.2026).

[6] Апелляционное определение СК по гражданским делам Верховного Суда Республики Марий Эл от 05 ноября 2015 г. по делу N 33-1857/2015 // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/138332687/ (дата обращения: 08.05.2026).

[7] Определение СК по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 апреля 2016 г. N 64-КГ16-2 // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/71403142/ (дата обращения: 08.05.2026).

[8] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 30 марта 2017 г. N Ф07-1518/17 по делу N А56-1492 (дата обращения: 08.05.2026).9/2016 // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/41239430/

[9] Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 24 августа 2016 г. N Ф07-7002/16 по делу N А56-56760/2015 // СПС Гарант. URL: https://base.garant.ru/41224520/ (дата обращения: 08.05.2026).

[10] Законопроект № 803202-8 «О внесении изменения в статью 39.16 Земельного кодекса Российской Федерации» (внесён в Государственную Думу) // Система обеспечения законодательной деятельности. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/803202-8 (дата обращения: 08.05.2026).

[11] Земельное право: учебник для бакалавров / Отв. ред. Н.Г. Жаворонкова, О.А. Романова. М.: Проспект, 2013. 352 с.

References:

[1] Land Code of the Russian Federation of 25.10.2001 No. 136-FZ (as amended on 30.12.2015) (as amended and supplemented,

entered into force on 01.01.2016) // Rossiyskaya Gazeta, No. 211-212, 30.10.2001. // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_33773/ (date of access: 08.05.2026).

[2] Resolution of the Federal Arbitration Court of the North-Western District of 12 August 2009 No. A52-5057/2008 // SPS Garant. URL: https://base.garant.ru/36304219/ (accessed: 08.05.2026).

[3] Resolution of the Federal Arbitration Court of the North-Western District of January 27, 2014 in case No. A56-20059/2013 // SPS Garant. URL: https://base.garant.ru/41169444/ (accessed: 08.05.2026).

[4] Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of March 1, 2011 No. 13535/10 // SPS Garant. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/58100516/ (accessed: 08.05.2026).

[5] Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of April 3, 2012 No. 12955/11 // SPS Garant. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/70091816/ (date of access: 08.05.2026).

[6] Appellate ruling of the Judicial Panel for Civil Cases of the Supreme Court of the Republic of Mari El of November 5, 2015 in case No. 33-1857/2015 // SPS Garant. URL: https://base.garant.ru/138332687/ (date of access: 08.05.2026).

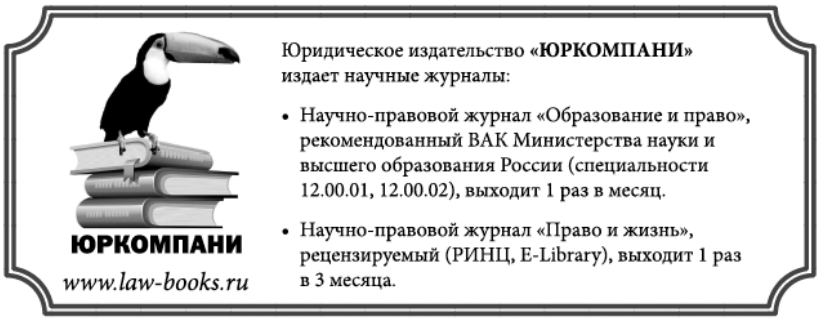
[7] Ruling of the Judicial Panel for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of April 26, 2016 No. 64-KG16-2 // SPS Garant. URL: https://base.garant.ru/71403142/ (date of access: 08.05.2026).

[8] Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of March 30, 2017 No. F07-1518/17 in case No. A56-1492 (date of access: 08.05.2026).9/2016 // SPS Garant. URL: https://base.garant.ru/41239430/

[9] Resolution of the Arbitration Court of the North-Western District of August 24, 2016 No. F07-7002/16 in case No. A56-56760/2015 // SPS Garant. URL: https://base.garant.ru/41224520/ (date of access: 08.05.2026).

[10] Bill No. 803202-8 «On Amending Article 39.16 of the Land Code of the Russian Federation» (submitted to the State Duma) // System for Ensuring Legislative Activity. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/803202-8 (accessed: 08.05.2026).

[11] Land Law: Textbook for Bachelors / Ed. N.G. Zhavoronkova, O.A. Romanova. Moscow: Prospect, 2013. 352 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 24.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-42-48**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

АНДРЕЕВА Кристина Михайловна,
оперуполномоченный отдела по борьбе с противоправным использованием информационно-коммуникационных технологий (ОБК)
УМВД России по Вологодской области, Россия,
e-mail: Kristina-andreeva-96@internet.ru

ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЮ СИМ-БОКСОВ В ПРЕСТУПНЫХ ЦЕЛЯХ: ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ И ПРАКТИКА РАБОТЫ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНОВ

Аннотация. *В статье проведён комплексный анализ проблемы использования симбоксов (GSM-шлюзов) в преступных схемах, включая их технические возможности, типичные способы применения злоумышленниками и масштаб распространения на территории Российской Федерации. На основе статистических данных МВД РФ обоснована актуальность темы и необходимость целенаправленного противодействия данному виду преступности.*

В работе рассмотрены правовые механизмы борьбы с незаконным применением симбоксов. Проанализированы положения Федерального закона № 126 ФЗ «О связи» и Федерального закона № 144 ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности», регулирующие вопросы идентификации абонентов и проведения оперативнорозыскных мероприятий.

Автором сформулированы практические рекомендации для оперативных подразделений по взаимодействию с операторами связи, проведению рейдов, использованию OSINT-технологий и профилактике преступлений. Предложены профилактические меры: информационные кампании для граждан, сотрудничество с управляющими компаниями.

Результаты исследования могут быть использованы в деятельности правоохранительных органов, при подготовке специалистов в ведомственных учебных заведениях, а также в дальнейших научных исследованиях в области противодействия киберпреступности и телефонного мошенничества.

Ключевые слова: *сим-бокс, GSM-шлюз, киберпреступления, телефонные мошенничества, ст. 274.3 УК РФ, колл-центры, противодействие преступности, оперативно-розыскная деятельность, IP-телефония, мошенничество с SIM-картами.*

ANDREEVA Kristina Mikhailovna,
operative officer, Department for Combating Illicit Use of Information and Communication Technologies,
UMVD of Russia for Vologda Region

COUNTERING THE USE OF SIM BOXES FOR CRIMINAL PURPOSES: LEGAL BASES AND PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT AGENCIES

Annotation. *The article provides a comprehensive analysis of the problem of using sim boxes (GSM gateways) in criminal schemes, including their technical capabilities, typical methods of use by malicious actors, and the scale of their distribution in the Russian Federation. Based on statistical data from the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, the relevance of the topic and the need for targeted counteraction to this type of crime are substantiated.The paper examines in detail the legal mechanisms for combating the illegal use of sim boxes. The provisions of Federal Law No. 126-FZ «On Communications» and Federal Law No. 144-FZ «On Operational Search Activities» regulating the issues of subscriber identification and conducting operational search activities have been analyzed. The author formulated practical recommendations for operational units on interaction with telecom operators, conducting raids, using OSINT technologies, and crime prevention. Preventive*

measures are proposed: information campaigns for citizens, cooperation with management companies. The results of the study can be used in the activities of law enforcement agencies, in the training of specialists in departmental educational institutions, as well as in further scientific research in the field of countering cybercrime and telephone fraud.

Key words: *sim-box, GSM-gateway, cybercrimes, phone scams, Article 274.3 of the Criminal Code of the Russian Federation, call centers, crime prevention, operational investigative activities, IP-telephony, SIM-card fraud.*

В современном мире телекоммуникационные технологии развиваются стремительными темпами, открывая новые возможности не только для легального бизнеса, но и для преступной деятельности. Одним из ярких примеров такого технологического инструмента, используемого в противоправных целях, является сим-бокс (GSM-шлюз) — программно-аппаратный комплекс, позволяющий подключать и одновременно использовать десятки или сотни SIM-карт для массового пропуска трафика. Изначально разработанные для законных бизнес-задач (колл-центры, службы поддержки, автоматизация коммуникаций), эти устройства всё чаще становятся ключевым элементом в схемах телефонного мошенничества, спам-рассылок и иных противоправных действий.

Актуальность темы обусловлена масштабностью проблемы. По данным МВД РФ, в 2024 году более 70 % мошеннических звонков совершались с использованием сим-боксов, выявлено свыше 500 подпольных колл-центров, оборудованных такими устройствами, а совокупный ущерб гражданам от подобных преступлений превысил 2 млрд рублей [4]. Это свидетельствует о том, что сим-боксы превратились в серьёзный инструмент криминального воздействия, требующий целенаправленного противодействия со стороны правоохранительных органов.

Проблема исследования заключается в противоречии между стремительным распространением и технологическим совершенствованием сим-боксов как легального телекоммуникационного оборудования и их активным использованием в преступных схемах при отсутствии единой нормативно-методической базы, а также недостаточно эффективных практических механизмов выявления и документирования таких деяний правоохранительными органами. Данное противоречие порождает необходимость разработки системного подхода, объединяющего правовое регулирование, оперативно-розыскную практику и межведомственное взаимодействие для минимизации рисков использования сим-боксов в преступных целях.

Цель настоящей статьи провести комплексный анализ правовых и практических аспектов противодействия использованию сим-боксов в преступных схемах, а также сформулировать рекомендации для сотрудников правоохранительных органов по выявлению, документированию и пресечению таких преступлений.

Для достижения поставленной цели необходимо последовательно рассмотреть ряд взаимосвязанных вопросов: дать чёткое определение сим-бокса и описать его технические возможности; проанализировать типичные схемы использования данных устройств в преступных целях; изучить правовую базу противодействия; описать методы выявления и документирования преступлений; сформулировать практические рекомендации по профилактике и пресечению противоправной деятельности с применением сим-боксов.

Проблематика использования сим-боксов в противоправных целях находится на стыке телекоммуникационных технологий, уголовного права и оперативно-розыскной деятельности. В технической литературе подробно описываются архитектурные особенности GSM-шлюзов и принципы маршрутизации трафика в сетях VoIP [6]. Однако вопросы их криминального использования рассматриваются преимущественно в контексте общих схем дистанционного мошенничества. Правовые аспекты противодействия нелегальному пропуску трафика получили существенное развитие после введения в действие ст. 274.3 УК РФ. В научных публикациях последних лет анализируются пробелы в регулировании оборота абонентских терминалов и виртуальных АТС, а также проблемы квалификации смежных составов преступлений [5]. В ряде публикаций фиксируется необходимость усиления ответственности операторов свя-

зи за неконтролируемый выпуск SIM-карт [7], а практическая направленность исследований проявляется в разработке методов выявления подпольных колл-центров и в формализации процедур документирования преступлений с использованием IP-телефонии [9], при этом современная научно-прикладная литература характеризуется отсутствием комплексного исследования, объединяющего правовые новеллы 2024–2025 гг., сопоставимую статистику МВД РФ и формализованные алгоритмы взаимодействия оперативных подразделений с телеком-операторами, вследствие чего настоящее исследование рассматривается как попытка восполнения указанного пробела и выработки рекомендаций для практики правоприменения.

Сим-бокс, или GSM-шлюз, представляет собой устройство, объединяющее множество SIM-карт под единым управлением. Его ключевые функциональные возможности представлены организацией массовых исходящих телефонных соединений, масштабной рассылкой SMS, осуществлением подмены идентификаторов абонентских номеров и удаленным управлением маршрутизацией трафика, что в совокупности обуславливает привлекательность сим-бокса для реализации мошеннических сценариев, ориентированных на введение в заблуждение граждан.

Наиболее распространёнными являются мошеннические колл-центры, в которых посредством инсценировки принадлежности к сотрудникам банковских организаций или органам правопорядка осуществляется выманивание денежных средств у граждан, при этом использование сим-боксов также фиксируется в практиках массовой рассылки спама, организации фальшивых аккаунтов в социальных сетях и мессенджерах, реализации мошенничества, связанного с интернет-магазинами, а также в схемах «развода» на предоплату.

Характерными признаками незаконного использования сим-бокса характеризуются массовым осуществлением телефонных вызовов с использованием разноименных номеров при единой сетевой идентификации по одному IP-адресу, применением виртуальных номеров, арендой помещений для размещения оборудования, а также распространением предложений «легкого заработка» за оказание услуг по обслуживанию оборудования. Эти признаки могут служить ориентиром для оперативных подразделений при выявлении противоправной деятельности.

Правовую основу противодействия использованию сим-боксов в преступных целях составляют несколько ключевых нормативных актов. С 1 сентября 2025 года введена в действие статья 274.3 УК РФ «Незаконное использование абонентского терминала пропуска трафика или виртуальной телефонной станции», предусматривающая серьёзные санкции за подобные деяния: штраф до 1 млн руб., принудительные работы до 5 лет или лишение свободы на тот же срок [1]. Эта норма стала важным инструментом в борьбе с подпольным использованием сим-боксов и позволила чётко квалифицировать соответствующие действия как уголовно наказуемые.

Помимо новой статьи УК РФ, применяются и другие нормы, в зависимости от характера преступления. Так, при использовании сим-бокса для обмана граждан действия виновных квалифицируются по совокупности статей 159 УК РФ и 274.3 УК РФ. Если же речь идёт о деятельности организованного преступного сообщества, например, крупного колл-центра, работающего на межрегиональном уровне, то применяется совокупность статей с учётом статьи 210 УК РФ (организация преступного сообщества).

В случаях, когда сим-бокс модифицирован для скрытного использования или оснащён дополнительными техническими средствами, позволяющими обходить системы идентификации, может быть применена статья 138.1 УК РФ (незаконный оборот специальных технических средств). Нормативно-правовая база также включает Федеральный закон № 126-ФЗ «О связи», который обязывает операторов связи идентифицировать абонентов и пресекать использование неучтённых SIM-карт [2].

Федеральный закон № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» предоставляет правоохранительным органам полномочия для проведения оперативно-розыскных мероприятий, направленных на выявление и пресечение деятельности с использованием сим-боксов [3]. Кроме того, важную роль играют постановления Правительства РФ, регулирующие вопросы IP-телефонии и устанавливающие требования к операторам связи по контролю за пропуска-

емым трафиком [8].

Процесс выявления и документирования преступлений, связанных с использованием сим-боксов, требует комплексного подхода и включает несколько последовательных этапов. На начальном этапе осуществляется мониторинг: анализируются жалобы граждан, данные операторов связи, сообщения в СМИ и социальных сетях. Это позволяет сформировать первичную картину и выявить возможные признаки противоправной деятельности. На последующем этапе осуществляется оперативный поиск, проявляющийся в проведении справок и организации наблюдения с одновременным применением, при наличии достаточных процессуальных оснований, мероприятий по прослушиванию телефонных переговоров.

Фиксация доказательственной базы рассматривается как ключевой этап, в рамках которого осуществляется сбор и систематизация сведений о сетевой привязке и технических идентификаторах, включающих IP-адреса и номера SIM-карт, определение местоположения оборудования и документирование финансовых потоков, ассоциированных с деятельностью преступной группы. При обнаружении сим-бокса производится процессуальное обеспечение в виде обыска с изъятием устройства, SIM-карт, компьютеров и сопроводительной документации, после чего изъятое оборудование направляется на экспертное исследование, включающее анализ программного обеспечения и исследование записей звонков для установления факта обмана или наличия угроз.

В контексте процесса доказывания фиксируется существенная роль сведений, получаемых посредством допросов подозреваемых и свидетелей, при этом выделение доказательного значения в наибольшей степени приписывается показаниям представителей операторов связи, обладающих возможностью подтверждения факта массового использования SIM-карт с одного IP-адреса или выявить иные аномалии в структуре пропускаемого трафика.

Осуществление процедуры допроса граждан, пострадавших от действий мошенников, обеспечивает возможность установления причиненного ущерба и подтверждения наличия противоправных действий на основе получаемых свидетельских показаний.

Взаимодействие с операторами связи рассматривается как инструмент обеспечения оперативного получения данных о подозрительной активности и осуществления блокировки номеров, используемых в преступлениях.

Осуществление анализа практики обеспечивает формирование рекомендационных положений, адресованных оперативным подразделениям, представляющих собой систематизированные методические указания по организации и совершенствованию оперативно-розыскной деятельности, при этом предусматривается установление каналов взаимодействия с операторами связи, направленных на обеспечение получения данных о подозрительном трафике и массовом использовании SIM-карт.

В качестве ключевого элемента взаимодействия рассматривается создание стандартизированных форм запросов и регламентов обмена информацией, осуществляемое с учетом законодательства о защите персональных данных.

Проведение регулярных рейдов по локализациям потенциальной установки сим-боксов в арендованных жилых помещениях, в офисных помещениях и в складских помещениях представляется обоснованным в контексте мероприятий по предупреждению и выявлению противоправной деятельности, при этом в процессе планирования указанных мероприятий подлежит осуществлению систематизированный учет признаков, свидетельствующих о возможном размещении специализированного оборудования в контролируемых объектах:

— фиксация повышенного расхода электроэнергии в пределах объекта рассматривается как один из ключевых индикаторов, свидетельствующих о возможной эксплуатации энергоемкого оборудования;

— выявление сосредоточения множества антенн и сопутствующего радиотехнического оборудования интерпретируется как признак наличия инфраструктуры, обеспечивающей функционирование сим-боксов;

— фиксирование круглосуточной активности при отсутствии явных признаков законной хозяйственной деятельности характеризуется как обстоятельство, подлежащее дальнейшей проверке;

— частая смена арендаторов либо использование подставных лиц для оформления аренды рассматривается как фактор,

детерминирующий повышенную вероятность сокрытия фактического характера использования помещения.

Следует использовать OSINT-технологии для поиска объявлений о «подработке», предусматривающей установку специализированного оборудования, интерпретируемой в указанном аспекте как потенциальный индикатор вербовочной деятельности по привлечению соучастников преступных групп, и детерминирующей необходимость систематизации процедур обнаружения, документирования и аналитической верификации соответствующих предложений. Мониторинг даркнета и закрытых Telegram-каналов позволяет выявлять предложения о продаже сим-боксов, SIM-карт и услуг по настройке оборудования для противоправной деятельности.

Формирование у граждан способности распознавания мошеннических практик, связанных с использованием сим-боксов, совместно с организацией системного информирования о мерах защиты рассматривается как приоритетное направление профилактической деятельности:

— проведение информационных кампаний в средствах массовой информации и в социальных сетях, направленных на разъяснение схем обмана, рассматривается как важнейшее мероприятие профилактической работы;

— организация распространения памяток и инструкций в банковских учреждениях, в многофункциональных центрах и в поликлиниках рассматривается как компонент системной профилактики;

— проведение лекционно-семинарских мероприятий, адресованных пожилым гражданам как наиболее уязвимой категории, рассматривается как необходимая мера по повышению уровня информированности и снижению рисков;

— создание онлайн-платформы для оперативного сообщения о подозрительных звонках с реализацией механизма автоматической блокировки.

Представляется необходимым осуществление сотрудничества с управляющими компаниями и товариществами собственников жилья, обладающими возможностью оперативного информирования о фактах подозрительной активности, выражающейся в монтаже нестандартного оборудования, в повторяющихся посещениях посторонних лиц, а также в возникновении аномальных акустических и запаховых параметров (включая проявления, интерпретируемые как перегрев оборудования).

В результате осуществленной практической деятельности зафиксировано наличие пробелов в нормативно-правовой базе, проявляющихся в отсутствии четкого законодательного определения понятия «симбокс», что обусловило затруднения в квалификации преступных деяний и в разграничении их с легитимным использованием аналогичных устройств [10]. Необходимость внесения соответствующие изменения в Федеральный закон № 126-ФЗ «О связи», закрепив:

— определение сим-бокса как технического средства с конкретными характеристиками;

— установление требований к проведению регистрации и к системе учета указанных устройств;

— регламентация порядка лицензирования их использования;

— установление правовых оснований для изъятия оборудования при выявлении нарушений.

В результате осуществления анализа правоприменительной практики фиксируется существенное повышение эффективности борьбы с сим-боксами в преступных целях, которое рассматривается как следствие межведомственного взаимодействия и которое в указанном аспекте получает выражение в повышении результативности осуществляемых правоприменительных мер.

Формирование единой региональной базы данных сим-боксов рассматривается как оптимальное технически-организационное решение в региональном контексте. Предъявляемые к системе требования определяются следующими позициями:

— обеспечение интеграции с базами данных операторов связи и правоохранительных органов;

— осуществление автоматизированного анализа трафика с целью выявления подозрительных паттернов;

— обеспечение оперативного блокирования телефонных номеров, используемых в противоправной деятельности;

— предоставление аналитической отчетности для оценки эффективности принимаемых мер.

Рассматривается как перспективное на-

правление применение методов искусственного интеллекта для автоматизированного анализа телефонных звонков, при этом осуществляется выделение функциональных возможностей алгоритмов машинного обучения, которые в указанном контексте интерпретируются как способные к реализации совокупности задач, перечисляемых далее.

— Выявление признаков мошеннических телефонных обращений, включая выделение характерных фразеологических форм, интонационных маркеров и временных пауз.

— сопоставление данных о номерах, IP-адресах и местоположении оборудования;

— прогнозирование схем обмана на основе выполнения анализа предшествующих случаев;

— формирование предупреждений для граждан относительно выявляемых подозрительных вызовов.

Результаты исследования представляют собой совокупность эмпирико-аналитических данных и теоретических обоснований, на основании которых осуществляется формулирование выводов:

1. Использование сим-боксов в преступных целях представляет существенную угрозу устойчивости системы общественной безопасности, требующую реализации системных мер реагирования.

2. Действующая нормативно-правовая база содержит достаточный комплекс регулятивных инструментов противодействия указанному виду преступной деятельности, однако требует уточнения.

3. Эффективность процессов выявления и пресечения преступлений с использованием сим-боксов детерминируется характером межведомственного взаимодействия и уровнем технической оснащенности.

4. Профилактическая деятельность подлежит системному построению и обеспечению охвата всех категорий населения, с приоритетным включением уязвимых групп.

5. Перспективным направлением определяется внедрение современных технологических решений (искусственный интеллект, автоматизированные системы анализа трафика) для повышения результативности работы правоохранительных органов.

Предложенные рекомендации и разработанные методические подходы могут быть использованы в практической деятельности МВД РФ, а также при подготовке специалистов в ведомственных учебных заведениях. Дальнейшие исследования в данной области целесообразно направить на разработку конкретных алгоритмов взаимодействия правоохранительных органов с операторами связи и создание унифицированных методик расследования преступлений с использованием сим-боксов.

Список литературы:

[1] Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.03.2025) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 25. – Ст. 2895 ; 2025. – № 13. – Ст. 1142.

[2] Федеральный закон от 07.07.2003 № 126-ФЗ (ред. от 25.03.2025) «О связи» // Собрание законодательства РФ. – 2003. – № 28. – Ст. 2895 ; 2025. – № 13. – Ст. 1145.

[3] Федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ (ред. от 10.07.2024) «Об оперативно-розыскной деятельности» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 33. – Ст. 3349.

[4] Состояние преступности в России за 2024 год : информационно-аналитический обзор / ГИАЦ МВД России. – Москва, 2025. – 52 с.

[5] Бикеев И. И. Уголовная ответственность за незаконное использование абонентских терминалов пропуска трафика: анализ ст. 274.3 УК РФ / И. И. Бикеев, А. В. Наумов // Уголовное право. – 2025. – № 1. – С. 34–41.

[6] Кузнецов А. П. Технико-криминалистические особенности расследования преступлений, совершаемых с использованием GSM-шлюзов / А. П. Кузнецов // Вестник криминалистики. – 2024. – № 4. – С. 89–97.

[7] Противодействие мошенничеству в сфере телекоммуникаций : монография / под ред. В. В. Степанова. – Москва : Юрлитинформ, 2024. – 210 с.

[8] Постановление Правительства РФ от 30.09.2024 № 1345 «О мерах по противодействию незаконному пропуску трафика в сетях связи общего пользования» // Собрание законодательства РФ. – 2024. – № 41. – Ст. 6890.

[9] Гладков О. А. Оперативно-розыскное обеспечение раскрытия преступлений, связанных с использованием «серых» колл-центров / О. А. Гладков // Законность. – 2024. – № 8. – С. 15–20.

[10] Роскомнадзор: ежегодный отчет о состоянии рынка телекоммуникаций и мерах противодействия нелегальному трафику. – 2024. – // РКН. URL: https://rkn.gov.ru/reports/ (дата обращения: 20.05.2026).

References:

[1] Criminal Code of the Russian Federation of 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 25.03.2025) // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1996. - No. 25. - Art. 2895 ; 2025. - No. 13. - Art. 1142.

[2] Federal Law of 07.07.2003 No. 126-FZ (as amended on 25.03.2025) «On Communications» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2003. - No. 28. - Art. 2895 ; 2025. - No. 13. - Art. 1145.

[3] Federal Law of 12.08.1995 No. 144-FZ (as amended on 10.07.2024) «On Operational-Investigative Activities» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 1995. - No. 33. - Art. 3349.

[4] The state of crime in Russia in 2024: an information and analytical review / GIAC of the Ministry of Internal Affairs of Russia. - Moscow, 2025. - 52 p.

[5] Bikeev I. I. Criminal liability for the illegal use of subscriber traffic terminals: an analysis of Art. 274.3 of the Criminal Code of the Russian Federation / I. I. Bikeev, A. V. Naumov // Criminal Law. - 2025. - No. 1. - Pp. 34-41.

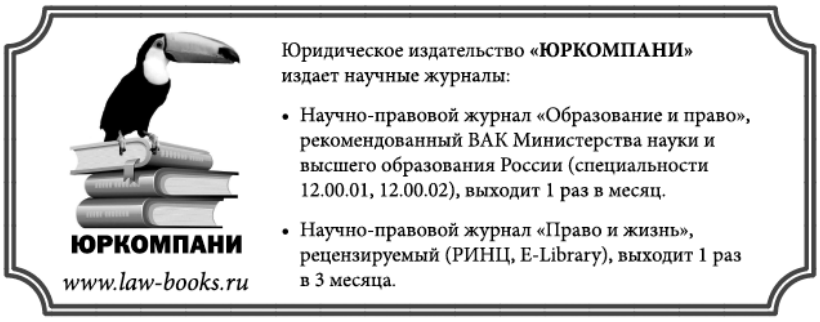
[6] Kuznetsov A. P. Technical and forensic features of the investigation of crimes committed using GSM gateways / A. P. Kuznetsov // Bulletin of criminalistics. - 2024. - No. 4. - Pp. 89-97.

[7] Counteracting fraud in the field of telecommunications: monograph / edited by V. V. Stepanov. - Moscow: Yurlitinform, 2024. - 210 p.

[8] Resolution of the Government of the Russian Federation of September 30, 2024 No. 1345 «On measures to counter the illegal passage of traffic in public communication networks» // Collected Legislation of the Russian Federation. - 2024. - No. 41. - Art. 6890.

[9] Gladkov, O. A. Operational-search support for solving crimes related to the use of «gray» call centers / O. A. Gladkov // Legality. - 2024. - No. 8. - Pp. 15-20.

[10] Roskomnadzor: annual report on the state of the telecommunications market and measures to combat illegal traffic. - 2024. - // RKN. URL: https://rkn.gov.ru/reports/ (date of access: 20.05.2026).

Юридическое издательство **«ЮРКОМПАНИ»** издает научные журналы:

- Научно-правовой журнал «Образование и право», рекомендованный ВАК Министерства науки и высшего образования России (специальности 12.00.01, 12.00.02), выходит 1 раз в месяц.
- Научно-правовой журнал «Право и жизнь», рецензируемый (РИНЦ, E-Library), выходит 1 раз в 3 месяца.

НАЦИОНАЛЬНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-49-53**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

ГАРАНЖА Дмитрий Евгеньевич,
аспирант,
Автономная некоммерческая организация высшего образования
“Московский университет “Синергия”,
e-mail: degaranzha@gmail.com

ДЕНЕЖНАЯ ЭМИССИЯ КАК АНТИКРИЗИСНЫЙ ИНСТРУМЕНТ: МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИЕ ЭФФЕКТЫ И РИСКИ ДОЛГОСРОЧНОЙ СТАБИЛЬНОСТИ

Аннотация. *В условиях глобальных экономических шоков центральные банки развитых и развивающихся стран все чаще обращаются к нетрадиционной денежно-кредитной политике, ключевым инструментом которой выступает денежная эмиссия. Актуальность исследования обусловлена необходимостью переосмысления роли эмиссионного финансирования в посткризисный период, когда традиционные механизмы монетарного регулирования демонстрируют ограниченную эффективность. Научная новизна заключается в комплексном анализе макроэкономических эффектов денежной эмиссии как антикризисного инструмента с одновременной оценкой рисков долгосрочной стабильности. Проблема исследования состоит в противоречии между краткосрочной эффективностью эмиссионного стимулирования экономики и его потенциально дестабилизирующим воздействием на макроэкономическую стабильность в долгосрочной перспективе. В статье использованы методы теоретического анализа, синтеза, сравнения, а также макроэкономическое моделирование эмиссионных эффектов. Результаты: выявлены механизмы воздействия денежной эмиссии на совокупный спрос, инвестиционную активность и занятость; систематизированы риски долгосрочной стабильности; предложены критерии оценки границ эмиссионного финансирования. Заключается, что денежная эмиссия может быть эффективным антикризисным инструментом при соблюдении четких институциональных ограничений и временных рамок.*

Ключевые слова: *денежная эмиссия, количественное смягчение, антикризисная политика, макроэкономическая стабильность, инфляционные риски, центральный банк, монетарная политика, инфляционные ожидания.*

GARANJA Dmitry Evgenievich,
Graduate student,
Autonomous non-profit organization of higher education
“Moscow University “Synergy»

MONETARY EMISSION AS AN ANTI-CRISIS TOOL: MACROECONOMIC EFFECTS AND LONG-TERM STABILITY RISKS

Annotation. *In the context of global economic shocks, central banks of developed and developing countries are increasingly turning to unconventional monetary policy, the key instrument of which is monetary emission. The relevance of the study is due to the need to rethink the role of emission financing in the post-crisis period, when traditional mechanisms of monetary regulation demonstrate limited effectiveness. The scientific novelty lies in a comprehensive analysis of the macroeconomic effects of monetary emission as an anti-crisis tool while assessing long-term stability risks. The research problem is the contradiction between the short-term effectiveness of emission stimulation of the economy and its potentially destabilizing impact on macroeconomic stability in the long term. The article uses methods of theoretical analysis, synthesis, comparison, as well as macroeconomic modeling of emission*

effects. The results: the mechanisms of monetary emission influence on aggregate demand, investment activity and employment are identified; long-term stability risks are systematized; criteria for assessing the boundaries of emission financing are proposed. It is concluded that monetary emission can be an effective anti-crisis tool subject to clear institutional constraints and time frames.

Key words: *monetary emission, quantitative easing, anti-crisis policy, macroeconomic stability, inflation risks, central bank, monetary policy, inflation expectations.*

Введение

Проблема, которую решает данная статья, заключается в фундаментальном противоречии современной макроэкономической политики: с одной стороны, денежная эмиссия выступает наиболее быстрым и доступным инструментом реагирования на экономические кризисы, позволяя предотвратить дефляционную спираль и поддержать совокупный спрос; с другой стороны, неконтролируемое расширение денежной базы создает долгосрочные риски для ценовой и финансовой стабильности, а также подрывает доверие к институциональной способности центрального банка управлять инфляционными ожиданиями. Актуальность данной темы резко возросла после пандемии COVID-19, когда ведущие центральные банки мира, включая ФРС США, ЕЦБ и Банк Японии, многократно расширили свои балансы, применив программы количественного смягчения беспрецедентного масштаба [1, с. 14; 2, с. 8].

Степень научной разработанности темы является достаточно высокой, однако большинство исследований фокусируются либо на краткосрочных эффектах эмиссионного стимулирования, либо на чисто инфляционных рисках, не учитывая системные последствия для долгосрочной стабильности. Как отмечает С. А. Андрюшин, традиционные модели денежно-кредитной политики оказались неготовыми к одновременному воздействию шоков предложения и спроса, что потребовало применения нетрадиционных инструментов [1, с. 18]. В свою очередь, Е. Л. Горюнов подчеркивает, что теоретические основы политики количественного смягчения до сих пор остаются дискуссионными, особенно в части механизмов трансмиссии эмиссионных импульсов в реальный сектор [2, с. 27].

Цель и задачи исследования

Цель данной статьи состоит в выявлении макроэкономических эффектов денежной эмиссии как антикризисного инструмента и оценке рисков, которые эмиссионное финансирование создает для долгосрочной стабильности экономической системы.

Для достижения указанной цели были поставлены следующие задачи:

1. систематизировать теоретические механизмы влияния денежной эмиссии на ключевые макроэкономические переменные (совокупный спрос, инвестиции, занятость);

2. проанализировать краткосрочные эффекты эмиссионного стимулирования на примере посткризисного периода 2020–2023 гг.;

3. идентифицировать риски долгосрочной стабильности, связанные с длительным использованием эмиссионных инструментов;

4. предложить критерии разграничения допустимой и дестабилизирующей эмиссии.

Методы исследования

Методологическую основу работы составили общенаучные методы: теоретический анализ научной литературы по монетарной экономике, синтез эмпирических данных о последствиях программ количественного смягчения, сравнительный анализ подходов центральных банков разных стран. Также использован метод макроэкономического моделирования эффектов эмиссионного импульса. Применение данных методов позволило выделить как универсальные закономерности влияния денежной эмиссии, так и страновые особенности трансмиссионных механизмов.

Результаты исследования

Механизмы воздействия денежной эмиссии на макроэкономическую динамику

Денежная эмиссия, осуществляемая центральным банком в рамках антикризисной политики, воздействует на экономику через несколько каналов. Во-первых, это канал ликвидности: увеличение денежной базы снижает краткосрочные процентные ставки, удешевляя кредит для коммерческих банков и, при благоприятных услови-

ях, для конечных заемщиков. Во-вторых, канал ожиданий: объявление о программах эмиссионного финансирования сигнализирует рынкам о решимости центрального банка предотвратить экономический спад, что снижает премии за риск и стабилизирует финансовые рынки. В-третьих, канал переоценки портфелей: эмиссия увеличивает цены на финансовые активы, улучшая балансы банков и корпораций и стимулируя инвестиционную активность [2, с. 15–17].

В. А. Мау, анализируя экономическую политику в период пандемии, подчеркивает, что беспрецедентное расширение балансов центральных банков позволило избежать повторения сценария Великой депрессии, когда сжатие денежного предложения привело к затяжной дефляции и массовой безработице [4, с. 12]. Действительно, в 2020–2021 гг. программы количественного смягчения предотвратили коллапс кредитных рынков и обеспечили финансирование бюджетных дефицитов при низких процентных ставках.

В ходе работы построена модель, описывающая трансмиссионный механизм эмиссионного импульса. Ключевые взаимосвязи модели выстроены следующим образом. Первый блок связывает изменение денежной базы (эмиссия) с динамикой краткосрочных процентных ставок через канал ликвидности банковской системы. Второй блок описывает влияние ставок на инвестиционный и потребительский спрос с учётом лагов реакции реального сектора. Третий блок моделирует связь между совокупным спросом и уровнем цен, вводя пороговый эффект: при наличии значительной недозагрузки мощностей эмиссия ведёт преимущественно к росту выпуска, а при приближении к потенциальному ВВП — к ускорению инфляции. Четвёртый блок учитывает обратную связь: рост инфляции и инфляционных ожиданий влияет на решения центрального банка по сворачиванию эмиссионных программ и повышению процентных ставок, что замыкает контур моделирования. Дополнительно в модель включены экзогенные факторы (внешние шоки, динамика цен на сырьё), которые могут усиливать или ослаблять эмиссионные эффекты. Данная концептуальная модель применялась для интерпретации эмпирических данных по странам ОЭСР в период 2020–2023 гг.

Краткосрочные макроэкономические эффекты эмиссионного стимулирования

В краткосрочном периоде денежная эмиссия демонстрирует выраженный антикризисный эффект. Снижение процентных ставок стимулирует потребительские расходы и инвестиции, а рост денежной массы при наличии недозагруженных мощностей ведет к увеличению реального ВВП. Как показывают данные по странам ОЭСР, в период 2020–2021 гг. программы количественного смягчения способствовали восстановлению экономической активности уже во втором полугодии 2021 года [6, с. 10].

Однако важным ограничением является нелинейность эмиссионного эффекта. На начальных этапах кризиса, когда экономика находится в состоянии ликвидной ловушки, дополнительная эмиссия не приводит к инфляции, поскольку денежные средства оседают в резервах банков и не трансформируются в кредитование реального сектора. По мере восстановления экономической активности мультипликатор денежной массы возрастает, и риск перегрева становится реальным [3, с. 18]. Ф. С. Картаев и Е. А. Леднева подчеркивают, что прозрачность монетарной политики в этот момент приобретает критическое значение: неопределенность относительно сроков сворачивания эмиссионных программ провоцирует рост инфляционных ожиданий [3, с. 24].

Риски долгосрочной стабильности

Главный риск долгосрочной стабильности связан с переходом краткосрочного инфляционного давления в устойчивую инфляционную спираль. Если экономические агенты воспринимают денежную эмиссию не как временный антикризисный инструмент, а как новую норму монетарной политики, они закладывают более высокие инфляционные ожидания в цены и зарплатные требования. Это явление получило эмпирическое подтверждение в 2021–2022 гг., когда инфляция в США и еврозоне достигла многолетних максимумов [6, с. 15].

П. В. Трунин и М. В. Черепнева выделяют три группы долгосрочных рисков эмиссионного финансирования. Во-первых, это девальвационное давление на национальную валюту, которое при высокой доле импорта трансформируется в импортируемую инфляцию. Во-вторых, долларизация сбережений и расчетов, подрывающая денежный суверенитет и эффективность монетарной трансмиссии. В-третьих, институциональ-

ный риск: если рынки теряют доверие к обязательству центрального банка вернуться к таргетированию инфляции после завершения кризиса, премия за риск по государственным облигациям возрастает, что сводит на нет первоначальные антикризисные выгоды [6, с. 18–20].

Отдельного внимания заслуживают риски, связанные с фискальным доминированием. Как отмечает С. Г. Синельников-Мурылев, длительное использование денежной эмиссии для финансирования бюджетных дефицитов создает опасный прецедент, когда центральный банк фактически утрачивает независимость, а монетарная политика подчиняется краткосрочным фискальным приоритетам [5, с. 8]. В этом случае эмиссия перестает быть антикризисным инструментом и становится хроническим источником макроэкономической нестабильности.

Границы эмиссионного финансирования

На основе проведенного анализа можно сформулировать критерии, позволяющие отличить допустимую антикризисную эмиссию от дестабилизирующей. Во-первых, временные рамки: эмиссия должна быть четко ограничена периодом острой фазы кризиса. Во-вторых, прозрачность: центральный банк должен публично объявить индикативные ориентиры по сворачиванию эмиссионных программ. В-третьих, координация с бюджетной политикой: эмиссия не должна заменять структурные реформы и меры по оздоровлению государственных финансов. В-четвертых, наличие механизмов абсорбции ликвидности (депозитные операции, обратный РЕПО, повышение резервных требований) на случай перегрева экономики [1, с. 20; 2, с. 31].

Заключение

Денежная эмиссия является мощным антикризисным инструментом, позволяющим предотвратить дефляционный коллапс и поддержать совокупный спрос в период острых экономических шоков. Краткосрочные макроэкономические эффекты эмиссионного стимулирования включают снижение процентных ставок, стабилизацию финансовых рынков и поддержку инвестиционной активности. Однако в долгосрочной перспективе неконтролируемая эмиссия создает значительные риски для стабильности: устойчивую инфляцию, девальвационное давление, долларизацию и подрыв доверия к центральному банку.

Ключевым выводом исследования является то, что эффективность денежной эмиссии как антикризисного инструмента определяется не ее масштабом, а институциональными условиями применения. Временные рамки, прозрачность стратегии сворачивания, координация с бюджетной политикой и наличие механизмов стерилизации избыточной ликвидности - эти факторы отделяют успешные примеры эмиссионного антикризисного реагирования от случаев, когда эмиссия становится источником долгосрочной макроэкономической дестабилизации.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирической оценкой пороговых значений отношения денежной базы к ВВП, превышение которых статистически значимо повышает вероятность перехода к устойчиво высокой инфляции, а также с анализом институциональных факторов, смягчающих негативные долгосрочные эффекты эмиссионного финансирования.

Список литературы:

[1] Андрюшин С. А. Денежно-кредитная политика центральных банков в условиях и после COVID-19 / С. А. Андрюшин // Банковское дело. – 2021. – № 12. – С. 12–21.

[2] Горюнов Е. Л. Теоретические основы политики количественного смягчения / Е. Л. Горюнов // Вопросы экономики. – 2021. – № 2. – С. 5–34.

[3] Картаев Ф. С. Прозрачность монетарной политики и успешность инфляционного таргетирования / Ф. С. Картаев, Е. А. Леднева // Экономическая политика. – 2021. – Т. 16, № 6. – С. 8–33.

[4] Мау В. А. Пандемия коронавируса и тренды экономической политики / В. А. Мау // Вопросы экономики. – 2021. – № 3. – С. 5–30.

[5] Синельников-Мурылев С. Г. Макроэкономические условия формирования федерального бюджета / С. Г. Синельников-Мурылев // Экономическое развитие России. – 2023. – Т. 30, № 11. – С. 4–11.

[6] Трунин П. В. Монетарные факторы постпандемийной инфляции в развитых странах / П. В. Трунин, М. В. Черепнева // Деньги и кредит. – 2022. – Т. 81, № 3. – С. 3–23.

References:

[1] Andryushin S. A. Monetary Policy of Central Banks in the Context of and After

COVID-19 / S. A. Andryushin // Banking. - 2021. - No. 12. - Pp. 12-21.

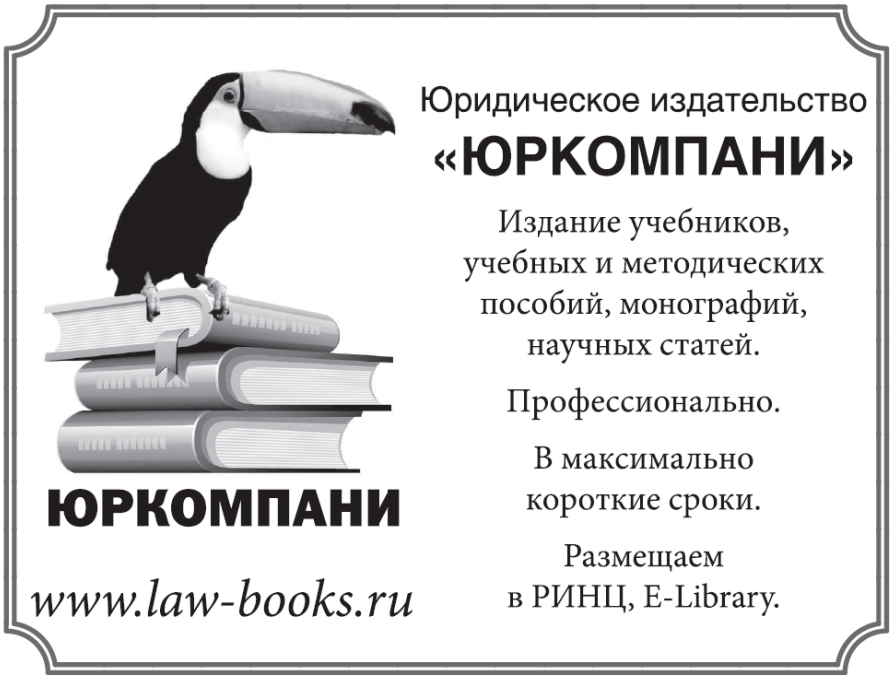
[2] Goryunov E. L. Theoretical Foundations of Quantitative Easing Policy / E. L. Goryunov // Voprosy Ekonomiki. - 2021. - No. 2. - Pp. 5-34.

[3] Kartaev F. S. Transparency of Monetary Policy and the Success of Inflation Targeting / F. S. Kartaev, E. A. Ledneva // Economic Policy. - 2021. - Vol. 16, No. 6. - Pp. 8-33.

[4] Mau V. A. Coronavirus Pandemic and Economic Policy Trends / V. A. Mau // Voprosy Ekonomiki. – 2021. – No. 3. – P. 5–30.

[5] Sinelnikov-Murylev S. G. Macroeconomic Conditions for Formation of the Federal Budget / S. G. Sinelnikov-Murylev // Economic Development of Russia. – 2023. – Vol. 30, No. 11. – P. 4–11.

[6] Trunin P. V. Monetary Factors of Post-Pandemic Inflation in Developed Countries / P. V. Trunin, M. V. Cherepneva // Money and Credit. – 2022. – Vol. 81, No. 3. – P. 3–23.

Дата поступления рукописи в редакцию: 02.06.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-54-62**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

БУЛАТОВА Амина Рафековна,
студент, ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия МГИМО МИД России»,
e-mail: arafekovna@yandex.ru

КОШКИН Максим Андреевич,
студент, ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия МГИМО МИД России»,
e-mail: mkot9@yandex.ru

МЕРКУТОВА Дарья Сергеевна,
студент, ФГБОУ ВО «Дипломатическая академия МГИМО МИД России»,
e-mail: merkutovadasha@yandex.ru

КОМПЛЕКСНЫЙ АНАЛИЗ И ПРОГНОЗИРОВАНИЕ УРОВНЯ БЕЗРАБОТИЦЫ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Аннотация. *Проведен анализ макроэкономических показателей, влияющих на уровень безработицы в РФ в 2010-2025 гг. На основе корреляционного и регрессионного анализа выявлены значимые факторы, построены эконометрические модели. Для прогнозирования уровня безработицы и участия в рабочей силе применены методы экспоненциального сглаживания Брауна и Хольта. Наиболее сильное влияние оказывают численность занятых и средняя зарплата; модель Брауна с высоким параметром α обеспечивает высокую точность краткосрочного прогноза. Прогноз на 2026 год: безработица – 2,33%, уровень участия – 69,1%.*

Актуальность исследования обусловлена необходимостью выявления ключевых факторов динамики безработицы и построения надежных прогнозов в условиях высокой волатильности. Научная новизна – в разработке комплексного подхода, сочетающего корреляционно-регрессионный анализ и адаптивные методы экспоненциального сглаживания (модели Брауна и Хольта), что позволило выявить структурные сдвиги и нелинейные эффекты внешних шоков на российском рынке труда в 2010-2025 гг. Построены многомерные сценарные прогнозы с вероятностными диапазонами, что повысило точность прогнозирования и практическую значимость результатов для государственной экономической политики.

Цель – анализ факторов безработицы в России в 2010-2025 гг. и построение прогнозных моделей на основе корреляционно-регрессионного анализа и экспоненциального сглаживания.

Метод или методология проведения работы: в статье использовались экономико-математические методы, а также статистические методы анализа.

Результаты: получены наиболее информативные параметры, которые могут быть использованы при разработке мер социально-экономической политики.

Область применения результатов: полученные результаты целесообразно применять экономическими субъектами, осуществляющими социально-экономическую политику в области регулирования рынка труда.

Ключевые слова: *муниципальная служба, местное самоуправление, государство, земство, муниципальное управление.*

BULATOVA Amina Rafekovna,
Student,
MGIMO Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

KOSHKIN Maksim Andreevich,
Student,
MGIMO Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

MERKUTOVA Daria Sergeevna,
Student,
MGIMO Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

COMPREHENSIVE ANALYSIS AND FORECASTING OF THE UNEMPLOYMENT RATE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Annotation. *An analysis of macroeconomic indicators influencing unemployment in the Russian Federation from 2010 to 2025 was conducted. Correlation and regression analyses were used to identify significant factors, and econometric models were constructed. Brown and Holt exponential smoothing methods were used to forecast unemployment and labor force participation. The number of employed people and average wages have the strongest impact; the Brown model with a high α parameter ensures high short-term forecast accuracy. The 2026 forecast: unemployment – 2.33%, participation rate – 69.1%.*

The relevance of this study stems from the need to identify key factors driving unemployment dynamics and build reliable forecasts in a highly volatile environment. The scientific novelty lies in the development of a comprehensive approach combining correlation-regression analysis and adaptive methods of exponential smoothing (Brown and Holt models), which made it possible to identify structural shifts and nonlinear effects of external shocks on the Russian labor market in 2010-2025. Multivariate scenario forecasts with probability ranges were constructed, increasing forecast accuracy and the practical relevance of the results for government economic policy.

Purpose

Analysis of unemployment factors in Russia in 2010-2025 and construction of forecast models based on correlation-regression analysis and exponential smoothing.

Methodology in article economic-mathematical methods, and also statistical methods of the analysis were used.

Results: The most informative parameters were obtained, which can be used in developing socio-economic policy measures.

Practical implications it is advisable to apply the obtained results in the economic activities of entities implementing socio-economic policies in the field of labour market regulation.

Key words: *unemployment, correlation analysis, regression analysis, Brown's model, Holt's model, labor market, forecasting.*

Рынок труда является одним из ключевых индикаторов состояния национальной экономики, чутко реагирующим на структурные сдвиги, циклические колебания и внешние шоки. В период 2010-2025 гг. российская экономика столкнулась с рядом вызовов, включая пандемийный кризис 2020 года, геополитическую нестабильность и рекордное ужесточение денежно-кредитной политики. На этом фоне уровень безработицы продемонстрировал неожиданно устойчивую тенденцию к снижению, достигнув исторического минимума в 2,3% к 2025 году, что требует глубокого количественного осмысления [7; 17].

Анализ временного ряда за 2010-2025 гг. позволяет выделить несколько ключевых этапов изменения уровня безработицы. В первой половине десятилетия (2010-2014 гг.) наблюдалось устойчивое снижение показателя с 7,5% до 5,2%, что отражало восстановление экономики после кризиса 2008-2009 годов. Период 2015-2019 гг. характеризовался относительной стабильностью с колебаниями в диапазоне 4,6-5,6%. Резкий всплеск безработицы до 5,8% в 2020 году стал следствием пандемийного кризиса и связанных с ним ограничений экономиче-

ской активности.

В ходе предварительного этапа исследования были отобраны следующие показатели:

- Уровень безработицы (%) [1];
- Численность безработных (тыс. чел.) [1];
- Численность занятого населения (тыс. чел.) [11];
- Уровень участия в рабочей силе (%) [9];
- Средняя заработная плата (руб.) [10];
- Инновационная активность организаций (%) [8];
- Ключевая ставка ЦБ РФ (%).

Для выявления тесноты связи между переменными был проведен корреляционный анализ влияния ряда макроэкономических факторов на уровень безработицы в России за период 2010-2025 годов, результаты которого представлены в матрице коэффициентов парной корреляции (табл. 1).

Таблица 1. Матрица коэффициентов парной корреляции

	Y	X1	X2	X3	X4	X5	X6
Y	1						
X1	0,98	1					
X2	-0,96	-0,95	1				
X3	-0,54	-0,54	0,59	1			
X4	-0,93	-0,93	0,88	0,34	1		
X5	-0,60	-0,57	0,58	-0,09	0,64	1	
X6	-0,77	-0,78	0,78	0,69	0,76	0,23	1

Наблюдается очень тесная прямая связь между уровнем безработицы (Y) и численностью безработных (X_1): коэффициент корреляции составляет 0,998. Это ожидаемо, так как оба показателя отражают масштабы безработицы. При этом обратная связь высокой силы прослеживается между Y и численностью занятого населения (X_2): коэффициент -0,96. Рост занятости сопровождается снижением безработицы, что экономически обоснованно.

Умеренная обратная связь (от -0,54 до -0,60) зафиксирована между уровнем безработицы и уровнем участия в рабочей силе (X_3), а также уровнем инновационной активности (X_5), что указывает на наличие, но не определяющую роль этих факторов в динамике безработицы. Сильная обратная связь (-0,93) с заработной платой (X_4) свидетельствует о том, что рост средней заработной платы сопровождается снижением безработицы, что может отражать улучшение экономической конъюнктуры.

Связь между Y и ключевой ставкой (X_6) умеренная обратная (-0,77), что в целом соответствует макроэкономической логике: ужесточение денежно-кредитной политики обычно сдерживает экономическую активность и может влиять на рынок труда, однако в данном случае эта зависимость не является определяющей [5; 6; 14].

Важным наблюдением является наличие мультиколлинеарности между факторными признаками. Так, X_1 и X_2 тесно коррелируют с X_4 (коэффициенты -0,93 и 0,88 соответственно), а X_6 – с X_2 и X_4 (0,78 и 0,76). Это говорит о том, что многие факторы изменяются согласованно, что следует учитывать при построении регрессионных моделей для избежания искажения результатов.

Таким образом, наибольшее влияние на уровень безработицы из рассматриваемых факторов оказывают численность безработных (прямая связь) и численность занятых (обратная), а также уровень заработной платы [3; 4; 6].

Для количественной оценки влияния ключевых факторов на уровень безработицы была построена модель множественной линейной регрессии. В качестве зависимой переменной (Y) выступил уровень безра-

ботицы. Независимыми переменными (X) были отобраны:

• X_1 – уровень участия в рабочей силе (%);

• X_2 – уровень инновационной активности организаций (%);

• X_3 – ключевая ставка ЦБ РФ (на конец года)

Численности безработных и занятого населения, а также средняя заработная плата исключены из модели во избежание мультиколлинеарности (слишком тесная связь с Y). Уровень участия в рабочей силе также не включен, так как его корреляция с безработицей умеренная, и он частично дублирует информацию о занятости. Качество построенной модели оценивалось с помощью коэффициента детерминации, скорректированного R^2 и критерия Фишера.

Множественный коэффициент корреляции (R = 0,899) показывает, что связь между факторами и безработицей очень тесная. Коэффициент детерминации R^2 = 0,808, то есть модель объясняет 80,8% вариации уровня безработицы. Нормированный коэффициент детерминации R^2 = 0,761 подтверждает адекватность модели с учетом числа факторов и наблюдений. Значимость F-статистики равна 0,0001 (оказалась меньше стандартного уровня 0,05), то есть модель в целом статистически значима по критерию Фишера.

Уравнение регрессии имеет вид:

$$Y=72{,}148-0{,}924\cdot X_1-0{,}179\cdot X_2-0{,}137\cdot X_3$$

Анализ значимости коэффициентов показывает, что: коэффициент при факторе X_1 имеет P-значение, превышающее 0,05, следовательно, его влияние на уровень безработицы в рамках линейной модели не является статистически значимым. Коэффициенты при переменных X_2 и X_3 статистически значимые (P(b2)=0,003 и P(b3)=0,025 соответственно). Коэффициент при X_2 отрицателен (-0,179), что означает увеличение уровня инновационной активности организаций на 1 п.п. сопровождается снижением безработицы на 0,179 п.п. Коэффициент же при X_3 отрицателен (-0,137), что означает увеличение ключевой ставки на 1 п.п. сопровождается снижением безработицы на 0,137 п.п.

На основе регрессионного анализа была построена модель динамики безработицы за период 2010-2025 года.

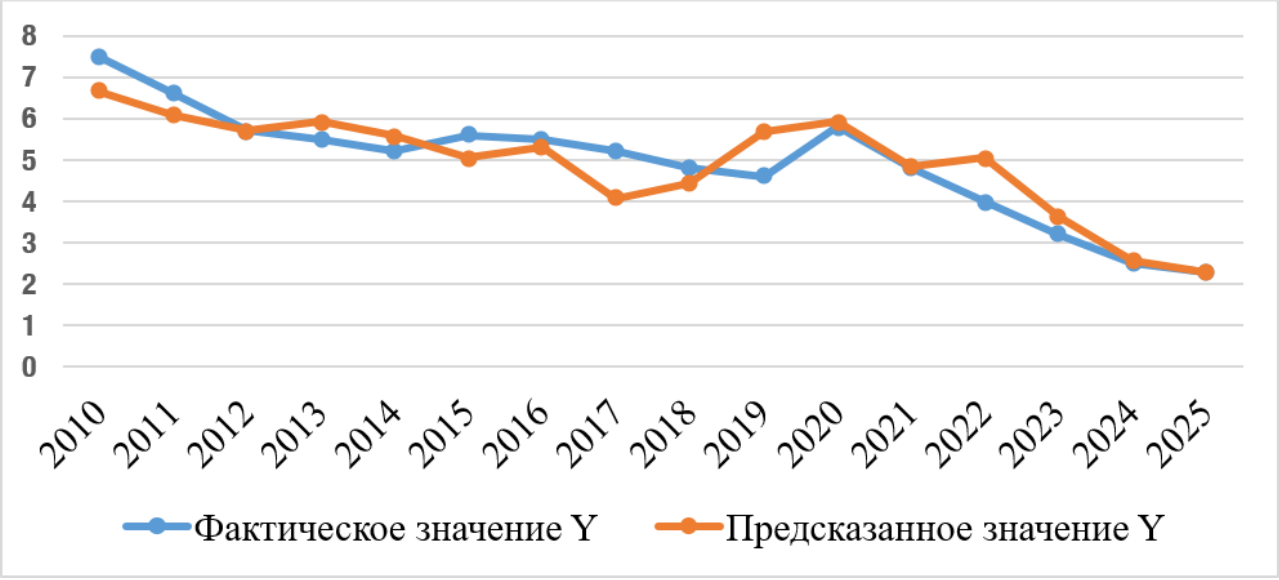

Рисунок 1. Динамика безработицы (фактические и модельные данные)

Сравнение фактических и предсказанных значений уровня безработицы показывает (рис. 1), что модель в целом адекватно описывает динамику показателя [16]. Наибольшее отклонение наблюдается в 2017 году (-1,13), что, вероятно, связано с воздействием внешних шоков, не учтенных в модели. В остальные годы ошибки прогноза невелики, что подтверждает пригодность модели для аналитических целей.

Далее построим линейные и нелинейные модели Y для построения прогнозов (рис. 2).

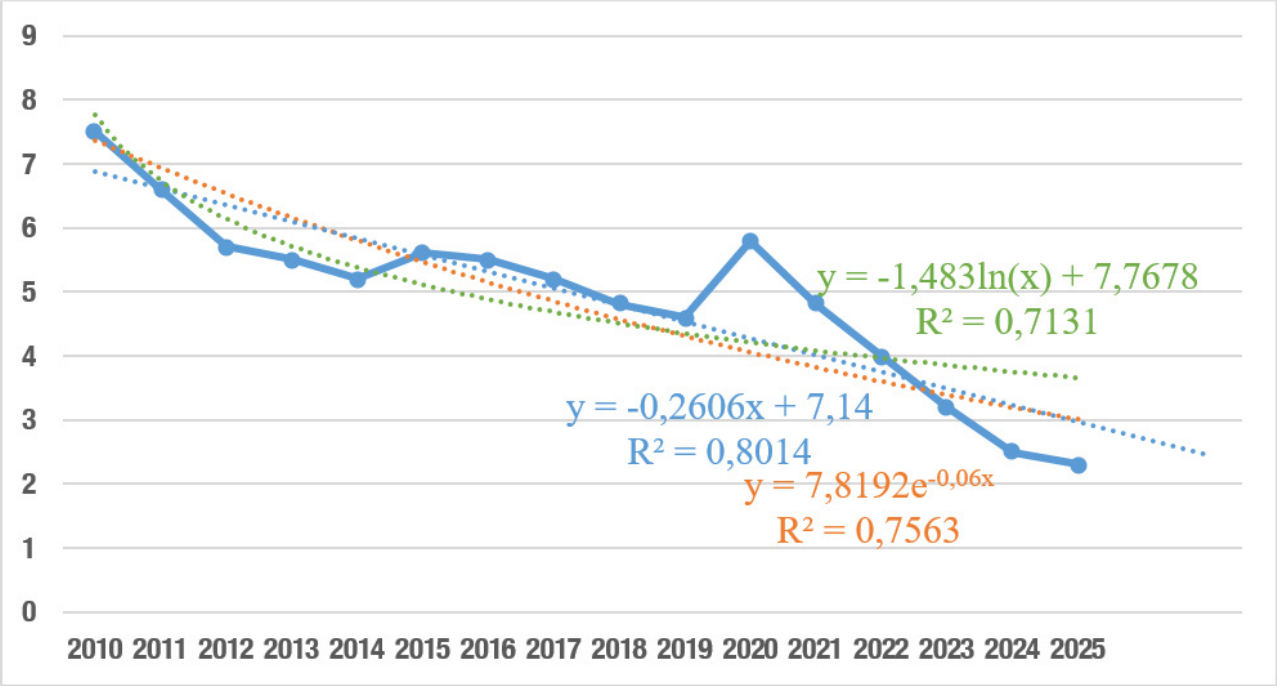

Рисунок 2. Линейный и нелинейные тренды Y

Как видно на графике (рис. 2), наиболее оптимальной моделью является линейная модель, так как коэффициент детерминации наибольший. Самая оптимистическая модель – логарифмическая, а самая пессимистическая – экспоненциальная. Следовательно, в 2026 году может ожидаться рост безработицы до 2,7% по линейной модели.

Проведенный корреляционно-регрессионный анализ показал, что уровень безработицы в России за 2010–2025 гг. наиболее тесно связан с численностью безработных, и занятого населения, и средней заработной платой, однако из-за мультиколлинеарности в регрессионную модель были включены уровень участия в рабочей силе, инновационная активность организаций и ключевая ставка ЦБ РФ. Построенная модель статистически значима (R^2 = 0,808) и объясняет 80,8% вариации уровня безработицы, при этом значимое влияние оказывают только инновационная активность (снижение безработицы на 0,179 п.п. при росте на 1 п.п.) и ключевая ставка (снижение на 0,137 п.п.), тогда как уровень участия в рабочей силе оказался незначимым. Сравнение фактических и модельных значений подтвердило адекватность модели, а на основе трендовых моделей сделан прогноз роста безработицы до 2,7% в 2026 году, что подчеркивает ключевую роль инновационной активности в стабилизации рынка труда [12; 15].

Классические регрессионные модели фиксируют связи между показателями в среднем за весь период, но не умеют адаптироваться к резким изменениям конъюнктуры. Между тем российский рынок труда в 2015–2025 гг. продемонстрировал высокую волатильность: пандемийный скачок безработицы в 2020 году сменился ее рекордно быстрым снижением до 2,3% в 2025 году. В таких условиях требуются методы, способные быстро перестраиваться и придавать больший вес новым данным [2; 12]. Этим требованиям отвечают модели экспоненциального сглаживания Брауна (для волатильных рядов без явного тренда) и Хольта (для рядов с устойчивой тенденцией). Их ключевое преимущество — адаптивность, то есть способность параметров модели эволюционировать во времени вслед за изменением самого процесса.

Далее было проведено моделирование динамики уровня безработицы использовано простое экспоненциальное сглаживание Брауна с параметром $\alpha = 0,9$. Выбор высокого значения параметра обусловлен необходимостью быстрой адаптации модели к конъюнктурным колебаниям, характерным для российского рынка труда в последние полтора десятилетия.

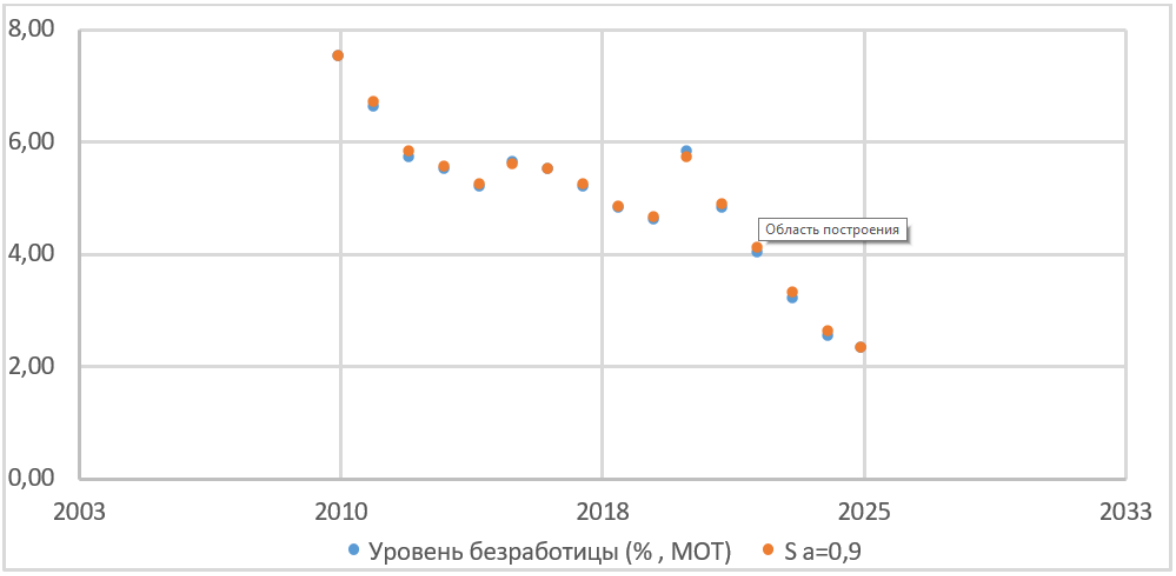

Рисунок 3. Фактические значения уровня безработицы и сглаженный ряд по модели Брауна (α = 0,9)

Модель Брауна

$$S_t=0{,}9\cdot Y_t+0{,}1\cdot S_t\text{-}1$$

с параметром адаптации α = 0,9 отреагировала на этот шок практически мгновенно: сглаженное значение выросло с 4,62% в 2019 году до 5,68% в 2020 году, что лишь незначительно отличается от фактического показателя. Наибольший интерес представляет постпандемийный период (2021–2025 гг.), когда безработица демонстрировала рекордно быстрое снижение – с 5,8% до 2,3% (рис. 3). Модель успешно отследила эту тенденцию: сглаженные значения последовательно снижались с 5,68% до 2,33%. Особенно важно, что модель не «запаздывала» даже в периоды ускоренного падения показателя.

Количественная оценка точности модели подтверждает ее высокую адекватность. Сумма квадратов ошибок (SSE) за весь период составила всего 0,0479, что является исключительно низким значением для рядов с подобной волатильностью. Средняя абсолютная ошибка не превышает 0,1 процентного пункта. Прогноз на 2026 год составляет 2,33%. Это означает, что модель ожидает сохранения рекордно низкого уровня безработицы при отсутствии новых макроэкономических шоков.

Уровень участия в рабочей силе относится к стабильным демографическим показателям, для анализа которых требуется учет не только текущих значений, но и долгосрочного тренда. В связи с этим для моделирования данного ряда была применена модель Хольта

$$L_t=\alpha Y_t+(1\text{-}\alpha)(L_t\text{-}1+T_t\text{-}1),$$

$$T_t=\beta(L_t\text{-}L_t\text{-}1)+(1\text{-}\beta)T_t\text{-}1$$

с параметрами адаптации α = 0,99 и β = 0,158.

Высокое значение параметра α (близкое к единице) обеспечивает максимальную чувствительность к текущим изменениям, тогда как второй параметр адаптации β отражает умеренную скорость адаптации тренда.

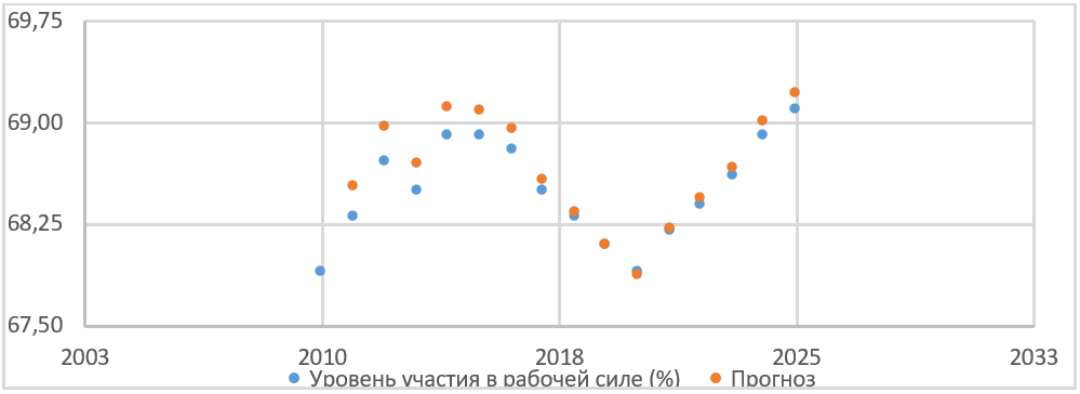

Рисунок 4. Фактические значения уровня неучастия в рабочей силе и сглаженный ряд по модели Хольта (α = 0,99; β = 0,158)

Динамика уровня неучастия в рабочей силе за 2010-2025 гг. может быть разделена на три фазы (рис. 4). Первая фаза (2010-2014 гг.) характеризовалась ростом уровня участия с 67,9% до 68,9%, что было связано с восстановлением рынка труда после кризиса и ростом экономической активности населения. Вторая фаза (2015-2020 гг.) демонстрировала устойчивое снижение показателя с 68,9% до минимальных 67,9% в 2020 году. Эта тенденция отражала как демографические факторы (старение населения), так и структурные изменения на рынке труда. Пандемийный 2020 год стал точкой перелома: уровень участия достиг исторического минимума. Третья фаза (2021-2025 гг.) ознаменовалась восстановительным ростом до 69,1%. Модель Хольта корректно идентифицировала смену тренда: рассчитанное сглаженное значение L в 2020 году составляло 67,89%, а уже к 2025 году достигло 69,1%, при этом тренд T сменил знак с отрицательного на положительный, что математически подтверждает переход от снижения к росту.

О качестве модели свидетельствует не только визуальное совпадение кривых, но и количественные показатели. Сумма квадратов ошибок (SSE) составила 1,33, что для показателя с диапазоном значений 67,9-69,1% является очень хорошим результатом. Максимальные отклонения наблюдались в периоды резких изменений (2017, 2020-2021 гг.), однако ни в одном году ошибка не превысила 0,3 процентного пункта.

Прогноз на 2026 год, построенный по модели Хольта (последнее сглаженное значение L плюс тренд T), составляет 69,1%. Это означает, что модель ожидает стабилизации уровня участия в рабочей силе на достигнутых значениях без дальнейшего существенного роста в краткосрочной перспективе.

Проведенный анализ показывает следующее. Модель Брауна с высоким параметром α оказалась весьма эффективной при моделировании волатильного ряда уровня безработицы. Ее способность быстро адаптироваться к резким изменениям (пандемийный скачок, последующее ускоренное снижение) обеспечила минимальную ошибку прогноза.

Модель Хольта показала силу при работе со стабильными рядами, имеющими выраженный, но плавный тренд. Уровень участия в рабочей силе – идеальный объект для такого моделирования: тренд меняется медленно, случайные колебания незначительны, и двойное сглаживание надежно отделяет долгосрочную тенденцию от краткосрочных флуктуаций.

Обе модели рекомендованы для краткосрочного прогнозирования рынка труда, однако выбор метода должен определяться характером динамики ряда: для волатильных показателей предпочтительнее модель Брауна с высоким α, для рядов с устойчивым трендом – модель Хольта.

Исследование факторов, влияющих на уровень безработицы в Российской Федерации в период 2010-2025 гг., и применение современных методов прогнозирования позволяют сформулировать следующие основные выводы [2; 3; 7].

Корреляционный анализ подтвердил наличие тесных статистических связей между ключевыми макроэкономическими индикаторами. Наиболее сильное обратное влияние на уровень безработицы оказывают численность занятого населения и средняя заработная плата. Высокая прямая корреляция между заработной платой и занятостью свидетельствует о формировании в последние годы дефицита кадров, когда рост спроса на труд выступает основным драйвером роста доходов населения. Уровень участия в рабочей силе демонстрирует умеренную связь с безработицей, тогда как ключевая ставка ЦБ – заметную обратную связь, а инновационная активность организаций – также умеренную отрицательную корреляцию.

Регрессионный анализ позволил количественно оценить вклад факторов. В связи с высокой мультиколлинеарностью исходных переменных (численность безработных и занятых, средняя заработная плата) была построена модель, включающая уровень участия в рабочей силе, инновационную активность и ключевую ставку ЦБ РФ. Модель статистически значима и объясняет 80,8% вариации уровня безработицы. Анализ значимости коэффициентов показал, что уровень участия в рабочей силе не является статистически значимым фактором, тогда как инновационная активность и ключевая ставка оказывают значимое влияние. Рост инновационной активности на 1 п.п. сопровождается снижением безработицы на 0,179 п.п., а увеличение ключевой ставки на 1 п.п. – снижением на 0,137 п.п. Отрицательный коэффициент при ключевой

ставке отражает не столько классическую причинно-следственную связь, сколько уникальную макроэкономическую ситуацию последних лет, когда рекордно низкая безработица (2,3% в 2025 г.) парадоксально сочеталась с жесткой денежно-кредитной политикой.

Применение методов экспоненциального сглаживания подтвердило их высокую эффективность для краткосрочного прогнозирования. Модель Брауна с параметром адаптации $\alpha = 0,9$ продемонстрировала исключительную точность при моделировании волатильного ряда уровня безработицы, практически без запаздывания отслеживая как пандемийный всплеск 2020 года, так и последующее рекордно быстрое снижение показателя. Модель Хольта с двумя параметрами адаптации $\alpha = 0,99$ и $\beta = 0,158$ успешно описала динамику стабильного демографического показателя – уровня участия в рабочей силе, корректно идентифицировав смену тренда в 2020-2021 годах.

Интеграция трех аналитических подходов – корреляционного анализа, регрессионного моделирования и экспоненциального сглаживания – позволила не только выявить ключевые факторы, определяющие состояние российского рынка труда, но и построить надежные краткосрочные прогнозы. Прогноз на 2026 год составляет 2,33% для уровня безработицы и 69,1% для уровня участия в рабочей силе, что предполагает сохранение сложившихся тенденций при отсутствии новых макроэкономических шоков.

Таким образом, результаты исследования могут быть использованы при разработке мер социально-экономической политики, направленных на регулирование рынка труда, а также в аналитической работе государственных органов и коммерческих структур [13]. Дальнейшее развитие работы видится в расширении временного ряда, учете нелинейных эффектов и применении более сложных методов прогнозирования, включая модели с временными лагами и ARIMA-структуры.

Список литературы:

[1] Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС). Уровень безработицы (по методологии МОТ). // ЕМИСС. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/43062 (дата обращения: 07.05.2026).

[2] Ерошкин С.Ю., Данилина М.В., Литвинов А.Н. Анализ занятости и безработицы в России в 2025 году // Экономика: вчера, сегодня, завтра. — 2025. — Том 15. № 11А. — С. 256-264.

[3] Кашепов А.В. Рынок труда и занятость в России в 2020–2024 ГГ. // Социально-трудовые исследования. — 2024. — №. 4. — С. 43-52.

[4] Колесникова О.А., Маслова Е.В., Околелых И.В. Кадровый дефицит на современном рынке труда России: проявления, причины, тренды, меры преодоления // Социально-трудовые исследования. — 2023. — №. 4. — С. 179-189.

[5] Костенькова Т.А. Проблемы развития российского рынка труда в условиях нестабильности и новых трендов // Экономика и предпринимательство. — 2025. — № 1. — С. 112-119.

[6] Малева Т.М., Ляшок В.Ю. Дефицит рабочей силы в России: краткосрочные и долгосрочные эффекты // Экономическая политика. — 2024. — № 6. — С. 120-153.

[7] Молоканова А.С., Степанова Т.А. Безработица: современное состояние и перспективы развития // Экономика. Социология. Право. — 2025. — №. 3. — С. 16-21.

[8] Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики». Индикаторы инновационной деятельности: 2024: Стат. сб. — М.: НИУ ВШЭ, 2024. 261 с.

[9] Федеральная служба государственной статистики. Рабочая сила, занятость и безработица в России. 2022: Крат. стат. сб. — М.: Росстат, 2024.

[10] Федеральная служба государственной статистики. Россия в цифрах. 2024: Крат. стат. сб. — М.: Росстат, 2024.

[11] Федеральная служба государственной статистики. Труд и занятость в России. 2023: Стат. сб. — М.: Росстат, 2023

[12] Худякова О.Ю. Прогнозные модели макроэкономических процессов: особенности построения // Журнал «Научное обозрение. Серия 1. Экономика и право», №3, 2024. С.165-171.

[13] Lehmann H., Muravyev A. Labor market institutions and policies in Russia: A review of recent trends and developments // IZA Journal of Labor Policy. – 2023. – Vol. 13. – No. 1. – P. 1–28.

[14] Maleva T., Lyashok V. Labor shortage

in Russia: Short-term and long-term effects // Economic Policy. – 2024. – Vol. 19. – No. 6. – P. 120–153.

[15] Makridakis S., Hyndman R.J. Forecasting: Principles and Practice. – 3rd ed. – Melbourne: OTexts, 2021. – 426 p.

[16] Muratov A., Savelyev A. Minimum wage and unemployment in Russia: A new look on an old construct // Economic Modelling. – 2025. – Vol. 148. – P. 107086.

[17] Vakulenko E., Gurvich E. Labor market dynamics in Russia: From recession to recovery // Post-Communist Economies. – 2023. – Vol. 35. – No. 4. – P. 389–412.

References:

[1] Unified Interdepartmental Information and Statistical System (UIISS). Unemployment Rate (According to ILO Methodology). // UIISS. URL: https://www.fedstat.ru/indicator/43062 (Accessed: 07.05.2026).

[2] Eroshkin S. Yu., Danilina M. V., Litvinov A. N. Analysis of Employment and Unemployment in Russia in 2025 // Economy: Yesterday, Today, Tomorrow. - 2025. - Vol. 15. No. 11A. - Pp. 256-264.

[3] Kashepov A. V. Labor Market and Employment in Russia in 2020–2024 // Social and Labor Research. - 2024. - No. 4. - Pp. 43-52.

[4] Kolesnikova O.A., Maslova E.V., Okolelykh I.V. Personnel shortage in the modern Russian labor market: manifestations, causes, trends, and measures to overcome them // Social and labor studies. - 2023. - No. 4. - P. 179-189.

[5] Kostenkova T.A. Problems of development of the Russian labor market in the context of instability and new trends // Economy and entrepreneurship. - 2025. - No. 1. - P. 112-119.

[6] Maleva T.M., Lyashok V.Yu. Labor shortage in Russia: short-term and long-term effects // Economic policy. - 2024. - No. 6. - P. 120-153.

[7] Molokanova A.S., Stepanova T.A. Unemployment: current state and development prospects // Economy. Sociology. Law. — 2025. — No. 3. — P. 16-21.

[8] National Research University Higher School of Economics. Innovation Activity Indicators: 2024: Statistical Collection — Moscow: HSE, 2024. 261 p.

[9] Federal State Statistics Service. Labor Force, Employment, and Unemployment in Russia. 2022: Brief Statistical Collection — Moscow: Rosstat, 2024.

[10] Federal State Statistics Service. Russia in Figures. 2024: Brief Statistical Collection — Moscow: Rosstat, 2024.

[11] Federal State Statistics Service. Labor and Employment in Russia. 2023: Statistical Collection — Moscow: Rosstat, 2023

[12] Khudyakova, O. Yu. Forecasting Models of Macroeconomic Processes: Design Features // Scientific Review. Series 1. Economics and Law, No. 3, 2024. pp. 165-171.

[13] Lehmann H., Muravyev A. Labor Market Institutions and Policies in Russia: A Review of Recent Trends and Developments // IZA Journal of Labor Policy. – 2023. – Vol. 13. – No. 1. – P. 1–28.

[14] Maleva T., Lyashok V. Labor Shortage in Russia: Short-Term and Long-Term Effects // Economic Policy. – 2024. – Vol. 19. – No. 6. – P. 120–153.

[15] Makridakis S., Hyndman R.J. Forecasting: Principles and Practice. – 3rd ed. – Melbourne: OTexts, 2021. – 426 p.

[16] Muratov A., Savelyev A. Minimum wage and unemployment in Russia: A new look at an old construct // Economic Modelling. – 2025. – Vol. 148. – P. 107086.

[17] Vakulenko E., Gurvich E. Labor market dynamics in Russia: From recession to recovery // Post-Communist Economies. – 2023. – Vol. 35. – No. 4. – P. 389–412.

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 28.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-63-67**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

БУТЫРЕВА Екатерина Алексеевна,
магистрант,
САФУ имени М.В. Ломоносова,
e-mail: butyreva.ekaterina@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ДИНАМИКИ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ И КАДРОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СФЕРЕ ОБЩЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. *Сохраняющийся дефицит педагогических работников и значительные межрегиональные различия в оплате труда в системе общего образования обусловливают интерес к анализу взаимосвязи между динамикой заработной платы и кадровой обеспеченностью отрасли. Целью исследования является определение степени дифференциации среднемесячной номинальной заработной платы работников общего образования в субъектах Северо-Западного федерального округа, а также выявление характера взаимосвязи между уровнем оплаты труда и численностью педагогических работников. На основе данных официальной статистики проведён сравнительный и корреляционный анализ, в результате которого установлено устойчивое сохранение межрегиональной дифференциации заработной платы педагогов и неоднородность направленности связи между уровнем оплаты труда и численностью педагогических работников в регионах округа. Полученные результаты показывают, что рост заработной платы педагогических работников не сопровождается однозначным увеличением численности кадров, что указывает на сложный и неоднородный характер взаимосвязи данных показателей.*

Ключевые слова: *номинальная среднемесячная заработная плата, образование, кадровый дефицит, педагогические кадры.*

BUTYREVA Ekaterina Alekseevna,
Master's student,
M.V. Lomonosov NArFU

CHARACTERISTICS OF WAGE AND STAFFING DYNAMICS IN GENERAL EDUCATION

Annotation. *The ongoing shortage of teaching staff and significant interregional differences in wages in the general education system motivate an analysis of the relationship between wage dynamics and staffing levels in the sector. The aim of this study is to determine the degree of differentiation in the average monthly nominal wages of general education workers in the constituent entities of the Northwestern Federal District, as well as to identify the nature of the relationship between wage levels and the number of teaching staff. Based on official statistics, a comparative and correlation analysis was conducted, revealing persistent interregional differentiation in teacher wages and heterogeneity in the direction of the relationship between wage levels and the number of teaching staff across the district's regions. The results show that increases in teaching staff salaries are not accompanied by a clear increase in staffing levels, indicating a complex and heterogeneous relationship between these indicators.*

Key words: *nominal average monthly salary, education, staff shortage, teaching staff.*

Эффективность образовательной системы региона во многом определяется уровнем заработной платы и кадровой обеспеченностью педагогов. В последние годы наблюдается дефицит педагогических работников, рост нагрузки на оставшихся специалистов и значительные региональные различия в оплате труда. Несмотря на стабильный рост заработной платы педагогических работников, в системе общего об-

разования сохраняется тенденция сокращения численности кадров, что указывает на наличие противоречия между динамикой оплаты труда и кадровой обеспеченностью отрасли и обусловливает необходимость анализа факторов, влияющих на закрепление педагогов. Цель исследования – определить степень дифференциации в уровне заработной платы работников общего образования в Северо-Западном федеральном округе, а также выявить особенности взаимосвязи между динамикой заработной платы педагогов и численностью педагогических работников. Задачи исследования:

- проанализировать динамику среднемесячной заработной платы работников образования в сравнении с зарплатой

по экономике в целом и выявить межрегиональные различия

в субъектах Северо-Западного федерального округа;

- выявить связь между среднемесячной номинальной заработной платой работников общего образования

и численностью педагогических работников общего образования в субъектах Северо-Западного федерального округа.

Согласно статистическим данным за 2015–2024 гг. по Российской Федерации, среднемесячная номинальная заработная плата по экономике в целом выросла с 34,0 до 89,0 тыс. руб. (рост на 162 % или в 2,6 раз). Однако в сфере образования аналогичный показатель увеличился с 27,0 до 62,9 тыс. руб., то есть лишь на 133 % или в 2,3 раза, что ниже среднероссийской динамики. Зарплата работников образования является одной из самых медленно растущих. Образование стабильно входит

в группу отраслей с наиболее низкими темпами роста зарплаты, наряду с сельским хозяйством и административной деятельностью [1]. Подобные тенденции отмечаются в современных исследованиях, где акцентируется внимание на устойчивом отставании динамики роста оплаты труда педагогов от средних показателей по экономике. [2; 3].

В 2024 г. номинальная среднемесячная заработная плата педагогов составляет лишь около 71 % от средней по экономике [1]. Такой результат закономерен, учитывая специфику финансирования отрасли: высокая доля бюджетных средств, централизованная тарифная сетка и ограниченные возможности дифференциации доходов по результатам труда.

Для более глубокого анализа рассмотрены показатели среднемесячной номинальной начисленной заработной платы работников общего образования в субъектах Северо-Западного федерального округа за 2017–2024 гг. (рисунок 1). Результаты отражают значительные региональные диспропорции [4]. Разрыв между регионами-лидерами и регионами с минимальной оплатой достигает более чем двукратного значения. При этом темпы прироста выше именно в тех субъектах, где базовый уровень оплаты был изначально низким (Республика Карелия, Вологодская область), что свидетельствует о попытках сглаживания неравенства, но не об устранении структурных различий.

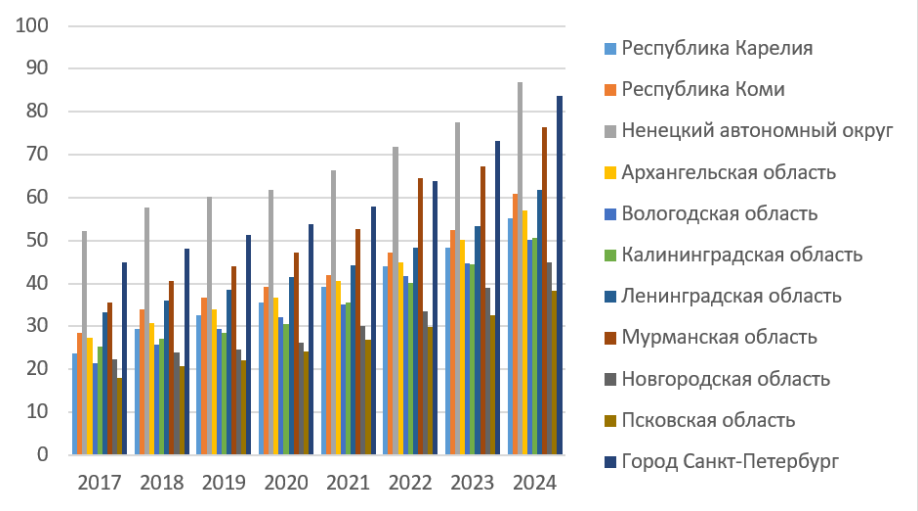

Рисунок 1. Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников общего образования по субъектам Северо-Западного федерального округа за период с 2017 по 2024 г., тыс. руб. [4]

Таким образом, динамика среднемесячной номинальной заработной платы работников общего образования в субъектах Северо-Западного федерального округа за 2017–2024 гг. характеризуется устойчивым сохранением межрегиональной дифференциации. Несмотря на более высокие темпы роста оплаты труда в ряде субъектов с изначально низким уровнем заработной платы, разрыв между регионами остаётся значительным, что указывает на ограниченность процессов выравнивания и сохранение структурных различий в условиях оплаты труда педагогических работников внутри федерального округа.

На заключительном этапе исследования предпринята попытка выявления статистической взаимосвязи между среднемесячной номинальной заработной платы работников общего образования и численностью педагогических работников общего образования по регионам Северо-Западного федерального округа. Для этого был проведён корреляционный анализ, где в качестве факторов рассматривались среднемесячная номинальная заработная плата работников общего образования (тыс. руб.) и численность педагогических работников общего образования, (человек) [1].

Анализ результатов коэффициента корреляции r позволяет сгруппировать субъекты Северо-Западного федерального округа

по направленности и тесноте линейной взаимосвязи между указанными показателями.

В ряде субъектов Северо-Западного федерального округа зафиксирована сильная обратная связь между уровнем номинальной заработной платы работников общего образования и численностью педагогических работников общего образования: Республика Коми ($r = -0{,}94$), Псковская область ($r = -0{,}88$), Республика Карелия ($r = -0{,}82$), Архангельская область ($r = -0{,}76$), Ненецкий автономный округ ($r = -0{,}63$), Новгородская область ($r = -0{,}58$). Данные значения указывают на то, что в указанных регионах рост номинальной заработной платы педагогических работников сопровождался снижением их численности. В таких регионах повышение заработной платы педагогов реализуется преимущественно за счёт повышения интенсивности труда, а не за счёт расширения кадрового состава. За последнее десятилетие число обучающихся в расчете на 1 учителя стабильно увеличивалось, при этом число работающих специалистов сокращалось, несмотря на стабильный рост средней зарплаты педагогов, что может свидетельствовать об увеличении нагрузки на педагогов, расширении практик совмещения должностей и оптимизации кадрового состава при формальном росте средней заработной платы [5; 6].

В Вологодской области ($r = -0{,}28$) и Мурманской области ($r = -0{,}01$) выявлена слабая либо практически отсутствующая линейная связь между анализируемыми показателями. Это свидетельствует о том, что изменение уровня заработной платы в данных регионах не сопровождалось сопоставимыми изменениями численности педагогических работников.

В отдельных субъектах округа выявлена сильная прямая связь между уровнем оплаты труда и численностью педагогов общего образования: Ленинградская область ($r = 0{,}97$), Калининградская область ($r = 0{,}93$), город Санкт-Петербург ($r = 0{,}89$). В регионах с положительной корреляцией рост оплаты труда сопровождается расширением педагогического корпуса, что указывает на иную модель реализации кадровой политики, отличную от регионов с отрицательной корреляцией.

Выявленные различия в характере взаимосвязи между численностью педагогических работников и уровнем их заработной платы в субъектах Северо-Западного федерального округа свидетельствуют о глубокой региональной дифференциации моделей кадрового регулирования в сфере общего образования. Противоположные корреляционные зависимости отражают не только экономические различия между регионами, но и особенности демографической ситуации, управленческих решений и механизмов реализации государственной образовательной политики.

В современных аналитических обзорах также отмечается, что кадровая устойчивость системы образования определяется совокупностью факторов, включая уровень финансирования, условия труда, демографические процессы и региональные особенности развития образовательной инфраструктуры [7; 8].

Регионы с обратной корреляцией характеризуются схожими социально-экономическими условиями, неблагоприятной демо-

графической динамикой, территориальной удалённостью от федерального центра, разреженностью расселения и ограниченными возможностями развития образовательной инфраструктуры. В субъектах с прямой корреляцией общими чертами являются более высокий уровень экономического развития, развитая образовательная и социальная инфраструктура и более благоприятные демографические условия.

Для проверки статистической значимости полученных коэффициентов корреляции использовался t-критерий Стьюдента. Оценка значимости проводилась при уровне значимости $\alpha = 0{,}05$. Критическое значение коэффициента корреляции для выборки объёмом $n = 8$ (2017–2024 гг.) составляет $r_{кр} \approx 0{,}707$. Значения коэффициентов корреляции, превышающие данное пороговое значение по модулю, интерпретируются как статистически значимые.

С учётом критического значения $r_{кр} \approx 0{,}707$ статистически значимыми являются сильные корреляционные зависимости, выявленные в Республике Коми, Псковской области, Республике Карелия, Архангельской области, Ленинградской области, Калининградской области и г. Санкт-Петербурге. В то же время слабые и умеренные значения коэффициентов корреляции (Вологодская область, Мурманская область, Новгородская область, Ненецкий автономный округ) не достигают уровня статистической значимости, что не позволяет однозначно интерпретировать выявленные зависимости как устойчивые.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что рост заработной платы педагогических работников не является универсальным фактором стабилизации кадрового состава системы общего образования. По мнению автора, социально-экономические, демографические, инфраструктурные и территориальные факторы также оказывают значительное влияние на уровень дефицита педагогических кадров региона.

Для объяснения выявленных различий целесообразно выделить условные кластеры регионов исходя из типа взаимосвязи между размером заработной платы и численностью педагогов.

К первому кластеру регионов с отрицательной корреляцией относятся субъекты с низкой плотностью населения, миграционным оттоком, неспособностью обеспечить устойчивое воспроизводство населения и сохранения численности. В субъектах такого типа происходит оптимизация кадровой численности, а рост заработной платы носит компенсаторный характер.

Ко второму кластеру регионов с положительной корреляцией относятся субъекты с развитой инфраструктурой, ростом численности населения и, соответственно, спросом на образовательные услуги. В данных регионах рост заработной платы влечет за собой расширение кадрового состава.

Третий кластер – регионы, в которых отсутствует выраженная зависимость между рассматриваемыми показателями, что обусловлено влиянием дополнительных факторов.

Таким образом, кадровый дефицит в системе общего образования обусловлен не только уровнем заработной платы, но и совокупностью структурных и институциональных факторов, включая рост учебной и административной нагрузки, демографические изменения, трансформацию профессиональных ролей педагога и снижение привлекательности профессии, а также характеристиками конкретного региона. Данные выводы согласуются с результатами современных исследований, в которых подчёркивается, что уровень оплаты труда является лишь одним из факторов кадровой устойчивости системы образования, наряду с условиями труда, профессиональной нагрузкой, возможностями карьерного роста и территориальными особенностями регионов [9-12].

Список литературы:

[1] Рынок труда, занятость и заработная плата // Федеральная служба государственной статистики. URL: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (дата обращения: 12.12.2025).

[2] Клячко Т. Л. Финансирование образования в России: основные тенденции и проблемы // Вопросы образования. – 2022. – № 2. – С. 5-28.

[3] Агранович М. Л. Образование в России: состояние и тенденции развития // Народное образование. – 2021. – № 7. – С. 15-26.

[4] Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата на одного работника по полному кругу организаций // ЕМИСС Государственная статистика. URL:

https://fedstat.ru/indicator/33433 (дата обращения: 17.12.2025).

[5] Общее образование // Министерство просвещения Российской Федерации. URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu/ (дата обращения: 17.12.2025).

[6] Самое важное о проблемах образования. Данные статистики // Профсоюз «Учитель». URL: https://pedagog-prof.org/oplata-truda/samoe-vazhnoe-o-problemah-obrazovaniya-dannye-statistiki/ (дата обращения: 18.12.2025).

[7] НИУ ВШЭ. Образование в цифрах: 2023 : краткий статистический сборник. – М.: НИУ ВШЭ, 2023. – 120 с.

[8] OECD. Education at a Glance 2023: OECD Indicators. – Paris: OECD Publishing, 2023.

[9] Ревякина В. И., Костюкова Т. А. Кадровые дефициты Российской системы образования в XXI веке // Информация и образование: границы коммуникаций. – 2022. – №. 14(22). – С. 13-15.

[10] Пазенко Е. А. Проблема привлечения молодых педагогов в школу: статус профессии // Сборник научных трудов. – Ульяновск : УлГТУ, 2018. – С. 72-79.

[11] Махт Н.Ф., Кочнева Д.Н. Профессиональная ориентация и закрепление молодых специалистов в современных условиях // Сборник научных статей. – Екатеринбург : УГУПС, 2021. – С. 166-170.

[12] Дело не только в зарплате: почему в школах не хватает молодых учителей // Skillbox Media – отраслевое издание. URL: https://skillbox.ru/media/education/delo-ne-tolko-v-zarplate-pochemu-vshkolakh-ne-khvataet-molodykh-uchiteley/?ysclid=mbmksqbdaf802322987 (дата обращения: 18.12.2025).

References:

[1] Labor Market, Employment, and Wages // Federal State Statistics Service. Available at: https://rosstat.gov.ru/labor_market_employment_salaries (Accessed: 12/12/2025).

[2] Klyachko, T. L. Education Financing in Russia: Main Trends and Problems // Voprosy obrazovaniia [Problems of Education]. 2022, no. 2, pp. 5-28.

[3] Agranovich, M. L. Education in Russia: Status and Development Trends // Narodnoye obrazovanie [Public Education]. 2021, no. 7, pp. 15-26.

[4] Average Monthly Nominal Accrued Wages per Employee for a Full Range of Organizations // EMISS State Statistics. Available at: https://fedstat.ru/indicator/33433 (Accessed: 12/17/2025).

[5] General Education // Ministry of Education of the Russian Federation. URL: https://edu.gov.ru/activity/statistics/general_edu/ (date of access: 17.12.2025).

[6] The Most Important Thing About Educational Issues. Statistical Data // Teacher's Trade Union. URL: https://pedagog-prof.org/oplata-truda/samoe-vazhnoe-o-problemah-obrazovaniya-dannye-statistiki/ (date of access: 18.12.2025).

[7] HSE University. Education in Figures: 2023: A Brief Statistical Digest. Moscow: HSE University, 2023. – 120 p.

[8] OECD. Education at a Glance 2023: OECD Indicators. – Paris: OECD Publishing, 2023.

[9] Revyakina V. I., Kostyukova T. A. Personnel shortages in the Russian education system in the 21st century // Information and education: the boundaries of communications. – 2022. – No. 14(22). – P. 13-15.

[10] Pazenko E. A. The problem of attracting young teachers to school: the status of the profession // Collection of scientific papers. – Ulyanovsk: Ulyanovsk State Technical University, 2018. – P. 72-79.

[11] Makht N. F., Kochneva D. N. Career guidance and retention of young specialists in modern conditions // Collection of scientific articles. – Yekaterinburg: USUPS, 2021. – P. 166-170.

[12] It's not just about salaries: why schools lack young teachers // Skillbox Media – industry publication. URL: https://skillbox.ru/media/education/delo-ne-tolko-v-zarplate-pochemu-vshkolakh-ne-khvataet-molodykh-uchiteley/?ysclid=mbmksqbdaf802322987 (accessed: 12/18/2025).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-68-73**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

ХАЙМАНОВА Альбина Олеговна,
аспирант 1 курса,
Санкт-Петербургский университет
технологий управления и экономики,
e-mail: al.khaimanova@mail.ru

ВЕЩНОЕ ПРАВО В ДОГОВОРЕ ПОДРЯДА: ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ И ПРАКТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются вопросы возникновения права собственности на материалы и оборудования в договоре подряда, а также проведен анализ момента перехода права собственности как на материалы, так и на оборудование. Автором проанализирована судебная практика, возникающая в спорах по поводу вещных прав, возникающих в договорных правоотношениях при выполнении подрядных работ и предложены направления совершенствования законодательства по рассматриваемым договорам.*

Ключевые слова: *вещное право, договор подряда, заказчик, подрядчик, право собственности.*

KHAIMANOVA Albina Olegovna,
first-year graduate student,
St. Petersburg University
of Management Technologies and Economics

PROPERTY RIGHTS IN CONTRACTS FOR WORK: THEORETICAL AND PRACTICAL ASPECTS

Annotation. *This article examines the emergence of ownership rights to materials and equipment in a contract for work, and analyzes the moment of transfer of ownership of both materials and equipment. The author analyzes case law arising in disputes over property rights arising in contractual relationships during the performance of contract work and proposes areas for improving legislation for these contracts.*

Key words: *property rights, contract for work, customer, contractor, ownership rights.*

Обязательственное право регулирует отношения между конкретными лицами (кредитором и должником), где интерес кредитора удовлетворяется за счет действий должника. Вещное право, напротив, устанавливает прямую юридическую связь лица с вещью, предоставляя ему абсолютную защиту против всех третьих лиц. Исследователи отмечают, что «вещное право возникает только на индивидуально-определенную вещь; оно является абсолютным правоотношением, из чего вытекает возможность применения специальных вещно-правовых способов защиты; обладатель вещного права имеет фактическое господство над вещью» [1].

В договоре подряда эти две сферы тесно переплетаются. С одной стороны, подрядчик несет обязательство выполнить работу и сдать ее результат заказчику. С другой стороны, в процессе исполнения договора возникают и развиваются вещные права на различные объекты: материалы, инструменты, а затем и на создаваемую вещь. Это порождает так называемую «вещную обремененность» обязательственных отношений.

В силу п. 2 ст. 703 ГК РФ по договору подряда, заключенному на изготовление вещи, подрядчик передает права на нее заказчику [2]. Однако для передачи любого права нужно им обладать. Это прямо вытекает из общего принципа, в силу которого никто не может передать другому больше прав, чем он сам имеет [3].

Одной из ключевых теоретических проблем является определение правовой природы перехода права собственности. Современная доктрина склоняется к тому, что в

договоре подряда право собственности на результат работ переходит к заказчику именно в силу исполнения обязательства подрядчиком. Однако до момента передачи результат находится во владении подрядчика, что порождает вопросы о титульном владении и ответственности за сохранность вещи. И.Г. Сухова отмечает, что «право собственности на результат договора строительного подряда возникает у заказчика после получения результата работ от подрядчика и регистрации его как объекта недвижимости в установленном порядке» [4].

Можно согласиться с мнением, что «право собственности возникает только в том случае, если лицо соблюдает в процессе производства вещи требования закона и иных правовых актов, установленных в целях защиты, прежде всего, публичных интересов (строительные нормы, правила противопожарной безопасности, правила об охране окружающей среды и т. д.)» [5].

Ситуация кардинально меняется при использовании материалов заказчика. В этом случае право собственности на материалы сохраняется за заказчиком на протяжении всего времени нахождения их у подрядчика. Подрядчик выступает лишь в роли титульного владельца, обязанного использовать эти материалы экономно и расчетливо, а по окончании работ – предоставить заказчику отчет об их расходовании и возвратить остаток либо с согласия заказчика уменьшить цену работы с учетом стоимости остающихся материалов.

Правовой режим оборудования (инструментов), используемого для выполнения работ, как правило, аналогичен режиму материалов. Если подрядчик использует собственное оборудование, оно остается его собственностью.

Согласно общему правилу, закрепленному в статье 703 ГК РФ, право собственности на изготовленную вещь возникает у заказчика с момента передачи ему результата работ подрядчиком. Передача оформляется специальным документом – актом приемки-передачи выполненных работ.

До фактической передачи вещь уже существует физически и находится во владении подрядчика. С точки зрения теории права здесь происходит трансформация: подрядчик перестает быть создателем вещи и становится ее титульным владельцем без права собственности (на основании договора), а заказчик приобретает статус собственника.

Важно отличать момент перехода права собственности от момента возникновения права требовать оплаты. По общему правилу (ст. 711 ГК РФ), заказчик обязан уплатить подрядчику обусловленную цену после окончательной сдачи результатов работы при условии, что работа выполнена надлежащим образом. Таким образом, право собственности может перейти к заказчику раньше, чем наступит срок оплаты по договору.

В судебной практике встречаются случаи, когда суды признают право собственности за заказчиком даже до фактической передачи результата. Это возможно, если объект полностью создан, отделен от другого имущества подрядчика и индивидуализирован (например, мебель изготовлена по индивидуальному заказу и находится на складе подрядчика). В таких ситуациях формальный акт приемки-передачи лишь подтверждает уже свершившийся факт перехода права.

Для движимых вещей момент перехода права собственности часто связывается с моментом передачи вещи (ст. 223 ГК РФ). Для недвижимого имущества (результата строительного подряда) ситуация сложнее: право собственности возникает только с момента государственной регистрации перехода права в Едином государственном реестре недвижимости (ЕГРН). До этого момента заказчик обладает лишь обязательственным правом требования к подрядчику о передаче объекта.

Объект незавершенного строительства представляет собой особую категорию вещей в рамках договора строительного подряда. Это уже не просто совокупность строительных материалов на площадке, но еще и не готовый объект недвижимости.

До введения в действие современного Гражданского кодекса РФ правовой режим таких объектов был неопределенным. Сегодня статья 130 ГК РФ прямо относит объекты незавершенного строительства к недвижимым вещам. Это означает, что они могут быть предметом сделок (купли-продажи, залога) и иметь самостоятельного собственника.

Право собственности на объект незавершенного строительства возникает у заказчика с момента государственной регистрации

этого права в ЕГРН. Основанием для такой регистрации служит договор строительного подряда и документы, подтверждающие степень готовности объекта (технический паспорт).

Стороны могут предусмотреть в договоре условия о переходе рисков случайной гибели объекта незавершенного строительства. П.И. Казаков подтверждает, что «риск случайной гибели или повреждения объекта строительства до приёмки заказчиком несёт подрядчик, после приёмки – заказчик (ст. 741, ГК РФ)» [6].

Рассматривая право удержания можно отметить, что это один из классических и наиболее востребованных способов обеспечения исполнения обязательств, который активно применяется в рамках договора подряда. Его суть заключается в том, что это «обеспечительное обязательство, в силу которого кредитор, у которого находится вещь, подлежащая передаче должнику либо лицу, указанному должником, вправе в случае неисполнения должником в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению кредитору связанных с нею издержек и других убытков удерживать ее до тех пор, пока соответствующее обязательство не будет исполнено» [7]. Чаще всего речь идет об оплате выполненных работ, возмещении расходов на материалы или выплате иных причитающихся подрядчику сумм.

В российском гражданском праве институт удержания регламентируется статьей 359 Гражданского кодекса РФ. Согласно этой норме, кредитор (подрядчик) может удерживать находящуюся у него вещь, подлежащую передаче должнику (заказчику), в случае неисполнения последним в срок обязательства по оплате этой вещи или возмещению связанных с нею издержек и других убытков.

Судебная практика исходит из того, что удержание не должно превращаться в самоуправство. Подрядчик обязан действовать в рамках договора и закона. Если договор прямо не предусматривает право удержания или если вещь удерживается сверх разумных сроков, действия подрядчика могут быть признаны незаконными. Кроме того, удержание не может применяться к вещам, которые не были переданы подрядчику для выполнения работ или не являются результатом его труда.

Таким образом, право удержания выступает эффективным инструментом обеспечения обязательств, стимулируя заказчика к добросовестному поведению и защищая имущественные интересы подрядчика. Однако для минимизации рисков споров сторонам рекомендуется максимально подробно регламентировать условия и порядок реализации этого права непосредственно в тексте договора подряда.

Виндикация, то есть истребование имущества из чужого незаконного владения, является одним из ключевых способов защиты вещных прав в гражданском обороте. «Незаконное владение – это безосновательное владение чужим имуществом или по основанию, не охраняемому законом» [8]. В контексте договора подряда виндикационные иски возникают тогда, когда одна из сторон (чаще всего заказчик) лишается возможности владеть своей вещью, которая либо была передана подрядчику для выполнения работ, либо стала результатом этих работ.

Защита вещных прав в подрядных отношениях осуществляется комплексно. Помимо виндикации, стороны могут использовать такие способы, как признание права собственности, возмещение убытков, причиненных незаконным удержанием или повреждением вещи, а также восстановление положения, существовавшего до нарушения права. Выбор конкретного способа зависит от характера нарушения и стадии исполнения договора.

А.В. Егоров указывает, что «важные идеи, не осознанные в полной мере судебной практикой, состоят в том, что: до сдачи работ в них не может быть недостатка; заказчик не обязан принимать не выполненные до конца работы (это не ситуация недостатка); подрядчик должен нести ответственность не только за фактические, но и за юридические недостатки результата работ» [9]. Типичная ситуация: подрядчик выполнил работу, но заказчик отказался ее принимать и оплачивать. Подрядчик, полагая, что его права нарушены, продолжает удерживать результат работ у себя. Заказчик, в свою очередь, считает вещь своей и требует ее возврата. Здесь возникает конфликт: с одной стороны – право подрядчика на получение оплаты, с другой – право собственности заказчика на результат труда. Если подрядчик удерживает вещь без законных оснований (например, если договор не предусматривает такое

право или срок оплаты еще не наступил), заказчик вправе предъявить виндикационный иск.

По общему правилу, право собственности на изготовленную вещь возникает у заказчика с момента ее передачи ему, если иное не предусмотрено законом или договором (статья 223 ГК РФ). Однако в подряде результат работы часто неразрывно связан с переработкой (обработкой) материала заказчика. В этом случае право собственности на новую вещь по умолчанию принадлежит собственнику материала, если иное не вытекает из договора или характера работ.

Если подрядчик отказывается передать вещь после того, как у него возникла такая обязанность (например, после полной оплаты), его владение становится незаконным. Суд удовлетворит виндикационный иск заказчика и обяжет подрядчика вернуть результат работ. При этом подрядчик не лишается права требовать оплаты через отдельный иск о взыскании задолженности, но он не может удерживать вещь в качестве залога без прямого на то указания в законе или договоре.

Не стоит забывать, что договор подряда – это родовое понятие, объединяющее множество различных видов обязательств: строительный подряд, бытовой подряд, проектные и изыскательские работы, подряд на выполнение работ для государственных нужд и другие. В каждом из этих сегментов вещно-правовые отношения имеют свою специфику.

В строительном подряде объектом вещных прав выступает недвижимое имущество или его существенные части (здания, сооружения). Здесь вопросы собственности и владения приобретают особую остроту из-за высокой стоимости объектов и длительных сроков выполнения работ. Право собственности на вновь созданный объект недвижимости возникает только с момента государственной регистрации.

В бытовом подряде (работы для удовлетворения личных нужд граждан) приоритетной является защита прав потребителя как экономически более слабой стороны. Здесь действуют специальные нормы Закона «О защите прав потребителей» [10].

Часто возникают судебные споры, связанные с незаконным удержанием результата работ подрядчиком или материалов заказчика. Суды в таких случаях строго руководствуются статьей 359 ГК РФ, указывая, что удерживать можно только ту вещь, которая является предметом обязательства по оплате в рамках данного договора. Использование удержания для давления по другим обязательствам признается незаконным. На практике применение норм о вещных правах в договоре подряда также сталкивается с рядом сложностей. В качестве примера рассмотрим решение Белокалитвинского городского суда Ростовской области от 29.09.2020 по делу № 2-827/2020 [11]. Суть спора: Истец обратился с иском об истребовании имущества (микроволновой печи, холодильника, телевизора) из чужого незаконного владения ответчика. Истец утверждал, что приобрел это имущество на свои средства, однако оно находилось у ответчика, который отказывался его возвращать. Суд отказал в удовлетворении иска. В мотивировочной части решения суд подробно разъяснил суть виндикационного иска: стребование имущества из чужого незаконного владения, то есть виндикация, является вещно-правовым способом защиты права собственности… Для удовлетворения виндикационного иска необходимым является одновременное наличие следующих условий: имеющееся у истца право собственности… утрата титульным владельцем фактического владения вещью… фактическое нахождение вещи в незаконном владении ответчика. Суд установил, что имущество приобреталось в период совместного проживания для общего пользования, и истец не доказал свое исключительное право собственности на эти вещи. Это дело наглядно демонстрирует, что для виндикации необходимо доказать не только факт владения вещью ответчиком, но и свое право собственности на нее.

Приведем также решение Ленинского районного суда г. Тюмени от 29.10.2025. Спор возник из-за отказа заказчика принять и оплатить выполненные подрядные работы. Подрядчик заявил о своем праве удерживать результат работ до погашения задолженности. Суд встал на сторону подрядчика, указав, что односторонний отказ от исполнения обязательства по оплате не допускается. Судебное решение основывалось на пункте 1 статьи 702 ГК РФ и подтвердило правомерность действий подрядчика по удержанию результата работ как способа обеспечения исполнения обяза-

тельств заказчиком [12].

Для минимизации подобных споров и повышения правовой определенности рекомендуется:

- Максимально детально регламентировать в договоре условия перехода права собственности на результат работ и использованные материалы.

- Четко фиксировать момент возникновения обязанности по оплате и исчерпывающий перечень оснований для применения права удержания.

- Использовать современные способы фиксации передачи имущества (фото-, видеофиксация, электронные акты).

- Развивать досудебные процедуры урегулирования споров.

Подводя итог проведенному исследованию вещно-правовых аспектов договора подряда, можно заключить, что данная сфера гражданского оборота характеризуется сложным переплетением обязательственных и вещных правоотношений. Институты права удержания и виндикации служат важнейшими инструментами обеспечения баланса интересов сторон: они защищают имущественную сферу добросовестного участника договора от рисков неисполнения контрагентом своих обязанностей. Анализ судебной практики наглядно демонстрирует, что большинство споров возникает не из-за несовершенства закона как такового, а вследствие недостаточной детализации договорных условий самими сторонами или их недобросовестного поведения при исполнении обязательств. Особенности различных видов подряда – от бытового до государственного – требуют индивидуального подхода к регулированию вопросов собственности и владения результатом работ. Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно быть направлено на повышение правовой определенности для участников оборота через развитие стандартов договорной работы и разъяснение сложных вопросов высшими судебными инстанциями, что позволит минимизировать конфликтный потенциал и обеспечить стабильность гражданского оборота в сфере подрядных отношений.

Список литературы:

[1] Айтбаева Ж. С. Содержание и соотношение понятий вещного и обязательственного права / Ж. С. Айтбаева, С. Абдираим Кызы // Вестник Ошского государственного университета. 2021. Т. 1, № 3. С. 99.

[2] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ (ред. от 24.06.2025, с изм. от 16.12.2025) // Собрание законодательства РФ, 29.01.1996, № 5, ст. 410.

[3] Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о выполнении работ и оказании услуг» (книга 3). М.: Статут, 2002. С. 28.

[4] Сухова Г.И. О практике разрешения споров по договору строительного подряда // «Вестник ВАС РФ», № 6, 2000. URL: https://www.lawmix.ru/comm/6905 (дата обращения: 04.05.2026).

[5] Огнева Н.И., Огнев В.Н. Приобретение права собственности на вновь изготовленную или созданную вещь по договорам подряда и субподряда // Юридическая наука. 2017. №2. С. 68.

[6] Казаков П. И. Распределение рисков между сторонами договора строительного подряда //Вестник магистратуры. 2020. №. 2-5 (101). С. 55.

[7] Сушко С. И. Удержание как способ обеспечения исполнения обязательств / С. И. Сушко // Третьи цивилистические чтения памяти профессора М.Г. Прониной : Сборник материалов, Минск, 18 марта 2021 года / Под редакцией Н.Л. Бондаренко [и др.]. – Минск: Академия управления при Президенте Республики Беларусь, 2021. – С. 213.

[8] Каменева П. В., Дементьева И. В. О некоторых вещно-правовых способах защиты права собственности-виндикационный иск (часть 1) // Право и государство: теория и практика. 2021. №. 1 (193). С. 76.

[9] Егоров А.В. Недостатки в выполненных подрядчиком работах и способы защиты заказчика // Цивилистика, 2022, № 4. URL: https://privlaw-journal.com/nedostatki-v-vypolnennyx-podryadchikom-rabotax-i-sposoby-zashhity-zakazchika/ (дата обращения: 04.05.2026).

[10] Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 (ред. от 28.12.2025, с изм. от 17.02.2026) «О защите прав потребителей» (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.04.2026) // Российская газета. № 8, 16.01.1996

[11] Решение Белокалитвинского городского суда Ростовской области от 29.09.2020 по делу № 2-827/2020 // Судакт. URL: // sudact.ru/regular/doc/jNKhFhxqo0Hd/

(дата обращения: 04.05.2026).

[12] Решение Ленинского районного суда г.Тюмени (Тюменская область) от 29 октября 2025 г. по делу № 2-9628/2025. // Судакт. URL: //sudact.ru/regular/doc/7ggfgFakudJ8/ (дата обращения: 04.05.2026).

References:

[1] Aitbaeva Zh. S. Content and relationship of the concepts of property law and obligatory law / Zh. S. Aitbaeva, S. Abdiraim Kyzy // Bulletin of Osh State University. 2021. Vol. 1, No. 3. P. 99.

[2] Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on June 24, 2025, as amended on December 16, 2025) // Collected Legislation of the Russian Federation, January 29, 1996, No. 5, Art. 410.

[3] Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract Law. Agreements for the Performance of Work and the Provision of Services (Book 3). Moscow: Statut, 2002. P. 28.

[4] Sukhova G.I. On the Practice of Resolving Disputes Under a Construction Contract // Vestnik of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, No. 6, 2000. URL: https://www.lawmix.ru/comm/6905 (date of access: 04.05.2026).

[5] Ogneva N.I., Ognev V.N. Acquisition of Ownership of a Newly Manufactured or Created Thing under Contracts for Work and Subcontracts // Legal Science. 2017. No. 2. P. 68.

[6] Kazakov P.I. Distribution of Risks between the Parties to a Construction Contract // Vestnik of the Magistracy. 2020. No. 2-5 (101). P. 55.

[7] Sushko S. I. Retention as a Method of Ensuring the Fulfillment of Obligations / S. I. Sushko // Third Civilistic Readings in Memory of Professor M.G. Pronina: Collection of Materials, Minsk, March 18, 2021 / Edited by N.L. Bondarenko [et al.]. – Minsk: Academy of Public Administration under the President of the Republic of Belarus, 2021. – P. 213.

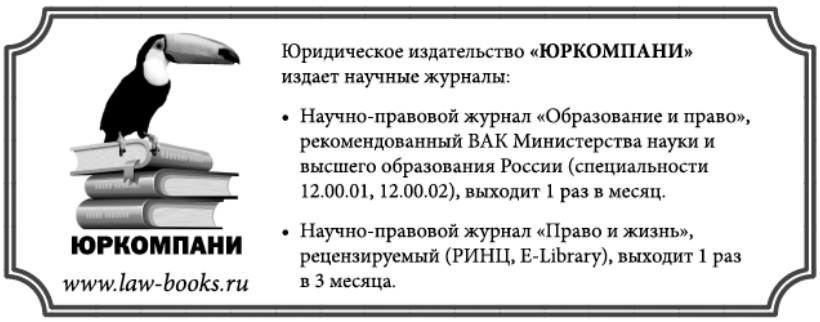
[8] Kameneva P. V., Dementyeva I. V. On Some Property-Law Methods of Protecting Ownership Rights - Vindication Claim (Part 1) // Law and State: Theory and Practice. 2021. No. 1 (193). P. 76.

[9] Egorov A.V. Defects in the work performed by the contractor and ways to protect the customer // Civilistics, 2022, No. 4. URL: https://privlaw-journal.com/nedostatki-v-vypolnennyx-podryadchikom-rabotax-i-sposoby-zashhity-zakazchika/ (accessed: 04.05.2026).

[10] Law of the Russian Federation of 07.02.1992 No. 2300-1 (as amended on 28.12.2025, as amended on 17.02.2026) «On the Protection of Consumer Rights» (as amended and supplemented, entered into force on 01.04.2026) // Rossiyskaya Gazeta. No. 8, 16.01.1996

[11] Decision of the Belokalitvinsky City Court of the Rostov Region dated 29.09.2020 in case No. 2-827/2020 // Sudact. URL: // sudact.ru/regular/doc/jNKhFhxqo0Hd/ (date of access: 04.05.2026).

[12] Decision of the Leninsky District Court of Tyumen (Tyumen Region) dated 29 October 2025 in case No. 2-9628/2025. // Sudact. URL: //sudact.ru/regular/doc/7ggfgFakudJ8/ (date of access: 04.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-74-78**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

ТОЛМАЗОВА Мария Романовна,
магистрант 2 курса,
юридический факультет им. М.М. Сперанского
ИПиНБ РАНХиГС,
Москва, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

ПЕРЕХОДНЫЙ ПЕРИОД КАК СПОСОБ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ И РАЗРЕШЕНИЯ КОЛЛИЗИЙ В ПУБЛИЧНОМ ПРАВЕ

Аннотация. *Данная статья посвящена исследованию переходного периода в контексте общественных отношений, возникающих при предотвращении и разрешении коллизий в публичном праве Российской Федерации. Также в статье анализируются переходные периоды, связанные с процессами принятия и образования новых субъектов Российской Федерации. Кроме того, в исследовании выдвигается гипотеза о том, что установление переходных периодов направлено как на устранение уже возникших вследствие изменения нормативно-правового регулирования коллизий, так и на предотвращение публично-правовых коллизий.*

Ключевые слова: *публичное право, коллизия, нормативные правовые акты, переходный период, новые субъекты Российской Федерации.*

TOLMAZOVA Mariya Romanovna,
2nd year Graduate Student,
faculty of Law named after M.M. Speransky,
Institute of Public Administration and National Security
of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration,
Moscow, Russia

TRANSITION PERIOD AS A WAY TO PREVENT AND RESOLVE CONFLICTS IN PUBLIC LAW

Annotation. *This article is devoted to the study of the transition period in the context of public relations arising from the prevention and resolution of conflicts in the public law of the Russian Federation. The article also analyzes the transition periods associated with the processes of adoption and formation of new constituent entities of the Russian Federation. In addition, the study hypothesizes that the establishment of transition periods is aimed both at eliminating conflicts that have already arisen due to changes in legal regulation and at preventing public law conflicts.*

Key words: *public law, conflict, regulatory legal acts, transitional period, new subjects of the Russian Federation.*

В научной литературе описано множество способов предотвращения и разрешения коллизий. Однако, такому правовому механизму, как переходный период уделяется слишком мало внимания. В условиях постоянной трансформации общественных отношений установление жестких ограничений приводит к неминуемому нарушению права. Переходный период, представляющий собой механизм, позволяющий плавно перейти от одного регулирования к другому, служит некой «подушкой безопасности», оберегающей субъектов общественных отношений от коллизий – столкновений норм права, компетенций, полномочий, взглядов…

В законодательстве Российской Федерации нет единого подхода к определению переходного периода, что обусловлено спецификой общественных отношений, для урегулирования которых устанавливается переходный период.

Так, например, Законом Российской Федерации от 3 июля 1992 г. № 3198-I были установлены переходный период по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации и переходный период для осуществления территориальной реабилитации репрессированных народов [1].

В течение переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации необходимо было подготовить и осуществить необходимые правовые и организационные мероприятия, направленные на разрешение спорных территориальных вопросов только путем согласования интересов сторон на основе действующего законодательства, разработать законодательные акты Российской Федерации о границах в Российской Федерации и о порядке решения вопросов, связанных с изменением государственно-территориального и административно-территориального деления Российской Федерации.

В течение переходного периода для осуществления территориальной реабилитации репрессированных народов территориальная реабилитация репрессированных народов осуществлялась на основании отдельных законодательных актов Верховного Совета Российской Федерации, принимаемых по отношению к каждому репрессированному народу, с соблюдением прав и интересов других народов, проживающих на соответствующих территориях, а также государственным комиссиям, образованным правительством Российской Федерации по реализации Закона РСФСР «О реабилитации репрессированных народов» было поручено организовать работу по согласованию территориальных интересов сторон, внести соответствующие предложения по территориальной реабилитации репрессированных народов [2].

Также можно выделить такие категории как «переходный период образования нового субъекта Российской Федерации» и «переходный период, связанный с принятием нового субъекта Российской Федерации».

Так, в соответствии с положениями статей 7 Федерального конституционного закона от 21 июля 2007 г. № 5-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа»[4], Федерального конституционного закона от 30 декабря 2006 г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа»[3], Федерального конституционного закона от 12 июля 2006 г. № 2-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа»[5] (далее вместе – Федеральные конституционные законы об образовании) в течение переходного периода образования нового субъекта Российской Федерации осуществлялось формирование органов государственной власти нового субъекта Российской Федерации, указанных в частях 1 статей 7 Федеральных конституционных законов об образовании, а также завершалось урегулирование иных вопросов, предусмотренных Федеральными конституционными законами об образовании и пунктом 2 статьи 12 Федерального конституционного закона «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» [6].

Согласно пункту 2 статьи 12 Федерального конституционного закона о порядке принятия и образования проект федерального конституционного закона об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта должен содержать, в том числе заключительные и переходные положения, устанавливающие сроки, в течение которых должны быть урегулированы вопросы формирования органов государственной власти нового субъекта Российской Федерации; внесения изменений и дополнений в федеральный закон о федеральном бюджете на текущий год, если образование в составе Российской Федерации нового субъекта предполагает перераспределение бюджетных средств текущего года, правопреемства нового субъекта Российской Федерации в отношении собственности заинтересованных субъектов Российской Федерации в отношениях с органами государственной власти Российской Федерации, другими субъектами Российской Федерации, иностранными государствами и международными организациями, функционирования территориальных органов федеральных органов исполнительной власти и федераль-

ных судов на территории нового субъекта Российской Федерации, функционирования государственных органов и организаций заинтересованных субъектов Российской Федерации на территории нового субъекта Российской Федерации, действия законов и иных нормативных правовых актов заинтересованных субъектов Российской Федерации на территории нового субъекта Российской Федерации.

В соответствии с положениями Федеральных конституционных законов, регулирующих процессы принятия в Российскую Федерацию Республики Крым, Донецкой и Луганской Народных Республик, Запорожской и Херсонской областей (далее вместе – Федеральные конституционные законы о принятии), под переходным периодом понимается период, в течение которого урегулируются вопросы интеграции нового субъекта Российской Федерации в экономическую, финансовую, кредитную и правовую системы Российской Федерации, в систему органов государственной власти Российской Федерации[7-11].

Положения, касающиеся формирования системы публичной власти в присоединенных субъектах Российской Федерации, особенностей осуществления правосудия в переходный период, функционирования государственных и местных организаций на территории принятого субъекта регулируются Федеральными конституционными законами о принятии.

Вместе с тем особенности реализации переходных периодов, связанных с принятием нового субъекта Российской Федерации, могут также устанавливаться отдельными федеральными законами, и подзаконными нормативными правовыми актами.

Так, например, до 1 января 2028 года особенности правового регулирования отношений в сферах образования и науки на территории Донецкой Народной Республики устанавливаются федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации (часть 15.2 статьи 31 Федерального конституционного закона о принятии ДНР).

Кроме того, необходимо отметить, что для предотвращения и разрешения коллизий Федеральными конституционными законами о принятии, не только устанавливаются новые механизмы, но и временно ограничивается действие различных нормативных правовых актов.

Согласно части 4 статьи 18 Федерального конституционного закона о принятии ДНР до 31 декабря 2024 года включительно на территории Донецкой Народной Республики не применялось законодательство Российской Федерации об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств [8].

Федеральным конституционным законом о принятии Республики Крым действие законодательства Российской Федерации о налогах и сборах на территориях Республики Крым и города федерального значения Севастополя было ограничено до 1 января 2015 года [7].

С учетом изложенного, переходные периоды, устанавливаемые законодательством Российской Федерации, позволяют плавно перейти от одного регулирования общественных отношений к другому и предотвратить коллизии, которые могли бы возникнуть в случае отсутствия переходных положений. Установление переходных периодов направлено и на устранение уже возникших вследствие изменения нормативно-правового регулирования коллизий. Необходимо отметить, что в эпоху постоянных трансформаций различных сфер жизни переходный период является одним из эффективных способов разрешения и предотвращения коллизий в публичном праве.

Список литературы:

[1] Закон Российской Федерации от 3 июля 1992 г. № 3198-I «Об установлении переходного периода по государственно-территориальному разграничению в Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_776/ (дата обращения: 01.05.2026).

[2] Закон РСФСР от 26 апреля 1991 г. № 1107-I «О реабилитации репрессированных народов» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7348/ (дата обращения: 01.05.2026).

[3] Федеральный конституционный закон от 30 декабря 2006г. № 6-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа» (далее – Федеральный конституту-

ционный закон № 6-ФКЗ) // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64877/ (дата обращения: 01.05.2026).

[4] Федеральный конституционный закон от 21 июля 2007 г. № 5-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69933/ (дата обращения: 01.05.2026).

[5] Федеральный конституционный закон от 12 июля 2006 г. № 2-ФКЗ «Об образовании в составе Российской Федерации нового субъекта Российской Федерации в результате объединения Камчатской области и Корякского автономного округа» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61449/ (дата обращения: 01.05.2026).

[6] Федеральный конституционный закон от 17 декабря 2001 г. № 6-ФКЗ «О порядке принятия в Российскую Федерацию и образования в ее составе нового субъекта Российской Федерации» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34452/ (дата обращения: 01.05.2026).

[7] Федеральный конституционный закон от 21 марта 2014 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Республики Крым и образовании в составе Российской Федерации новых субъектов – Республики Крым и города федерального значения Севастополя» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (дата обращения: 01.05.2026).

[8] Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 5-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Донецкой Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Донецкой Народной Республики» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/ (дата обращения: 01.05.2026).

[9] Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 6-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Луганской Народной Республики и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Луганской Народной Республики» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428184/ (дата обращения: 01.05.2026).

[10] Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 7-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Запорожской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Запорожской области» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428185/ (дата обращения: 01.05.2026).

[11] Федеральный конституционный закон от 4 октября 2022 г. № 8-ФКЗ «О принятии в Российскую Федерацию Херсонской области и образовании в составе Российской Федерации нового субъекта – Херсонской области» // СПС КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428186/ (дата обращения: 01.05.2026).

References:

[1] Law of the Russian Federation of July 3, 1992 No. 3198-I «On the Establishment of a Transitional Period for State-Territorial Delimitation in the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_776/ (date of access: 01.05.2026).

[2] Law of the RSFSR of April 26, 1991 No. 1107-I «On the Rehabilitation of Repressed Peoples» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_7348/ (date of access: 01.05.2026).

[3] Federal Constitutional Law of December 30, 2006. No. 6-FKZ «On the Formation of a New Subject of the Russian Federation within the Russian Federation as a Result of the Merger of the Irkutsk Region and the Ust-Orda Buryat Autonomous Okrug» (hereinafter referred to as Federal Constitutional Law No. 6-FKZ) // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_64877/ (date of access: 01.05.2026).

[4] Federal Constitutional Law of July 21, 2007 No. 5-FKZ «On the Formation of a New Subject of the Russian Federation within the Russian Federation as a Result of the Merger of the Chita Region and the Agin-Buryat Autonomous Okrug» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_69933/ (date of access:

01.05.2026).

[5] Federal Constitutional Act of July 12, 2006, No. 2-FKZ, «On the Formation of a New Subject of the Russian Federation as a Result of the Merger of Kamchatka Oblast and the Koryak Autonomous Okrug» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_61449/ (accessed on May 1, 2026).

[6] Federal Constitutional Act of December 17, 2001, No. 6-FKZ, «On the Procedure for the Admission to the Russian Federation and the Formation of a New Subject of the Russian Federation» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34452/ (accessed on May 1, 2026).

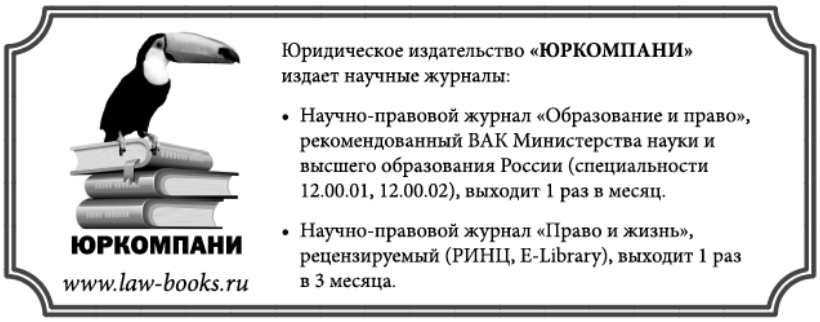
[7] Federal Constitutional Law of March 21, 2014 No. 6-FKZ «On the Admission of the Republic of Crimea to the Russian Federation and the Formation of New Subjects within the Russian Federation - the Republic of Crimea and the Federal City of Sevastopol» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_160618/ (accessed: 01.05.2026).

[8] Federal Constitutional Law of October 4, 2022 No. 5-FKZ «On the Admission of the Donetsk People's Republic to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Donetsk People's Republic» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428188/ (accessed: 01.05.2026).

[9] Federal Constitutional Law of October 4, 2022 No. 6-FKZ «On the Admission of the Luhansk People's Republic to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Luhansk People's Republic» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428184/ (accessed: 01.05.2026).

[10] Federal Constitutional Law of October 4, 2022 No. 7-FKZ «On the Admission of the Zaporizhzhia Oblast to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation - the Zaporizhzhia Oblast» // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428185/ (accessed: 01.05.2026).

[11] Federal Constitutional Law of October 4, 2022 No. 8-FKZ "On the Admission of the Kherson Oblast to the Russian Federation and the Formation of a New Subject within the Russian Federation – the Kherson Oblast" // SPS ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_428186/ (date accessed: 01.05.2026).

ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ЗАРУБЕЖНЫХ СТРАН

Дата поступления рукописи в редакцию: 26.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-79-87**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

АЛЁХИЧЕВА Алёна Алексеевна,
аспирант Санкт-Петербургского университета технологий управления и экономики,
Санкт-Петербург, Россия,
e-mail: mail@law-books.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ КАЧЕСТВА МЕДИЦИНСКОЙ ПОМОЩИ

Аннотация. *Статья описывает опыт ведущих стран мира по проведению оценки качества медицинской помощи. Рассматриваются методики проведения данной оценки в странах с децентрализованной и централизованной моделью управления здравоохранением. Также внимание уделяется и использованию результатов оценки. Приводятся рекомендации Всемирной организации здравоохранения, которые должны способствовать повышению данного качества.*

Ключевые слова: *качество, медицинская помощь, системы оценки.*

ALEKHICHEVA Alena Alekseevna,
Postgraduate Student, St. Petersburg University of Management Technologies and Economics,
St. Petersburg, Russia

INTERNATIONAL EXPERIENCE IN ASSESSING THE QUALITY OF MEDICAL CARE

Annotation. *This article describes the experience of leading countries in assessing the quality of medical care. It examines assessment methods in countries with decentralized and centralized healthcare governance models. Attention is also paid to the use of assessment results. World Health Organization recommendations are provided to help improve this quality.*

Key words: *quality, medical care, assessment systems.*

В настоящее время отечественное здравоохранение сталкивается с рядом серьезных вызовов, многие из которых носят глобальный характер, то есть с ним в той или иной степени сталкивается большое количество стран. Например, факт старения населения, который приводит к необходимости использования более сложных, порой инновационных медицинских процедур. Вместе с этим растет уровень ожиданий пациентов. Закономерным следствием такого положения является не только совершенствование, но удорожание медицинских технологий, а впоследствии и стоимости медицинских услуг.

При этом появление новых технологий, лекарств и изделий с новыми, еще хорошо не изученными свойствами, осложняет не только обоснованный выбор методов лечения, но и выбор методов распределения ресурсов.

Кроме того, по новым технологиям, методам и лекарствам зачастую отсутствует единое мнение врачебного сообщества, в частности по вопросам эффективности и обоснованности их применения.

Не следует упускать из виду и существующее иногда стремление врачей использовать «избыточные» процедуры, руководствуясь коммерческими соображениями.

Данные обстоятельства заставляют обратить внимание на качество. Качество – наиболее общий и многозначный критерий для оценки всего того, что окружает человека. В

том числе и медицинской помощи, повышение качества которой должно стать приоритетной целью развития. Всемирная организация здравоохранения подчеркивает, что все улучшения в области здравоохранения будут безуспешными, если не будет обеспечено повышения качества [1].

Однако улучшение качества невозможно без объективной и всесторонней его оценки, то есть без разработки критериев – учитывая процессы цифровизации – в компьютеризированном виде. В таком случае появляется возможность как объективной оценки существующего состояния, так и для разработки программ развития (установления целевых показателей).

С этой точки зрения представляется целесообразным рассмотреть международный опыт в этой сфере. Разумеется, каждая страна имеет свою специфику, но, на наш взгляд, наиболее общим признаком, по которому можно разделить все существующие системы здравоохранения, является участие в исследуемых процессах государства. По этому критерию системы здравоохранения можно разделить на две модели: первая – централизованная – носит условное наименование «европейская», вторая – децентрализованная – носит условное наименование «американская».

Начнем рассмотрение моделей с «американской», то есть децентрализованной. Главной ее особенностью является разделение полномочий между федеральным и региональным (на уровне штатов) уровнем управления. Федеральным органом управления является Департамент здравоохранения и социальных служб (Department of Health and Human Services — HHS) [2]. В его ведении находятся социальные и здравоохранительные программы, например, Medicare (страхование здоровья пожилых людей и инвалидов) и Medicaid (страхование здоровья людей с низкими доходами) [3]; финансовая помощь и услуги для малообеспеченных семей; обеспечение безопасности продуктов питания и медикаментов; предотвращение заболеваний, включая службы иммунизации; исследования в области здравоохранения и социальных науки другие. А практическими решениями проблем медицинской помощи для малоимущих занимаются власти штатов, где действуют собственные департаменты здравоохранения [4]. При этом в США законы не гарантируют всеобщего доступа населения к услугам здравоохранения. Эта задачу выполняет система медицинского страхования - как государственная, так и частная. Наличие страховки означает, что лицо, независимо от расы, цвета кожи, национального происхождения, пола, возраста, инвалидности и религиозных воззрений, имеет свободный доступ к базовому набору необходимых медицинских услуг, например, амбулаторное обслуживание, экстренную помощь, госпитализацию, охрану материнства и новорождённых, услуги в области психического здоровья и лечения зависимостей и др.

Иными словами, мы видим, что в «американской» модели государство и частный бизнес имеют одинаковый «вес». Соответственно этому и строится система оценки качества медицинской помощи, которую проводят как государственные, так и частные организации. Например, со стороны государства это может быть Служба общественного здравоохранения (USPHS) [5] и Управление финансирования медицинской помощи в составе Министерства здравоохранения и социальных служб, Центры по контролю и профилактике заболеваний (CDC) [6], Центры по Medicare и Medicaid Services (CMS), а со стороны частного сектора - Национальный комитет по обеспечению качества (NCQA) [7], система опроса и публичной отчетности Hospital Consumer Assessment of Health Care Providers and Systems (HCAHPS) [8], Комиссия по аккредитации госпитальных учреждений [9].

Представляют интерес показатели, по которым оценивается качество медицинской помощи. В качестве таковых можно назвать летальность (показывает количество смертей в течение 30 дней после поступления больного в стационар), частота повторных госпитализаций, эффективность использования диагностического оборудования, безопасность (характеризует внутрибольничные инфекции), удовлетворенность пациентов, профилактическая направленность медицинской помощи, а также своевременность ее оказания, понимаемое как среднее время ожидания пациента в приемном отделении от момента поступления до направления в соответствующее отделение [10].

Данные, полученные в ходе оценки качества медицинских услуг, в основном являются основой для составления различ-

ных рейтингов. Среди них можно назвать рейтинги, составляемые такими авторитетными изданиями, как U.S. News&World Report, журнал Newsweek [11]. Результаты этих рейтингов используются, в частности, при финансировании медицинских учреждений. Для частных врачей и объединенных частных практик существует мотивационная система The Merit-based Incentive Payment System (MIPS) [12], для стационаров - The Hospital Value-Based Purchasing (VBP) Program [13], связывающая размер оплаты с показателями качества медицинской помощи. Достижения необходимых баллов отмечается материальными стимулами, в том числе дополнительными финансированием.

Таким образом, мы видим, что в США результаты оценки качества медицинской помощи самым тесным образом связаны с финансовым положением медицинского учреждения. Плата за качество в виде дополнительных выплат мотивирует медицинские организации постоянно улучшать его.

Кроме того, результаты публичных рейтингов, учитываются, как правило, пациентами при выборе соответствующего медицинского учреждения, что также влияет на финансирование через реализацию механизма страховых выплат. В сложившихся правовых и организационных условиях медицинской помощи в США пациент рассматривается в качестве равноправного партнера – то есть субъекта, обладающего правом на получение полной и достоверной информации о предлагаемых услугах, а также на участие в принятии решений, затрагивающих его состояние здоровья.

«Европейскую» модель медицинской помощи рассмотрим на примере Великобритании. Здесь всем легальным налогоплательщикам гарантируется бесплатная медицинская помощь, оказываемая Национальной службой здравоохранения [14], которая финансируется главным образом, государством. По данным официальной статистики в 2025 году государственное финансирование составляло 81%, оставшуюся часть составляли поступления от фондов добровольного медицинского страхования, платные услуги и поступления от благотворительных организаций [15].

Таким образом, можно уверенно говорить, что медицинская помощь в Великобритании является государственным институтом. Разумеется, в этой стране есть и частная медицина, однако ее значение не столь велико как в США.

Централизованная модель управления медицинской помощью в Великобритании оказывает свое влияние и на оценку ее качества. В числе наиболее авторитетных организаций в этой сфере стоит назвать Национальный институт клинического мастерства (NICE), основная задача которого состоит в выработке рекомендаций по таким аспектам как лечение отдельных заболеваний, лекарства, медицинское оборудование, технологии [16]. Рекомендации NICE служат основой для принятия решений в медицинской сфере.

Результаты деятельности NICE учитываются при финансировании медицинских учреждений, а также влияют при выработке приоритетов развития общественного здравоохранения [17].

Более известна деятельность Комиссии по качеству медицинской помощи (Care Quality Commission, CQC), основная задача которой заключается в обеспечении соблюдения установленных требований к безопасности, эффективности, гуманности и качеству медицинской помощи, а также в стимулировании ее постоянного улучшения [18].

Для этого CQC проводит сбор и анализ информации, получаемой из многих источников – опросы пациентов, анализ реакций на жалобы, фиксация фактов нарушений, анализ устранения недостатков, выявленных ранее. Уполномоченные сотрудники Комиссии регулярно посещают медицинские учреждения, где проводят соответствующие проверки. Результатом процесса становится оценка конкретной медицинской услуге, которая предусматривает четыре градации – «отлично», «хорошо», «требует улучшения» и «неудовлетворительно» [19].

Интересно, что законодательство предоставляет CQC довольно широкие контрольно-надзорные полномочия. При выявлении несоответствия Комиссия вправе применять меры по защите пациентов и стимулированию улучшений, включая выдачу предписаний, установление условий, приостановление либо аннулирование регистрации, обращение в суд и наложение штрафов.

Отчеты о своей деятельности Комиссия публикует на своем официальном сайте и в журнале NHS Choices. Суть отчета показать

достижения организаций в ключевых областях - безопасность, эффективность, забота, оперативность и лидерство.

Подобные рейтинги, несомненно, помогают пациентам сделать осознанный выбор медицинского учреждения.

Таким образом, мы видим, что оценка качества медицинской помощи в Великобритании влияет на целый комплекс вопросов. Ее результаты не только используются при принятии решения о финансировании медицинских учреждений, они также определяют направления работы по повышению качества медицинского обслуживания за счет постоянных улучшений.

Стоит отметить и такой факт. В связи с массовой цифровизацией здравоохранения в Великобритании появилась возможность создания больших баз данных, содержащих истории болезней, клиническую и иную значимую информацию. Эти данные позволяют оценивать эффективность применяемых медицинских технологий, в том числе с юридических и экономических позиций.

Модификацию «европейской» модели представляет собой сфера здравоохранения Германии. Она также основана на централизованном управлении и ведущей роли государства, однако в отличие от Великобритании финансирование медицины происходит не за счет государственного бюджета, а за счет средств государственных и частных страховых фондов (так называемых касс больничного страхования (Krankenkasse) [20]. Они, как правило, оплачивают посещение врачей и госпитализацию, а также частично или полностью компенсируют расходы на лекарства. Все официально работающие граждане обязаны иметь медицинскую страховку, то есть вносить взнос. В государственных фондах его размер составляет определенный процент от зарплаты, в частных - он рассчитывается на основе так называемых страховых рисков, то есть индивидуально [21]. Иными словами, финансирование организовано по принципу: «все платят за всех», то есть платят все граждане и все имеют равный доступ к медицинским услугам, поскольку взносы не накапливаются на индивидуальных счетах, а поступают в «общий котел». Стоит отметить, что государственную систему страхования выбирают до 90% жителей Германии.

Такое положение дел находит свое отражение в системе управления здравоохранением Германии. Существует федеральное министерство здравоохранения, соответствующие органы управления в федеральных землях, управление на местном (муниципальном) уровне. Однако высшим регулирующим органом является Объединенный федеральный комитет (Gemeinsamer Bundesausschuss, GBA), чьей задачей как раз и является определение перечня медицинских услуг, которые будут покрываться обязательным страхованием, а также определение тарифов на оплату лечения [22].

Эта специфика отражается и на оценке качества медицинской помощи, которая в Германии представляет сложный комплексный процесс, неотъемлемыми частями которого являются контроль качества медицинской помощи и стимулирующие меры. Например, с 2004 года больничные кассы оплачивают минимальные объемы услуг только при условии обеспечения надлежащего качества в предыдущем году. Это стало возможным, поскольку с 2000 года все больницы Германии обязаны иметь внутренние программы управления качеством, а контракты с больничными кассами должны предусматривать гарантию определенного уровня качества медицинской помощи.

Стоит отметить, что в Социальном кодексе Германии изложены основные требования к качеству оказания медицинской помощи. Чтобы получить право на возмещение затрат, больницы должны соблюдать эти требования при осуществлении своей деятельности [22].

Большое значение в этом процессе имеет статистика, которую ведут медицинские учреждения для передачи сведений, в частности, в Федеральное агентство контроля качества (BQS). Кроме того, клиники ежегодно публикуют статистические сведения в области лечения сложных заболеваний, количество выздоровлений и осложнений. Кроме того, статические сведения собирают Медицинская служба центральной ассоциации фондов медицинского страхования (MDS) и Медицинская служба больничного страхования (MDK). Кроме анализа сведений, предоставляемых клиниками, организации анализируют и другие данные. Например, результаты социологических опросов населения.

Данные сведения позволяют пациентам осуществлять информированный выбор. Они являются основой для формирования

целей развития здравоохранения. В частности, Институт качества и эффективности здравоохранения ((IQWiG) применяет их для анализа практик лечения пациентов с различными нозологиями с целью поиска наиболее целесообразных подходов к лечению [23].

Особенностью медицинской помощи в Германии является и то, что пациентам предоставляются большие возможности для защиты своих прав. По закону врач или клиника обязаны предоставить ему письменное разъяснение, в котором описывается характер лечения, степень необходимости и срочности, шансы на успех, возможные осложнения и последствия. Также пациент имеет право обратиться в общество по защите прав потребителей или к специальному уполномоченному больничной кассы. Также пациент имеет право обратиться в земельную врачебную палату, при которых действуют комиссии по врачебным ошибкам, объединяющие экспертов. Цель работы комиссии – установить виновен врач или нет.

Повышению качества медицинской помощи в Германии способствует и система аккредитации, сертификации и лицензирования медицинских учреждений, а также обязательное страхование профессиональной ответственности врачей. А также так называемая оценка медицинских технологий (HTA — Health Technology Assessment), которая позволяет определить наиболее полезные и эффективные (в том числе и с экономической точки зрения) технологии [24].

Примером централизованной модели управления медицинской помощи является и Япония. Согласно Конституции страны, гарантируется минимальный уровень здравоохранения и социальной защиты, что легло в основу универсальной системы медицинского страхования, обеспечивающей доступность и финансовую защиту для всех граждан [25]. Для выполнения этого принципа все граждане обязаны иметь медицинскую страховку либо от работодателя, либо от местных органов власти. И хотя квалифицированная медицинская помощь в Японии почти (кроме инфекционных клиник и лепрозориев) частная и довольно дорогостоящая, государство субсидирует 70% потраченных средств, а на долю пациента остаётся лишь 30% от суммы расходов. В особых случаях размер льготных скидок может достигать 90% или даже 100% [26]. Пациенты свободны в своем выборе лечебных учреждений, при этом государство устанавливает для лечебных учреждений единообразные схемы выплат, что приводит к отсутствию конкуренции по ценам.

В этих условиях приоритетной целью для здравоохранения Японии является развитие профилактической работы, как способа существенно сократить расходы на лечение и повысить его качество. В частности, здесь практикуются обязательные ежегодные медицинские осмотры для работающих граждан, школьников и студентов. Оценку же работы стационарных учреждений проводят на основе статистических данных, которые, в частности, показывают своевременность и продолжительность госпитализации, их причины, возрастно-половой состав пациентов, характер и объем медицинской помощи [27]. Кроме того, используются и опросы пациентов.

Результаты же оценки качества медицинской помощи главным образом используются при стратегическом планировании развития здравоохранения, в том числе и при распределении ресурсов [28]. Главную роль в этом вопросе играет Министерство здравоохранения, труда и народного благосостояния. Также определенную ответственность за контроль за качеством медицинской помощи возложена на местные органы власти – префектуры.

В 2015 г. были внесены изменения в нормативные акты, согласно которым больницы в случае неожиданных смертей пациентов обязаны проводить проверки качества обслуживания и предоставлять отчеты ближайшим родственникам и заинтересованным организациям (в случае запроса с их стороны) [29].

Что же касается организаций, проводящих оценку качества, то наиболее известной из них является Японский совет по оценке качества медицинской помощи (Japan Council for Quality Health Care, JCQHC) — нейтральная и независимая организация, созданная в 1995 году. Основой целью Совета является повышение качества медицинских учреждений и обеспечение надёжной медицинской помощи [29]. Например, для этой цели Совет уполномочен проводить соответствующие аккредитации больниц. В числе направлений работы Совета также можно назвать разработку методов измерения качества медицинских услуг, разработ-

ку методических материалов для разработки клинических практических руководств (CPG). Немаловажной частью деятельности Совета является обучение экспертов по качеству и создание руководств по действиям в случае неблагоприятных событий и инцидентов. Кроме того, особое внимание уделяется вопросам компенсации пострадавшим семьям в случае медицинских инцидентов, в том числе повреждений мозга у новорождённых; при этом процедуры и объёмы компенсаций определяются в рамках судебной практики и страхового законодательства.

Подводя итоги рассмотрения, можно сказать, что и децентрализованная, и централизованная модели обладают определенными достоинствами и недостатками. К примеру, централизованная модель обладает меньшей оперативностью, хуже учитывает местную специфику, что неблагоприятным образом может сказаться на качестве медицинской помощи. Однако централизованная модель исключает возможность дублирования, повышает эффективность использования ресурсов и способствует установлению единых подходов к оценке качества, что, несомненно, содействует и обеспечению единого уровня качества. Поскольку страны Европы, где она в основном применяется, обладают небольшими размерами, а различия между регионами не столь существенны, то вполне объяснимо, что централизованная модель здесь применяется вполне успешно.

Децентрализованная модель несет в себе риски дублирования, а также возможность того, что местные нововведения, способные повысить качество медицинской помощи по всей страны, окажутся незамеченными. Кроме того, она предусматривает опору на сугубо местные ресурсы, для преодоления чего нужны развитие «горизонтальные» связи между регионами. С другой стороны, децентрализованная модель обладает большей оперативностью, поскольку она более учитывает местную специфику, то есть медицинская помощь в данном конкретном регионе будет более соответствовать местным требованиям. Это делает децентрализованную модель более пригодной для Соединенных Штатов с их большой территорией и существенными отличиями между регионами.

Обращает на себя внимание, что в как централизованной, так и в децентрализованной моделях используются схожие показатели для характеристики и к оценке качества медицинской помощи. Это свидетельствует о схожести подходов к трактовке самого понятия «качество медицинской помощи» и дает основу для проведения сравнительного анализа. Однако, как видно, результаты оценки качества используются по-разному, то есть на их основе в разных странах принимаются разные управленческие решения, что приводит к выбору различных направлений развития здравоохранения.

Справедливости ради следует отметить, что в мире, пожалуй, нет ни одного Правительства, которого бы полностью удовлетворяло состояние национальной системы здравоохранения. Иными словами, необходимость постоянных улучшений признается всеми.

С этой точки зрения интересен доклад Всемирной организации здравоохранения, представленный в декабре 2024 года, в котором дана оценка качества медицинской помощи и уровня безопасности пациентов в каждом из 53 государств-членов ВОЗ в Европейском регионе. В докладе констатируется, что лишь в трети исследованных стран приняты национальные планы действий для повышения качества медицинской помощи и/или безопасности пациентов. Между тем каждый новый национальный план действий или стратегия обеспечивают увеличение ожидаемой продолжительности здоровой жизни при рождении на 0,57 года и снижение вероятности смерти от определенных неинфекционных заболеваний на 1,34% [30].

Предстоит еще многое сделать для реализации права людей на получение безопасной, эффективной и ориентированной на их потребности медицинской помощи. Например, они предлагают инвестировать средства в разработку соответствующих национальных планов действий и политики в области качества медицинской помощи, обеспечить надлежащее представительство пациентов и общественных организаций в национальных органах управления здравоохранением, учитывать в новых и существующих моделях оказания медицинской помощи потребности и предпочтения пациентов.

На эти рекомендации, несомненно, сто-

ит обратить внимание и учитывать их и в нашей стране при разработке планов и программ развития здравоохранения.

Список литературы:

[1] Delivering quality health services: a global imperative for universal health coverage // WHO. URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789241513906 (дата обращения: 06.05.2026).

[2] About HHS // HHS.gov. URL: https://www.hhs.gov/about/organization/index.html (дата обращения: 06.05.2026).

[3] FAQs Category: Medicare and Medicaid // HHS.gov. URL: https://www.hhs.gov/answers/medicare-and-medicaid/index.html (дата обращения: 06.05.2026).

[4] Хальфин Р.А., Таджиев И.Я. «Организация здравоохранения в США» // «Менеджмент здравоохранения». 2012, № 9. С. 35-47.

[5] Home // Commissioned Corps of the U.S. Public Health Service. URL: https://www.usphs.gov/ (дата обращения: 06.05.2026).

[6] Centers for Disease Control and Prevention // CDC. https://www.cdc.gov/index.html (дата обращения: 06.05.2026).

[7] Health Care Accreditation, HEDIS® Measures… // NCQA. URL: https://www.ncqa.org/ (дата обращения: 06.05.2026).

[8] Home // HCAHPS. URL: https://hcahpsonline.org/ (дата обращения: 06.05.2026).

[9]Home//JointCommissionInternational. URL: https://www.jointcommission.org/ (дата обращения: 06.05.2026).

[10] Улумбекова Г.Э., Мокляченко А.В. Показатели для оценки деятельности медицинских организаций: Международный опыт // ОРГЗДРАВ: Новости. Мнения. Обучение. Вестник ВШОУЗ. 2017. №3 (9). С. 23-34.

[11] World's Best Hospitals 2026 by Alexis Kayser. // Newsweek. URL: https://rankings.newsweek.com/worlds-best-hospitals-2026 (дата обращения: 06.05.2026).

[12] Medicare Basics series: Merit-based Incentive Payment System (MIPS) // AMA's Medicare Basics series. URL: http://ama-assn.org/practice-management/medicare-medicaid/medicare-basics-series-merit-based-incentive-payment-system (дата обращения: 06.05.2026).

[13] Hospital Value-Based Purchasing Program // CMS. URL: http://cms.gov/medicare/quality/initiatives/hospital-quality-initiative/hospital-value-based-purchasing (дата обращения: 06.05.2026).

[14] Национальная система здравоохранения Великобритании // Медицинские новости. 2011. №7. С. 73-76.

[15] Healthcare expenditure, UK Health Accounts // Office for National Statistics. URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/healthandsocialcare/healthcaresystem/bulletins/ukhealthaccounts/2024and2025 (дата обращения: 06.05.2026).

[16] NICE guidance // NICE. URL: https://www.nice.org.uk/guidance (дата обращения: 06.05.2026).

[17] Мухортова П.А., Горкавенко Ф.В., Струнина Ю.В., Омельяновский В.В., Калиниченко В.В. Использование данных реальной клинической практики при принятии решений в Канаде и Великобритании. Реальная клиническая практика: данные и доказательства. 2022; 3(2). С. 7 - 19.

[18] Our purpose and role // Care Quality Commission. URL: https://www.cqc.org.uk/about-us/our-purpose-role/who-we-are (дата обращения: 06.05.2026).

[19] Our ratings and scores // Care Quality Commission. URL: https://www.cqc.org.uk/about-us/how-we-do-our-job/our-ratings-scores (дата обращения: 06.05.2026).

[20] Statutory health insurance (SHI) // Federal Ministry of Health. URL: https://www.bundesgesundheitsministerium.de/en/themen/krankenversicherung/online-ratgeber-krankenversicherung/krankenversicherung/statutory-health-insurance-shi (дата обращения: 06.05.2026).

[21] Beitrdge // Federal Ministry of Health. URL: https://www.bundesgesundheitsministerium.de/beitraege (дата обращения: 06.05.2026).

[22] Лошаков Л.А., Хохлов А.Л., Мирошников А.Е., Кайгородова Т.В. Оценка медицинских технологий как прогрессивный элемент реформирования здравоохранения в Германии // Здравоохранение РФ. 2012. №5. С. 42-45.

[23] Fricke F. U., & Dauben H. P. (2009). Health technology assessment: A perspective from Germany. Value in Health, 12 (SUPPL. 2).

[24] Лучшие мировые практики оценки технологий здравоохранения: экспертный обзор [Электронный ресурс] / Е. И. Аксено-

ва, А. А. Николаев. – Электрон. текстовые дан. – М.: ГБУ «НИИОЗММ ДЗМ», 2025. – 56 с.

[25] The Constitution of Japan - English // Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/174/en (дата обращения: 06.05.2026).

[26] Карпов Д.М. Современные системы пенсионного и медицинского страхования в Японии. Международная экономика. 2020; 12. // Издательский дом Панорама. URL: https://panor.ru/articles/sovremennye-sistemy-pensionnogo-i-meditsinskogo-strakhovaniya-v-yaponii/53673.html# (дата обращения: 06.05.2026).

[27] Кирик Ю.В. Региональная система медицинского обслуживания и структура медицинского плана в Японии // Вестник общественного здоровья и здравоохранения Дальнего Востока России. - 2019. - № 3. 2 с.

[28] Соколова Л.М. Реформирование системы здравоохранения в Японии во второй половине XX – начале XXI в. // Вестник новых медицинских технологий. - 2008 – Т XV - № 4. 156 с.

[29] Григорьева Н. С. Организация и управление системой здравоох ранения в Японии // Вестник Московского университета. Серия 21. Управление (государство и общество). 2006. №3. С. 1-15.

[30] В новом докладе ВОЗ рассказывается о связи между качеством медицинской помощи и продолжительностью жизни, вероятностью смерти от НИЗ и предотвратимым вредом для пациентов // ВОЗ. URL: https://www.who.int/europe/ru/news/item/12-12-2024-only-1-in-3-countries-in-the-who-european-region-have-an-action-plan-on-patient-safety-and-or-quality-of-care (дата обращения: 06.05.2026).

References:

[1] Delivering quality health services: a global imperative for universal health coverage // WHO. URL: https://www.who.int/publications/i/item/9789241513906 (accessed: 06.05.2026).

[2] About HHS // HHS.gov. URL: https://www.hhs.gov/about/organization/index.html (accessed: 06.05.2026).

[3] FAQs Category: Medicare and Medicaid // HHS.gov. URL: https://www.hhs.gov/answers/medicare-and-medicaid/index.html (accessed: 06.05.2026).

[4] Khalfin R.A., Tadzhiev I.Y. «Healthcare Organization in the USA» // «Healthcare Management». 2012, No. 9, pp. 35-47.

[5] Home // Commissioned Corps of the U.S. Public Health Service. URL: https://www.usphs.gov/ (accessed: 06.05.2026).

[6] Centers for Disease Control and Prevention // CDC. https://www.cdc.gov/index.html (accessed: 06.05.2026).

[7] Health Care Accreditation, HEDIS® Measures… // NCQA. URL: https://www.ncqa.org/ (accessed: 06.05.2026).

[8] Home // HCAHPS. URL: https://hcahpsonline.org/ (accessed: 06.05.2026).

[9]Home//JointCommissionInternational. URL: https://www.jointcommission.org/ (date accessed: 06.05.2026).

[10] Ulumbekova G.E., Moklyachenko A.V. Indicators for assessing the performance of medical organizations: International experience // ORGZDRAV: News. Opinions. Training. Bulletin of the Higher School of Healthcare Institutions. 2017. No. 3 (9). P. 23-34.

[11] World's Best Hospitals 2026 by Alexis Kayser // Newsweek. URL: https://rankings.newsweek.com/worlds-best-hospitals-2026 (date accessed: 06.05.2026).

[12] Medicare Basics series: Merit-based Incentive Payment System (MIPS) // AMA's Medicare Basics series. URL: http://ama-assn.org/practice-management/medicare-medicaid/medicare-basics-series-merit-based-incentive-payment-system (accessed: 06.05.2026).

[13] Hospital Value-Based Purchasing Program // CMS. URL: http://cms.gov/medicare/quality/initiatives/hospital-quality-initiative/hospital-value-based-purchasing (accessed: 06.05.2026).

[14] National Health System of the UK // Medical News. 2011. No. 7. pp. 73-76.

[15] Healthcare expenditure, UK Health Accounts // Office for National Statistics. URL: https://www.ons.gov.uk/peoplepopulationandcommunity/healthandsocialcare/healthcaresystem/bulletins/ukhealthaccounts/2024and2025 (accessed: 06.05.2026).

[16] NICE guidance // NICE. URL: https://www.nice.org.uk/guidance (accessed: 06.05.2026).

[17] Mukhortova P.A., Gorkavenko F.V., Strunina Yu.V., Omelyanovsky V.V., Kalinichenko V.V. Using real-world clinical

practice data in decision-making in Canada and the UK. Real-World Clinical Practice: Data and Evidence. 2022; 3(2). pp. 7-19.

[18] Our purpose and role // Care Quality Commission. URL: https://www.cqc.org.uk/about-us/our-purpose-role/who-we-are (accessed: 06.05.2026).

[19] Our ratings and scores // Care Quality Commission. URL: https://www.cqc.org.uk/about-us/how-we-do-our-job/our-ratings-scores (accessed: 06.05.2026).

[20] Statutory health insurance (SHI) // Federal Ministry of Health. URL: https://www.bundesgesundheitsministerium.de/en/themen/krankenversicherung/online-ratgeber-krankenversicherung/krankenversicherung/statutory-health-insurance-shi (accessed: 06.05.2026).

[21] Beitrдge // Federal Ministry of Health. URL: https://www.bundesgesundheitsministerium.de/beitraege (accessed: 06.05.2026).

[22] Loshakov L.A., Khokhlov A.L., Miroshnikov A.E., Kaigorodova T.V. Medical technology assessment as a progressive element of healthcare reform in Germany // Healthcare of the Russian Federation. 2012. No. 5. pp. 42-45.

[23] Fricke F. U., & Dauben H. P. (2009). Health technology assessment: A perspective from Germany. Value in Health, 12 (SUPPL. 2).

[24] Best global practices in health technology assessment: an expert review [Electronic resource] / E. I. Aksenova, A. A. Nikolaev. - Electronic text data. – M.: GBU «NIIOOZMM DZM», 2025. – 56 p.

[25] The Constitution of Japan - English // Japanese Law Translation. URL: https://www.japaneselawtranslation.go.jp/en/laws/view/174/en (date of access: 06.05.2026).

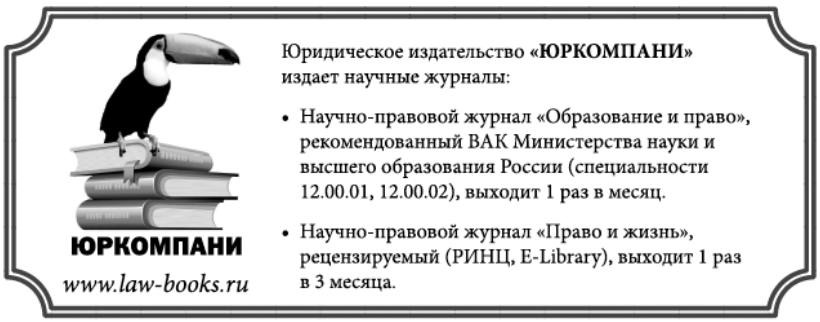
[26] Karpov D.M. Modern systems of pension and health insurance in Japan. International Economics. 2020; 12. // Panorama Publishing House. URL: https://panor.ru/articles/sovremennye-sistemy-pensionnogo-i-meditsinskogo-strakhovaniya-v-yaponii/53673.html# (date of access: 06.05.2026).

[27] Kirik Yu.V. Regional system of health care and structure of the medical plan in Japan // Bulletin of Public Health and Healthcare of the Russian Far East. - 2019. - No. 3. 2 p.

[28] Sokolova L.M. Reforming the Healthcare System in Japan in the Second Half of the Twentieth – Early Twenty-first Century // Bulletin of New Medical Technologies. - 2008 – Vol. XV - No. 4. 156 p.

[29] Grigorieva N.S. Organization and Management of the Healthcare System in Japan // Bulletin of Moscow University. Series 21. Management (State and Society). 2006. No. 3. Pp. 1-15.

[30] A new WHO report discusses the relationship between the quality of medical care and long-term life expectancy, the likelihood of death from NCDs and preventable harm to patients // WHO. URL: https://www.who.int/europe/ru/news/item/12-12-2024-only-1-in-3-countries-in-the-who-european-region-have-an-action-plan-on-patient-safety-and-or-quality-of-care (accessed: 06.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-88-91**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

СЕЙДАМЕТОВА Эльвира Шукриевна,
Межрегиональный юридический институт
Саратовская государственная юридическая академия,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
АШИРБЕКОВА Мадина Таукеновна,
доктор юридических наук, профессор,
e-mail: mail@law-books.ru

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ УЧАСТИЯ ЗАЩИТНИКА В ДОКАЗЫВАНИИ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. *В статье анализируется зарубежный опыт регулирования участия защитника (адвоката) в доказывании по уголовным делам на примере Республики Казахстан, Республики Беларусь и Германии. Автор сопоставляет правовые нормы УПК указанных стран с российским уголовно-процессуальным законодательством. Особое внимание уделено таким институтам, как следственный судья, депонирование показаний в Казахстане, исчерпывающий перечень полномочий защитника в Беларуси, а также особенностям роли адвоката в немецком уголовном процессе, где ключевая роль в доказывании принадлежит суду. Делается вывод о значении изучения зарубежного опыта для дальнейшего развития отечественного процессуального законодательства.*

Ключевые слова: *защитник, адвокат, доказывание, уголовный процесс, зарубежный опыт, следственный судья, депонирование показаний, УПК Казахстана, УПК Республики Беларусь, УПК Германии (StPO), собирание доказательств.*

SEYDAMETOVA Elvira Shukrievna,
Interregional Law Institute
Saratov State Law Academy

Academic Supervisor:
ASHIRBEKOVA Madina Taukenovna,
Doctor of Law, Professor

FOREIGN EXPERIENCE OF REGULATION OF PARTICIPATION OF DEFENDER IN EVIDENCE IN CRIMINAL CASES

Annotation. *This article analyzes international experience regulating the participation of defense counsel (advocates) in proving evidence in criminal cases, using the Republic of Kazakhstan, the Republic of Belarus, and Germany as examples. The author compares the legal norms of the Criminal Procedure Codes of these countries with Russian criminal procedure legislation. Particular attention is paid to institutions such as the investigating judge and deposition of testimony in Kazakhstan, the comprehensive list of defense counsel's powers in Belarus, and the specifics of the role of defense counsel in German criminal proceedings, where the court plays a key role in proving. A conclusion is drawn regarding the importance of studying international experience for the further development of domestic procedural legislation.*

Key words: *defense counsel, attorney, proof, criminal procedure, international experience, investigating judge, deposition of testimony, Criminal Procedure Code of Kazakhstan, Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus, Criminal Procedure Code of Germany (StPO), evidence collection.*

Вопрос об эффективности участия защитника в доказывании по уголовным делам традиционно находится в центре внимания отечественной процессуальной науки. От того, насколько полно адвокат наделен возможностями по собиранию, проверке и представлению доказательств, напрямую зависит реализация принципа состязательности и равноправия сторон в уголовном судопроизводстве. В Российской Федерации действующий УПК РФ предоставляет защитнику достаточно широкие, но во многом декларативные полномочия в сфере доказывания, что неоднократно отмечалось в литературе и правоприменительной практике. В этой связи обращение к зарубежному опыту представляется не только теоретически значимым, но и практически востребованным для поиска оптимальных моделей правового регулирования.

Цель настоящей работы - выявить особенности нормативного закрепления роли защитника в доказывании по уголовным делам в некоторых зарубежных государствах (Республика Казахстан, Республика Беларусь, Германия) и определить возможные направления для совершенствования российского законодательства. Для достижения этой цели в статье последовательно анализируются положения УПК названных стран, а также мнения ведущих процессуалистов.

Актуальность исследования обусловлена тем, что в условиях гармонизации уголовно-процессуального права в рамках интеграционных объединений (СНГ, ЕАЭС) и общих тенденций к усилению состязательности судебного разбирательства учет зарубежных аналогов позволяет избежать как слепого копирования чуждых институтов, так и излишнего консерватизма в реформировании отечественного уголовного процесса.

Интересным также представляется исследование особенностей участия адвоката в доказывании по уголовным дела в зарубежных странах.

УПК Казахстана [1] практически идентичен отечественному. Однако в связи с наличием некоторых институтов, не свойственных УПК РФ, деятельность адвоката по доказыванию несколько отличается.

Так, в связи с наличием института «следственного судьи» защитник-адвокат еще на досудебной стадии вправе (п. 1-2 ч. 3 ст. 60 УПК Казахстана):

1) ходатайствовать перед следственным судьей о депонировании показаний свидетеля,

2) ходатайствовать перед следственным судьей об истребовании документов, значимых для уголовного дела.

Как указывает А.Н. Ахпанов, по сути депонирование показаний свидетеля или потерпевшего представляет собой допрос, который осуществляется по причине того, что более поздний их допрос может сказаться на их показаниях и, соответственно, на рассмотрении дела: «...обобщенными и формализованными юридическими основаниями допроса следственным судьей потерпевшего, свидетеля (депонирование показаний) служат нормы, закрепленные в ч. 1 ст. 217 УПК РК. Они отражают наиболее типичные следственные ситуации, когда более поздний их допрос в ходе досудебного расследования либо судебного заседания может оказаться невозможным в силу объективных причин...» [2].

В УПК Республики Беларусь [3] отличительная особенность заключается в том, что полномочия защитника (в том числе по собиранию доказательств) указаны посредством исчерпывающего перечня (ч. 1 ст. 48 УПК Республики Беларусь), в отличие от УПК РФ, исходя из которой полномочия защитника неограничены и он вправе предпринимать любые действия, прямо не запрещенные законом.

В Германии участие адвоката-защитника в уголовном деле регламентировано StrafprozeЯordnung [4] (далее – StPO). Согласно § 147 StPO защитник имеет право знакомиться с материалами дела, которые находятся в суде или которые должны быть представлены суду в случае предъявления обвинения, а также исследовать доказательства по обвинению лиц, находящихся под стражей. Если заключение расследования ещё не приобщено к материалам дела, защитнику может быть отказано в доступе к материалам дела или их отдельным частям, а также в ознакомлении с официально хранящимися доказательствами, если это может поставить под угрозу цель расследования.

Однако не было обнаружено норм в StPO, которые детально бы описывали полномочия адвоката по собиранию доказательств.

С одной стороны, на основе этого можно

прийти к выводу, что адвокат в Германии значительно ограничен в реализации возможностей доказывания в ходе защиты своего доверителя.

С другой стороны, как видится, стоит говорить не об ограничении прав адвоката в реализации возможностей доказывания, а об особенностях уголовного процесса Германии. Это связано с наличием института следственного судьи. Как указывает Ю.О. Азарова: «...Германии, например, присущ институт судебного следствия, который в РФ также не реализован. Так, в Германии роль и прокурора, и защитника в судопроизводстве, можно сказать, второстепенна, так как именно на суд возложены исключительные полномочия по ведению следствия. Можно предположить, данный механизм проверен и эффективен в странах Западной Европы (это касается, конечно же, не только Германии), потому как он не дает определённого уклона при ведении расследования, поскольку вышеупомянутые и прокурор, и защитник находятся в равном положении, т.е. в пассивном, и их активные действия в ходе разбирательства будут являться ничем иным, как актом критики в сторону председательствующего...» [5].

Проведенный сравнительно-правовой анализ регулирования участия защитника в доказывании по уголовным делам в Республике Казахстан, Республике Беларусь и Германии позволяет сделать ряд обобщающих выводов, имеющих значение для развития российского уголовно-процессуального законодательства.

Во-первых, несмотря на общую схожесть постсоветских правовых систем (Казахстан, Беларусь) с российским УПК, каждый из исследуемых государств выработал собственные механизмы, усиливающие позиции адвоката в доказывании. В Казахстане ключевую роль играет фигура следственного судьи, который по ходатайству защитника депонирует показания и истребует документы. Этот институт представляется перспективным для возможного заимствования в российский процесс, особенно в части обеспечения сохранности доказательств, которые могут быть утрачены к моменту судебного разбирательства.

Во-вторых, опыт Республики Беларусь демонстрирует иной подход — формально-определенный, когда полномочия защитника перечислены исчерпывающим образом. Такой метод законодательной техники, с одной стороны, исключает произвольное расширительное толкование прав адвоката, но с другой — может ограничивать его инициативу в нестандартных ситуациях. Российскому законодателю следует критически оценить как достоинства (определенность, предсказуемость), так и недостатки (риск формализма) белорусской модели.

В-третьих, германская модель (страна романо-германской правовой семьи, но с иной процессуальной философией) показывает, что активная роль адвоката в собирании доказательств не всегда является самоцелью. В Германии доминирующее положение суда в доказывании сочетается с равной пассивностью сторон обвинения и защиты. Такой подход снижает риск обвинительного уклона, но требует высокого авторитета судебной власти и развитого института судебного контроля. Прямое перенесение этой модели в Россию вряд ли возможно без кардинального реформирования всей системы правосудия.

В-четвертых, общим знаменателем для всех рассмотренных стран является признание того, что эффективное участие защитника в доказывании невозможно без доступа к материалам дела, возможности заявлять ходатайства и представлять предметы и документы. Однако способы реализации этих прав существенно различаются: от широкой дискреции адвоката (Россия, Беларусь) до опосредованного участия через следственного судью (Казахстан, Германия).

В качестве итогового вывода следует отметить, что отечественному законодателю целесообразно обратить внимание на институт следственного судьи как механизм, позволяющий защитнику на досудебной стадии обеспечить сохранение доказательственной информации (депонирование показаний) и получить необходимые документы, минуя органы предварительного расследования. При этом не следует механически копировать зарубежные нормы, а необходимо адаптировать их к структуре российского уголовного процесса, сохранив состязательное начало и расширив судебный контроль за действиями сторон. Дальнейшие научные изыскания в этой области могут быть направлены на детальную проработку модели участия защитника в доказывании с учетом позитивного опыта Казахстана в части депонирования показаний и германского

опыта обеспечения равноправия сторон через активную роль суда.

Список литературы:

[1] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Казахстан от 04.07.2014 № 231-V // СПС «ОнлайнЗакон». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=274;-52#pos=274;-52 (дата обращения: 19.05.2026).

[2] Ахпанов А.Н. Депонирование показаний потерпевшего и свидетеля в уголовном процессе Республики Казахстан // Вестник ОмГУ. Серия. Право. 2015. №4 (45). С. 175.

[3] Уголовно-процессуальный кодекс Республики Беларусь от 16.07.1999 № 295-З // Национальный реестр правовых актов Республики Беларусь, 2000 г., № 77-78, 2/71 (опубликован 25.08.2000).

[4] StrafprozeЯordnung // BGBl. I S. 1074, ber. S. 1319.

[5] Азарова Ю.О. Адвокатское расследование как институт уголовного процесса // Скиф. 2022. №10 (74). С. 14.

References:

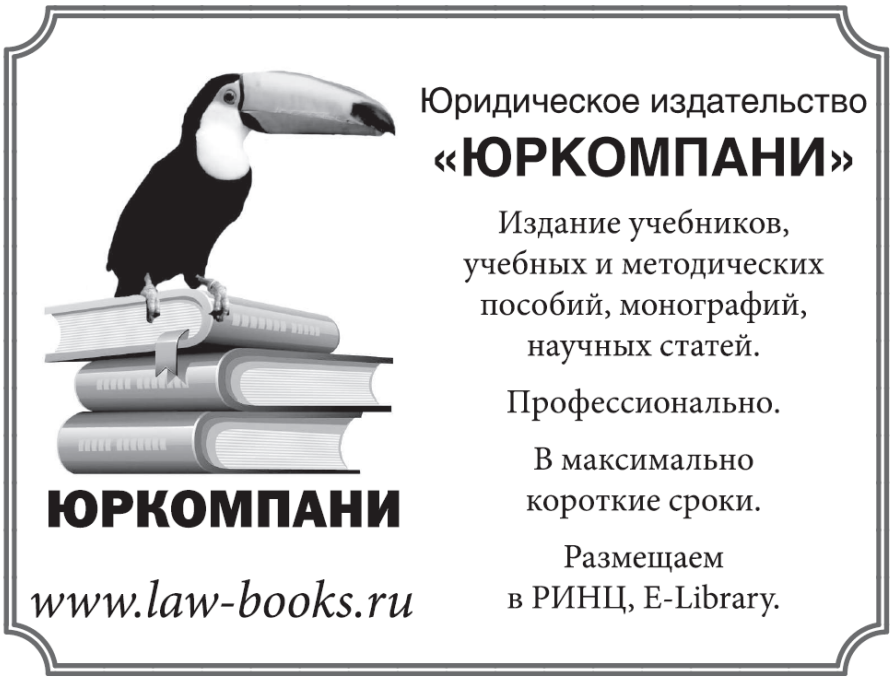
[1] Criminal Procedure Code of the Republic of Kazakhstan dated July 4, 2014, No. 231-V // SPS «OnlineLaw». URL: https://online.zakon.kz/Document/?doc_id=31575852&pos=274;-52#pos=274;-52 (accessed: May 19, 2026).

[2] Akhpanov A.N. Depositing Testimony of the Victim and Witness in Criminal Proceedings of the Republic of Kazakhstan // Bulletin of Omsk State University. Series. Law. 2015. No. 4 (45). P. 175.

[3] Criminal Procedure Code of the Republic of Belarus of 16.07.1999 No. 295-Z // National Register of Legal Acts of the Republic of Belarus, 2000, No. 77-78, 2/71 (published on 25.08.2000).

[4] Investigation // BGBl. I P. 1074, ber. P. 1319.

[5] Azarova Yu.O. Advocate Investigation as an Institution of Criminal Procedure // Skif. 2022. No. 10 (74). P. 14.

СУДЕБНАЯ ВЛАСТЬ И СУДОПРОИЗВОДСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-92-98**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

СУРАЕВА Дарья Викторовна,
магистрант, юридический факультет,
кафедра истории и теории государства и права,
Федеральное государственное автономное
образовательное учреждение высшего образования
«Мурманский арктический университет»,
Мурманск, Россия,
183010, пр. Кирова, д.1,
e-mail: office@mauniver.ru

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ГАРАНТИИ ДОСТУПНОСТИ ПРАВОСУДИЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. *В настоящее время законодательство меняется с высокой скоростью, что отражается на судебной системе в целом. В данной статье будут рассмотрены проблемы доступности правосудия, которые не урегулированы в силу недавних изменений, произошедших в 2024 году, а именно увеличение государственных пошлин, что прямо отразилось на доступности граждан к правосудию. Также будут отражены моменты, которые пропущены законодателем в виду попыток нахождения баланса между качеством экспертизы и сохранением независимости эксперта. В рамках настоящей научной статьи будут рассмотрены вопросы, связанные с конституционными гарантиями правосудия в Российской Федерации. Кроме того, будут изучены проблемы правового регулирования в данном области, рассмотрены возможные эффективные пути их решения, что позволит судебной системе выйти на новый, прозрачный уровень.*

Ключевые слова: *конституционные гарантии, доступность правосудия, проблемы правового регулирования.*

SURAEVA Daria Viktorovna,
Master's Student, Faculty of Law,
Department of History and Theory of State and Law,
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
«Murmansk Arctic University»,
Murmansk, Russia

CONSTITUTIONAL GUARANTEES OF ACCESSIBILITY OF JUSTICE IN THE RUSSIAN FEDERATION: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Annotation. *Legislation is currently changing rapidly, affecting the judicial system as a whole. This article will examine accessibility issues that remain unresolved due to recent changes introduced in 2024, specifically the increase in state fees, which has directly impacted citizens' access to justice. It will also highlight aspects that have been overlooked by legislators attempting to balance the quality of expert assessments with maintaining expert independence. This research article will examine issues related to constitutional guarantees of justice in the Russian Federation. Furthermore, it will examine the challenges of legal regulation in this area and consider possible effective solutions, thereby enabling the judicial system to reach a new, transparent level.*

Key words: *constitutional guarantees, accessibility of justice, problems of legal regulation.*

Статус России как правового государства закреплён уже в первой статье Конституции Российской Федерации [1]. Однако такой статус сам по себе не имеет никакой ценности в случае, если за ним действительно не стоит реальное признание человека, его основных прав и свобод, то есть именно основные права, свободы, обязанности должны служить ориентиром для публичной власти. На наш взгляд, смысл правового государства прежде всего должен выражаться в обязанности государства уважать права личности, уважать права гражданина, чтобы не допустить их произвольного, безосновательного ограничения, а в случае таковых – обеспечить их защиту [10, с. 347].

В модели нашей страны человек, его права и свободы занимают центральное место, поскольку государственная власть в Российской Федерации рассматривается не как самостоятельная сила, а как механизм, который связан правом и обязанностью охранять интересы граждан в полной мере, что также подтверждается Конституцией Российской Федерации, а именно статьей 45 Конституции [1].

Одной из ключевых гарантий выступает, конечно, право на судебную защиту, которая предусмотрена статьей 46 Конституции Российской Федерации [1]. Что же означает: «право на судебную защиту?». Прежде всего, право на судебную защиту предусматривает не формальную возможность обращения граждан в суд, а реальную. Каждый человек вправе обратиться в суд за защитой, если, по его мнению, его права и свободы были нарушены. Конституция в статьях 47–54 [1] закрепляет целый комплекс процессуальных гарантий, без которых справедливое разбирательство едва ли возможно.

Статья 53 Конституции Российской Федерации [1] продолжает логику правовой защиты личности, но переносит её в сферу ответственности публичной власти перед человеком. Она исходит из того, что вред, причинённый незаконными решениями, действиями или бездействием государственных органов и их должностных лиц, не может оставаться без компенсации [7, с. 135]. Иначе говоря, если нарушение исходит от самой власти, обязанность устранить его последствия также возлагается на государство.

Смысл этих конституционных и отраслевых механизмов состоит не только в формальном соблюдении процедуры. На практике они создают условия, при которых дело должно рассматриваться независимым и беспристрастным судом, а у человека появляется реальная возможность защищать свои права не на словах, а с использованием предусмотренных законом средств [6, с. 3]. В этом и проявляется связь правосудия с идеей правового государства: судебная система служит не абстрактному порядку, а защите свободы, достоинства и законных интересов личности.

В настоящее время доступность правосудия, на наш взгляд, все заметнее зависит от того, способен ли человек «войти в судебную систему», то есть способен ли, например, оплатить государственную пошлину, которая в большинстве случаев «бьет по карману».

В связи с вышеизложенным, можно выделить несколько проблем, которые по настоящее время остаются актуальными: первое - высокая стоимость обращения в суд, второе- затяжной характер судебного разбирательства из – за которого право на судебную защиту нередко теряет свою практическую ценность.

Когда спор формально может быть рассмотрен, но фактически путь к суду оказывается слишком дорогим или слишком долгим, конституционная гарантия начинает работать не в полную силу.

Как указывалось ранее, проблема оплаты государственной пошлины остро стоит в настоящее время, это стало заметнее с 2024 года, когда на ряд процедур были весьма повышены государственные пошлины, либо вовсе введены [4].

Конституционный Суд Российской Федерации, рассматривая вопрос о повышении её размеров, подчеркнул, что законодатель вправе пересматривать ставки, однако такое регулирование не может превращаться в имущественный фильтр, отсекающий граждан от судебной защиты. Суд прямо указал, что пошлина не должна умалять право на доступ к правосудию и вынуждать человека отказываться от обращения в суд из-за его фактического материального положения. Иначе говоря, сама по себе обязанность заплатить при подаче иска допустима, но лишь до того предела, пока она не начинает выполнять запретительную, а не фискальную функцию.

На практике особое значение приобретает вопрос о предоставлении отсрочки, рассрочки, уменьшения размера пошлины или освобождения от неё [11, с. 115]. Действующие нормы Налогового законодательства связывают такое решение с имущественным положением заявителя и оставляют суду пространство для усмотрения. Так, при отсутствии чётких критериев схожие жизненные ситуации могут оцениваться по-разному, а право на льготу превращается не в устойчивую гарантию, а в зависимую от конкретного подхода суда возможность. Кроме того, сама по себе государственная пошлина является важным элементом правовой системы, выполняющая как фискальную, так и организационно – управленческую функции [5, с. 573].

Чтобы было понятно, в каком масштабе увеличились размеры государственных пошлин, можно привести несколько примеров: государственная пошлина на подачу заявления об отмене заочного решения с сентября 2024 году стала 1 500 рублей, до этого времени была бесплатной, то есть технически произошел переход от нулевой стоимости к платной процедуре. При этом заочное решение не всегда может быть вынесено с соблюдением всех «правил», например, суд мог не убедиться в надлежащем извещении ответчика, то есть в дальнейшем ответчику при подаче заявления об отмене заочного решения суда необходимо платить государственную пошлину даже если тот по независящим от него обстоятельствам не получил судебную корреспонденцию.

Кроме того, необходимо учитывать, что заочные решения часто выносятся по долгам за ЖКХ или кредитам, где ответчики зачастую и так находятся в тяжелом материальном положении. Таким образом, для пенсионером или человеку, у которого есть долги, 1 500 рублей может быть существенной суммой.

Приведем еще несколько наглядных примеров, так с сентября 2025 года увеличились государственные пошлины для граждан (физических лиц) в судах общей юрисдикции: иск о расторжении брака – государственная пошлина была 600 рублей, стала – 5 000 рублей, увеличение произошло в 8 раз; также существенно была увеличена государственная пошлина по искам неимущественного характера, которые касаются таких требований, как выселение, защита чести и достоинства, государственная пошлина была 300 рублей, в настоящее время – 3 000 рублей, рост в 10 раз.

На наш взгляд, из – за такого резкого скачка цен многие люди теперь не могут позволить себе судебную защиту, поскольку некоторые «позиции» для граждан, у которых доход на уровне прожиточного минимума, стали неподъемными, то есть привело к так называемому «финансовому цензу» на доступ к правосудию, поскольку государственная пошлина в размере, например, в 3 000 рублей, составляет для них 15 – 20 % месячного бюджета.

Безусловно, на законодательном уровне закреплены льготы, но фактически их трудно получить. Необходимо собирать справки о доходах, составе семьи, отсутствие имущества, и то, при наличии всех документов, которые теоретически говорят о том, что здесь и сейчас гражданин не может оплатить государственную пошлину, решение остается за судьей. Часто суды отказывают об отсрочке или рассрочке уплаты государственной пошлины.

Если ориентироваться на позиции высших судов, ключевым должен быть не абстрактный перечень имущества, а реальная способность человека оплатить пошлину в момент обращения [9, с. 23].

Конституционный Суд в 2025 году специально отметил, что объективным признаком затруднительности уплаты может служить доход на уровне или ниже прожиточного минимума, особенно при наличии иждивенцев, и в подобных случаях одной только отсрочки или рассрочки порой недостаточно для эффективного доступа к суду. Из этого следует важный практический вывод о том, что оценка платёжеспособности должна исходить из живой финансовой ситуации заявителя, а не из формального наличия у него имущества, которое невозможно быстро использовать для покрытия судебных расходов.

Поэтому идея перевести часть таких льгот из дискреционной плоскости в более жёсткое нормативное регулирование выглядит оправданной. Если для граждан с низким доходом закон будет не просто допускать послабление, а прямо обязывать суд применять его при наличии подтверждённых оснований, гарантия судебной защиты станет менее зависимой от усмотрения и ближе к реальной, а не декларативной модели.

Для решения указанной проблемы с государственными пошлинами, считаем необходимым внести изменения и добавить пп. 6 в п. 2 ст. 333.36 Налогового кодекса Российской Федерации в следующей редакции: «истцы (заявители) и ответчики, признанные в установленном законом порядке малоимущими, а также граждане, являющиеся получателями государственной социальной помощи. Основанием для предоставления льготы является наличие сведений о гражданине в Единой государственной информационной системе социального обеспечения (ЕГИССО), либо представление документа, подтверждающего назначение указанной помощи в течение года, предшествующего обращению в суд».

Отметим, что упоминание ответчиков – это критически важно, поскольку в настоящее время большинство льгот в этой статье касаются исключительно истцов, однако в случае отмены заочного решения суда льгота необходима именно ответчику, ссылка на ЕГИССО также важна, потому что дает суду право (и обязанность) проверить статус человека через электронную систему, без дополнительной бумажной волокиты со стороны заявителя.

Одним из наиболее уязвимых участков в механизме доступного правосудия остаётся соблюдение разумного срока тогда, когда суд назначает экспертизу. Формально исследование проводится ради установления фактов, необходимых для разрешения спора, однако по своей сути оно не находится вне процесса, а является его составной частью. По этой причине время, затраченное на подготовку экспертного заключения, не может восприниматься как некий нейтральный промежуток, выпадающий из-под судебного контроля. Если производство по делу приостанавливается до завершения экспертизы без чётких временных ориентиров и без последующего надзора со стороны суда, право на судебную защиту начинает утрачивать реальное содержание. Таким образом, одним из затратных во временном смысле процессуальным действием является судебная экспертиза [8, с. 184].

Проблема здесь заключается не только в длительности самой процедуры, но и в смещении контроля. После вынесения определения о назначении исследования фактическое влияние на темп движения дела нередко переходит к эксперту или учреждению, которые, участвуя в отправлении правосудия, всё же не являются носителями судебной власти. В ряде случаев наблюдается ситуация, при которой суд, приостановив разбирательство, занимает пассивную позицию и не вмешивается в затягивание сроков. Между тем такой подход трудно согласовать и с правом на рассмотрение дела в разумный срок, и с требованием правовой определённости, без которой сама идея правового государства остаётся неполной. Доступность правосудия может быть обеспечена только системой гарантий: юридических, организационных, финансовых. процессуальных. [8, с. 24].

Можно заметить, что конституционно-правовой смысл процессуальных гарантий в последние годы всё более настойчиво связывается не с формальным наличием права, а с возможностью его реального осуществления. В позиции Конституционного Суда РФ, выраженной в постановлении от 10 января 2023 г. № 1-П, подчёркивается недопустимость такого регулирования, которое лишь внешне сохраняет доступ к защите, но фактически делает его затруднительным или пустым по содержанию. Эта логика напрямую применима и к судебной экспертизе: если участник процесса месяцами или даже годами остаётся в режиме ожидания без понятных сроков, без процессуальной реакции суда и без предсказуемого механизма ускорения, право на правосудие становится номинальным [2].

Показательна и линия, которую проводит Верховный Суд РФ в делах о нарушении разумного срока судопроизводства. Из судебной практики следует, что само по себе назначение экспертизы не освобождает суд от обязанности контролировать ход дела и принимать меры против необоснованных задержек. Иначе говоря, экспертное исследование не может служить универсальным объяснением процессуальной пассивности. Когда суд ограничивается ожиданием заключения и не предпринимает действий по выяснению причин задержки, истребованию информации, продлению срока в установленном порядке или применению предусмотренных законом мер воздействия, это уже выходит за пределы допустимой организации процесса.

Отдельного внимания заслуживает и подход Конституционного Суда РФ, сформулированный в постановлении от 20 июля 2023

г. № 43-П. Хотя это решение касалось прежде всего вопросов оплаты экспертной работы и процессуального положения эксперта, в нём ясно прослеживается более общий смысл: участник, оказывающий содействие суду, не должен превращаться в фигуру, от которой фактически зависит движение всего дела. На практике это означает, что эксперт не может становиться условным «хозяином процесса», а суд не вправе утрачивать руководящую роль после назначения исследования [3].

С этой точки зрения более убедительной выглядит модель жёсткого судебного контроля за сроками проведения экспертизы. Для её закрепления, считаем необходимо для совершенствования внести изменения в ст. 80 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а именно дополнить вышеуказанную статью абзацем следующего содержания: «Срок проведения экспертизы и предоставления заключения в суд не может превышать 30 календарных дней со дня получения экспертом материалов дела. В исключительных случаях, связанных со сложностью исследования, указанный срок может быть продлен судом по ходатайству эксперта, но не более, чем на 30 календарных дней».

Также хотелось бы отметить, что сейчас у судов имеется право оштрафовать эксперта, но на практике это делается крайне редко, поэтому на наш взгляд нужна автоматическая мера в виде снижения оплаты за экспертное заключение. Финансовая ответственность эксперта заставит экспертное учреждение лучше планировать нагрузку.

В связи с этим полагаем необходимым изменить абзац 4 части 1 статьи 85 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации и изложить его следующим образом: «Невыполнение требования суда о предоставлении экспертного заключения в установленный срок при отсутствии ходатайства о продлении срока влечет за собой обязательное наложение судебного штрафа в порядке и размере, установленном главой 8 настоящего Кодекса».

Считаем, что подобная корректировка не меняет природу экспертизы, но возвращает её в пределы процессуальной ответственности суда и делает конституционную гарантию судебной защиты более осязаемой, а не только формально провозглашённой.

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что изменения, которые произошли в 2024 году создали некий «двойной удар» по участникам судебных процессов, особенно по социально незащищенным слоям населения. Изменения, которые предлагаются внести, будут отвечать признакам доступности к правосудию.

Что же касается судебных экспертиз, кажется, они стали легальным способом затягивания судебного процесса, поскольку у экспертов нет четкой жесткой финансовой ответственности. Внесения правок в ст. 80 и 85 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации поможет добиться экономической дисциплины экспертов и, как следствие, разумных судебных сроков.

Без этих шагов судебная система рискует превратиться в закрытую корпоративную структуру, доступную только крупному бизнесу и обеспеченным гражданам.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года [с учётом поправок, внесённых Законами Российской Федерации о поправках к Конституции Российской Федерации от 30 декабря 2008 года №6-ФКЗ, от 30 декабря 2008 года №7-ФКЗ, от 5 февраля 2014 года №2-ФКЗ, от 21 июля 2014 года №11-ФКЗ] // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — №31. — Ст. 4398.

[2] Постановление Конституционного Суда РФ от 10 января 2023 г. № 1-П «По делу о проверке конституционности статьи 15 и пункта 2 статьи 1248 Гражданского кодекса Российской Федерации, статьи 106 и части 1 статьи 110 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой общества с ограниченной ответственностью «НИКА-ПЕТРОТЭК» // СПС Гарант. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407309348/ (дата обращения 16.05.2026).

[3] Постановление Конституционного Суда РФ от 20.07.2023 N 43-П «По делу о проверке конституционности абзаца второго части второй статьи 85, статей 96 и 97, части шестой статьи 98 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой автономной некоммерческой организации «Экспертно-криминалистический центр «Судебная экспертиза» // СПС Гарант. URL: https://www.garant.ru/

products/ipo/prime/doc/407309348/ (дата обращения 16.05.2026).

[4] Законопроект № 577665-8 «О внесении изменений в части первую и вторую Налогового кодекса Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации о налогах и сборах». // СОЗД. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/577665-8 (дата обращения 16.05.2026).

[5] Аношина Ю. Ф. Роль и значение государственной пошлины / Ю. Ф. Аношина, Т. З. Авдеева // Актуальные вопросы современной экономики. – 2020. – № 6. – С. 567-574.

[6] Басеев А. С. Конституционные гарантии правосудия РФ / А. С. Басеев, В. Г. Трубников, Е. В. Гаврилов // Правовая система России: история и современность : сборник статей по итогам Международной научно-практической конференции, Казань, 23 февраля 2020 года. – Казань: Общество с ограниченной ответственностью «Агентство международных исследований», 2020. – С. 3-4.

[7] Гулян В. И. Основные проблемы обеспечения доступности правосудия на отдельных стадиях реализации права на судебную защиту / В. И. Гулян // World science: problems and innovations : сборник статей XLVII Международной научно-практической конференции, Пенза, 30 октября 2020 года. – Пенза: «Наука и Просвещение» (ИП Гуляев Г.Ю.), 2020. – С. 134-137.

[8] Каптюхова А. И. Судебная защита гражданских прав / А. И. Каптюхова // Проблемы защиты прав: история и современность : Материалы XIX международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 23 октября 2024 года. – Санкт-Петербург: Ленинградский государственный университет им. А.С. Пушкина, 2025. – С. 180-185.

[9] Стрельникова И. Ю. Гарантии доступности правосудия / И. Ю. Стрельникова // Океанский менеджмент. – 2025. – № 3(32). – С. 23-25.

[10] Трямкина Н. В. Право гражданина Российской Федерации на судебную защиту / Н. В. Трямкина, Е. В. Листопадова // Природа. Человек. Культура : Материалы Третьего Международного научно-просветительского форума, Кисловодск, 04–08 октября 2022 года / Под общей редакцией С.Е. Туркулец, Е.В. Листопадовой. – Хабаровск: Дальневосточный государственный университет путей сообщения, 2022. – С. 347-352.

[11] Шевлякова И. С. Принцип доступности правосудия: проблемы и пути совершенствования / И. С. Шевлякова // Юридические клиники: актуальные вопросы клинического образования и оказания бесплатной юридической помощи : Материалы VI межрегиональной научно-практической конференции, Хабаровск, 26 марта 2021 года / Под редакцией Н.В. Корниловой. – Хабаровск: Тихоокеанский государственный университет, 2021. – С. 113-119.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 [taking into account the amendments introduced by the Laws of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of December 30, 2008 No. 6-FKZ, of December 30, 2008 No. 7-FKZ, of February 5, 2014 No. 2-FKZ, of July 21, 2014 No. 11-FKZ] // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2014. - No. 31. - Art. 4398.

[2] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of January 10, 2023 No. 1-P «On the case of verifying the constitutionality of Article 15 and paragraph 2 of Article 1248 of the Civil Code of the Russian Federation, Article 106 and part 1 of Article 110 of the Arbitration Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the limited liability company NIKA-PETROTEK» // SPS Garant. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407309348/ (date of access 05/16/2026).

[3] Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 20, 2023 No. 43-P «On the case of verifying the constitutionality of paragraph two of part two of Article 85, Articles 96 and 97, part six of Article 98 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of the autonomous non-profit organization «Forensic Center «Forensic Expertise» // SPS Garant. URL: https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/407309348/ (date of access 05/16/2026).

[4] Bill No. 577665-8 «On Amendments to Parts One and Two of the Tax Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation on Taxes and Fees.» // SOZD. URL: https://sozd.duma.gov.ru/bill/577665-8 (date of access 16.05.2026).

[5] Anoshina Yu. F. The Role and Importance of State Duty / Yu. F. Anoshina, T. Z. Avdeeva // Current Issues of Modern Economics. - 2020. - No. 6. - Pp. 567-574.

[6] Baseev A. S. Constitutional Guarantees of Justice in the Russian Federation / A. S. Baseev, V. G. Trubnikov, E. V. Gavrilov // The Legal System of Russia: History and Modernity: A Collection of Articles Following the Results of the International Scientific and Practical Conference, Kazan, February 23, 2020. - Kazan: Limited Liability Company «Agency for International Research», 2020. - Pp. 3-4.

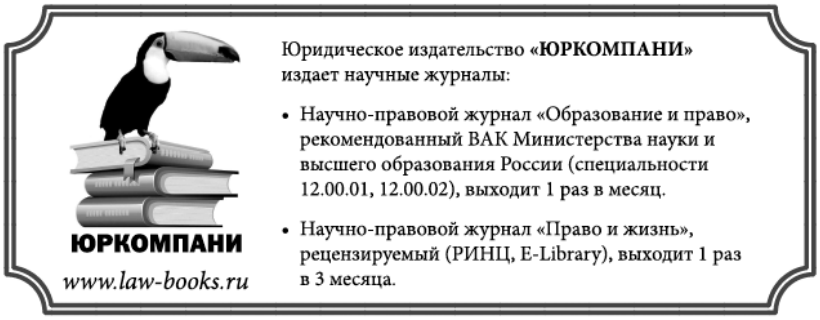
[7] Gulyan V. I. The Main Problems of Ensuring Accessibility of Justice at Certain Stages of the Exercise of the Right to Judicial Protection / V. I. Gulyan // World Science: Problems and Innovations: A Collection of Articles XLVII International Scientific and Practical Conference, Penza, October 30, 2020. – Penza: «Science and Education» (IP Gulyaev G.Yu.), 2020. – Pp. 134-137.

[8] Kaptukhova A.I. Judicial Protection of Civil Rights / A.I. Kaptukhova // Problems of Rights Protection: History and Modernity: Proceedings of the XIX International Scientific and Practical Conference, St. Petersburg, October 23, 2024. – St. Petersburg: Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2025. – Pp. 180-185.

[9] Strelnikova I.Yu. Guarantees of Accessibility to Justice / I.Yu. Strelnikova // Ocean Management. – 2025. – No. 3 (32). – Pp. 23-25.

[10] Tryamkina N.V. Law citizen of the Russian Federation to judicial protection / N. V. Tryamkina, E. V. Listopadova // Nature. Man. Culture: Proceedings of the Third International Scientific and Educational Forum, Kislovodsk, October 4–8, 2022 / General editors S. E. Turkulets, E. V. Listopadova. - Khabarovsk: Far Eastern State Transport University, 2022. - Pp. 347-352.

[11] Shevlyakova I. S. The principle of accessibility of justice: problems and ways of improvement / I. S. Shevlyakova // Legal clinics: topical issues of clinical education and the provision of free legal aid: Proceedings of the VI Interregional Scientific and Practical Conference, Khabarovsk, March 26, 2021 / Edited by N. V. Kornilova. - Khabarovsk: Pacific State University, 2021. - Pp. 113-119.

КОНСТИТУЦИОННОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-99-101**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

МОИСЕЕВ Иван Алексеевич,
аспирант 1-го курса
кафедры конституционного и международного права
ВГУЮ (РПА Минюста России),
Москва, Россия,
e-mail: ivan.moiseev.13@inbox.ru

ЗАЩИТА ИСТОРИЧЕСКОЙ ПРАВДЫ КАК КОНСТИТУЦИОННАЯ ЦЕННОСТЬ В ОЦЕНКАХ РОССИЙСКИХ ПРАВОВЕДОВ

Аннотация. *В статье анализируется конституционное закрепление защиты исторической правды как ценностной категории российского права. Рассматриваются позиции учёных относительно статьи 67.1 Конституции РФ, введённой реформой 2020 года. Исследуется дискуссия о различии факта и его оценки, о значении точной датировки событий для образования, о выработке легального определения «исторической правды». Подчёркивается связь защиты исторической памяти с патриотическим воспитанием. Делается вывод о закономерном включении данной нормы в систему конституционных ценностей для обеспечения преемственности поколений.*

Ключевые слова: *историческая правда, Конституция РФ, конституционная реформа 2020 года, российские правоведы, юридическая наука.*

MOISEEV Ivan Alekseevich,
1st year postgraduate student
of the Department of Constitutional and International Law
of The All-Russian State University of Justice,
Moscow, Russia

PROTECTION OF HISTORICAL TRUTH AS A CONSTITUTIONAL VALUE IN THE EVALUATIONS OF RUSSIAN LEGAL SCHOLARS

Annotation. *The article analyzes the constitutional enshrinement of the protection of historical truth as a value category of Russian law. It examines the positions of scholars regarding Article 67.1 of the Constitution of the Russian Federation, which was introduced by the 2020 reform. The article explores the discussion on the distinction between fact and its assessment, the significance of accurate dating of events for education, and the development of a legal definition of «historical truth.» It emphasizes the connection between the protection of historical memory and patriotic education. The article concludes that this norm is a logical inclusion in the system of constitutional values to ensure the continuity of generations.*

Key words: *historical truth, the Constitution of the Russian Federation, the 2020 constitutional reform, Russian legal scholars, and legal science.*

Конституционная реформа 2020 года ввела в Основной закон России принципиально новое положение, обязывающее государство обеспечивать защиту исторической правды. Это изменение не является случайным. Оно отражает запрос общества на сохранение национальной идентичности и противодействие попыткам пересмотра итогов ключевых событий отечественной истории. Центральным элементом новой конституционной конструкции выступает статья 67.1 [1, ст. 67.1], введённая Законом Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 года № 1 ФКЗ [2]. Пункт третий статьи 67.1 теперь закрепляет следующее: «Российская

Федерация чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды. Умаление значения подвига народа при защите Отечества не допускается» [1, ст. 67.1].

В российской юридической науке развернулась оживлённая дискуссия относительно содержания и пределов действия данной конституционной нормы. Как отмечает кандидат юридических наук, профессор Г. Л. Москалев, «именно такой подход и открывает дверь для установления идеологических запретов на распространение частных позиций о событиях прошлого. Предложенное понимание исторической правды как информации, соответствующей объективной действительности, предполагает запрет на искажение, фальсификацию исторических фактов, а не на их оценки» [5, с. 1077]. Это замечание подчёркивает важную грань конституционной новеллы, а именно различие между фактом и его интерпретацией. Кандидат юридических наук, профессор С. Р. Чеджемов подчёркивает, что данная задача «обусловлена духом и буквой принятых в 2020 г. всенародным голосованием поправок в текст Конституции РФ, задачами патриотического воспитания» [8, с. 122]. Все эти положения работают в системе, создавая достаточно прочный фундамент для национальной политики памяти. При этом государство не просто декларирует уважение к прошлому, но и получает конституционный инструмент для противодействия фальсификациям.

Важным аспектом является образовательное измерение данной конституционной ценности. Кандидат юридических наук, профессор М. В. Раттур, в свою очередь, обосновывает, что закрепление исторических фактов положительным образом скажется на образовательном процессе. «Представляется, что точность датировки исторических событий на законодательном уровне сможет способствовать унификации хронологии в учебниках, учебных пособиях, учебно-методических материалах» [6, с. 278]. Ещё В. О. Ключевский отмечал, что педагоги «должны понимать идею своей школы, и понимать ее одинаково, чтобы знать, кого они воспитывают, т. е. кого вырабатывают из своих воспитанников соединенными усилиями. Соединенные усилия могут не быть дружными действиями, и тогда из них не выйдет цельного и складного дела» [4, с. 5]. В этом смысле единое понимание исторической правды призвано обеспечить ту самую согласованность воспитательных усилий, о которой писал классик отечественной историографии.

В то же время, размышляя о конституционном измерении и смысле введения данного пункта статьи в своих трудах, доктор юридических наук, профессор П. А. Астафьевичев поднимает вопрос о том, что такое правда, и приходит к пониманию, что «не должно сдерживать конституционно-правовую науку от свободного от идеологических предрассудков и, в то же время, аргументированного и ответственного обсуждения» [3, с. 6]. Следовательно, даже при конституционном закреплении защиты исторической правды научная среда сохраняет пространство для дискуссии. Однако эта дискуссия не должна переходить в отрицание очевидных исторических фактов, особенно тех, что связаны с подвигом народа в Великой Отечественной войне.

Некоторые учёные высказывают опасения относительно путаницы в понимании данного понятия и для её разрешения указывают на необходимость разработки юридического определения того, что понимается под «защитой исторической правды». В правовой доктрине активно разрабатывается содержание понятия «историческая правда». Кандидат юридических наук, профессор Г. Л. Москалев определяет её как «требующую охраны от её изменения социально значимую достоверную информацию об исторических событиях, связанных с обороной России и, главным образом, с историей Великой Отечественной войны, состоящую из точно подтверждённых исторических фактов» [5, с. 1071]. Такое определение представляется важным шагом вперёд, поскольку оно связывает абстрактную ценность с конкретными объектами охраны.

Научная дискуссия постепенно переходит от абстрактного понятия истины к конкретным правовым механизмам её охраны. Это движение от теории к практике особенно важно в свете разработки новых законодательных актов, направленных на противодействие реабилитации нацизма. Современные исследователи продолжают эти традиции, развивая механизмы защиты исторической правды. Такой взгляд разделяют многие специалисты в области конституционного права, и здесь не наблюдается какого-либо серьезного разногласия

относительно значимости исторической преемственности. «Общее историческое прошлое становится особой конструкцией, способствующей формированию потребностей, интересов и ценностей в настоящем» [9, с. 4]. Однако хотелось бы отметить, что «формирование исторической правды в идеале должно осуществляться на основе комплексного анализа различных исторических источников» [7, с. 78–79]. Это означает, что юридическая защита не должна подменять собой научное исследование.

Список литературы:

[1] Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г. // Российская газета. – 2020. – 4 июля.

[2] О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти : Закон Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1 ФКЗ // Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11. – Ст. 1416.

[3] Астафичев П. А. Обеспечение защиты исторической правды как новый принцип в конституционном праве современной России // Правоприменение. – 2020. – Т. 4, № 4. – С. 6.

[4] Ключевский В. О. Два воспитателя // Сочинения : в 9 т. / под ред. В. Л. Янина. – Москва : Мысль, 1990. – Т. 9. – 525 с.

[5] Москалев Г. Л. Охрана исторической правды: новая задача российского права // Журнал Сибирского федерального университета. Серия «Гуманитарные науки». – 2022. – Т. 15, № 8. – С. 1070–1081.

[6] Раттур М. В. О необходимости аналитической поддержки принятия правовых решений по защите исторической правды как конституционной ценности // Юридическая техника. – 2024. – № 18. – С. 278–282.

[7] Ситников К. А. «Историческая память» в лексиконе современного российского права // Труды Института государства и права РАН. – 2025. – Т. 20, № 3. – С. 78–79.

[8] Чеджемов С. Р. Конституционное строительство в Российской Федерации: к вопросу о защите исторической правды // Вестник Университета имени О. Е. Кутафина (МГЮА). – 2021. – № 5. – С. 122–131.

[9] Чупрынников С. А., Касьянов В. В., Самыгин П. С. Историческая правда и проблемы ее защиты в контексте формирования исторической памяти современного российского общества // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2023. – № 2 (июнь). – С. 4–11.

References:

[1] Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020 // Rossiyskaya Gazeta. - 2020. - July 4.

[2] On improving the regulation of certain issues of the organization and functioning of public authority: Law of the Russian Federation on amendments to the Constitution of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1 FKZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. - 2020. - No. 11. - Art. 1416.

[3] Astafichev P. A. Ensuring the protection of historical truth as a new principle in the constitutional law of modern Russia // Law Enforcement. – 2020. – Vol. 4, No. 4. – P. 6.

[4] Klyuchevsky V. O. Two Educators // Works: in 9 volumes / edited by V. L. Yanin. – Moscow: Mysl, 1990. – Vol. 9. – 525 p.

[5] Moskalyev G. L. Protection of Historical Truth: A New Task of Russian Law // Journal of the Siberian Federal University. Series «Humanities». – 2022. – Vol. 15, No. 8. – P. 1070–1081.

[6] Rattur M. V. On the Need for Analytical Support for Legal Decision-Making on the Protection of Historical Truth as a Constitutional Value // Legal Technology. – 2024. – No. 18. – P. 278–282.

[7] Sitnikov K. A. «Historical Memory» in the Lexicon of Modern Russian Law // Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences. - 2025. - Vol. 20, No. 3. - P. 78-79.

[8] Chedzhemov S. R. Constitutional Construction in the Russian Federation: On the Issue of Protecting Historical Truth // Bulletin of the O. E. Kutafin Moscow State Law University (MSAL). - 2021. - No. 5. - P. 122-131.

[9] Chuprynnikov S. A., Kasyanov V. V., Samygin P. S. Historical Truth and Problems of Its Protection in the Context of the Formation of Historical Memory of Modern Russian Society // Humanitarian, Socio-Economic and Social Sciences. - 2023. - No. 2 (June). - P. 4-11.

УГОЛОВНОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-102-104**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

СЫЦЕВИЧ Арина Сергеевна,
Волгоградский институт управления-филиал
ФГБОУ ВО РАНХИГС при Президенте РФ, Юридический факультет,
ул. Гагарина, 8, Волгоград, Россия, 400006,
e-mail: mail@law-books.ru

МОГУТИН Роман Иванович,
кандидат технических наук, доцент кафедры
Уголовного права, уголовного процесса и криминалистики
Волгоградский институт управления-филиал
ФГБОУ ВО РАНХИГС при Президенте РФ,
ул. Гагарина, 8, Волгоград, Россия, 400006,
e-mail: mail@law-books.ru

СОСТАВЛЕНИЕ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ПОРТРЕТА ЛИЧНОСТИ ПРИ РАССЛЕДОВАНИИ СЕРИЙНЫХ УБИЙСТВ

Аннотация. *Методика психологического портретирования представляет собой ключевой инструмент в расследовании серийных убийств. Ее применение позволяет не только инициировать поиск преступника, но и проанализировать побудительные причины и цели его деяний. Кроме того, данный подход способствует выявлению вероятных психологических и психиатрических отклонений, что может существенно ускорить процесс изобличения виновного.*

Ключевые слова: *серийные убийства, психологический портрет (профиль), криминальное профилирование, личность преступника.*

SYTSEVICH Arina Sergeevna,
Volgograd Institute of Management,
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA)
under the President of the Russian Federation, Faculty of Law

MOGUTIN Roman Ivanovich,
PhD (Engineering), Associate Professor, Department of
Criminal Law, Criminal Procedure, and Forensic Science,
Volgograd Institute of Management,
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA)
under the President of the Russian Federation

COMPILING AND USING A PSYCHOLOGICAL PROFILE IN THE INVESTIGATION OF SERIAL MURDERS

Annotation. *The methodology of psychological profiling serves as a key instrument in the investigation of serial murders. Its application allows not only to initiate the search for the offender, but also to analyze the motivating factors and objectives behind their actions. Furthermore, this approach helps to identify potential psychological and psychiatric disorders, which can significantly expedite the process of exposing the perpetrator.*

Key words: *serial murders, psychological profile (portrait), criminal profiling, offender's personality.*

Убийство, будучи умышленным лишением жизни другого человека (ст. 105 УК РФ), относится к наиболее общественно опасным деяниям, поскольку посягает на высшую ценность – человеческую жизнь. Особую сложность и социальную значимость имеют серийные убийства, которые, несмотря на отсутствие их легального определения в уголовном законе, в криминалистической доктрине понимаются как совершение двух и более умышленных лишений жизни с временными интервалами. Эти промежутки могут варьироваться от нескольких дней до лет, а сами преступления часто объединены узнаваемой моделью поведения (МОД) злоумышленника. Термин «серийный убийца», введенный Робертом Ресслером (1970), описывает индивида, совершающего три и более убийства в течение периода свыше месяца, движимого, как правило, стремлением к получению психопатического удовлетворения.

Современное расследование серийных убийств – одна из наиболее ресурсоемких задач для правоохранительных органов. Низкий процент целенаправленного раскрытия таких преступлений указывает на недостаточную эффективность традиционных методов. В этой связи неотъемлемым элементом следственной деятельности становится привлечение специалистов в области психологии и психиатрии. Анализ личности преступника через призму его психических особенностей зачастую становится определяющим для выдвижения обоснованных криминалистических версий и планирования розыскных мероприятий [2; 5].

Психологический портрет (профиль) – это комплексная психологическая характеристика индивида, интегрирующая данные о его характерологических чертах, интеллекте, мотивационной сфере, ценностях и поведенческих паттернах. Криминальное профилирование – это специальная методика, используемая правоохранительными органами для идентификации вероятных характеристик преступника и установления связи между эпизодами, которые могут быть делом рук одного лица или группы. Основная гипотеза метода базируется на положении о том, что личность проявляется в поведении, а совершаемые действия, особенно те, что находятся вне полного сознательного контроля, оставляют на месте преступления уникальные «психологические следы» или маркеры. Именно их анализ позволяет эксперту реконструировать профиль преступника и спрогнозировать его возможные дальнейшие действия.

Исторически применение психологического портрета связывают с практикой ФБР (1974 г., дело об убийстве в Монтане), хотя первые попытки подобного анализа относятся к делу «сумасшедшего бомбиста» Матески (Д. Брассел, 1957). В отечественной следственной практике метод был апробирован при расследовании дел серийных убийц Михасевича и Чикатило [3; 4].

Основные задачи психопрофилирования включают:

1. Сужение круга подозреваемых и оптимизацию ресурсов расследования.

2. Прогнозирование социально-демографических и личностных черт преступника (пол, возраст, уровень образования, род занятий), а также его психического статуса.

3. Реконструкцию мотивации и механизма совершения преступления, в том числе с учетом возможных психопатологий.

4. Формирование тактических рекомендаций для оперативно-розыскных мероприятий с учетом приоритетных версий.

Важно подчеркнуть, что психологический портрет носит вероятностный характер и включает широкий спектр признаков: от демографических данных и социального статуса до особенностей биографии, семейного положения, наличия психических отклонений и специфики преступного поведения [1].

Таким образом, подводя итог вышесказанному, следует отметить, что исследование личности серийного убийцы и построение его психологического профиля остается актуальной междисциплинарной проблемой. В целях повышения эффективности раскрытия подобных преступлений представляется необходимым:

1. Систематизировать и развивать методики расследования серийных убийств, делая обязательным компонентом глубокое психологическое изучение личности преступника.

2. Углубить исследование взаимосвязей между элементами криминалистической характеристики данных преступлений, что в перспективе может способствовать совершенствованию мер их профилактики.

Список литературы:

[1] Меднов М. Р. Криминологическая характеристика серийных убийств, проблемы и перспективы развития / Отеч. юриспруденция. - 2016. - № 12. - С. 40-43.

[2] Панарина В. А. Методика расследования серийных убийств / В. А. Панарина, А. Д. Самсонова // Проблемы совершенствования российского законодательства: Сборник тезисов Международной научно-практической конференции курсантов, слушателей и студентов, Барнаул, 16 апреля 2025 года. – Барнаул: Барнаульский юридический институт МВД РФ, 2025. – С. 793-795.

[3] Сасов А. В. Личность и психологический портрет серийного убийцы / А. В. Сасов, Е. А. Супруненко // Сборник научных работ серии «Право». – 2022. – № 4(28). – С. 214-224.

[4] Сумина Н. А. О психологическом портрете серийного убийцы / Н. А. Сумина, В. Д. Худо // Проблемы противодействия преступности в современных условиях: Сборник статей / Редколлегия: А.Н. Подчерняев [и др.]. – Орел: Орловский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации имени В.В. Лукьянова, 2017. – С. 153-157.

[5] Хлус А. М. Теоретико-прикладные проблемы расследования серийных убийств / А. М. Хлус, Е. Ю. Кабариха // Вопросы криминологии, криминалистики и судебной экспертизы. – 2015. – № 1(37). – С. 69-75.

References:

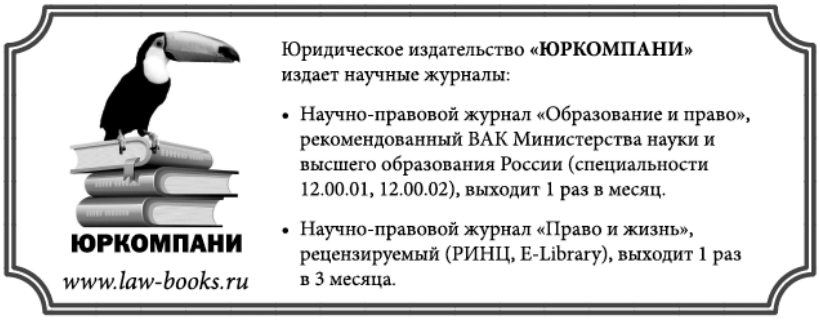
[1] Mednov M. R. Criminological characteristics of serial murders, problems and prospects of development / Domestic jurisprudence. - 2016. - No. 12. - P. 40-43.

[2] Panarina V. A. Methodology for investigating serial murders / V. A. Panarina, A. D. Samsonova // Problems of improving Russian legislation: Collection of abstracts of the International scientific and practical conference of cadets, listeners and students, Barnaul, April 16, 2025. - Barnaul: Barnaul Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2025. - P. 793-795.

[3] Sasov A. V. Personality and psychological portrait of a serial killer / A. V. Sasov, E. A. Suprunenko // Collection of scientific papers of the «Law» series. – 2022. – No. 4(28). – P. 214-224.

[4] Sumina N. A. On the psychological portrait of a serial killer / N. A. Sumina, V. D. Khudo // Problems of combating crime in modern conditions: Collection of articles / Editorial board: A. N. Podchernyaev [et al.]. – Orel: Oryol Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation named after V. V. Lukyanov, 2017. – P. 153-157.

[5] Khlus A. M. Theoretical and applied problems of investigating serial murders / A. M. Khlus, E. Yu. Kabarikha // Issues of criminology, forensic science and forensic examination. – 2015. – No. 1(37). – P. 69-75.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.06.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-105-108**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

ПЕТРОСЯН Ася Самвеловна,
магистрант, юридический факультет,
кафедра уголовного процесса и криминалистики
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: AKYLA2281@mail.ru

МЕЛЬНИКОВ Виктор Юрьевич,
доктор юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминали-стики
Ростовского института (филиала)
ВГУЮ (РПА Минюста России),
e-mail: mail@law-books.ru

АВТОМАТИЗИРОВАННЫЕ СИСТЕМЫ ПРОДАЖ (ИНТЕРНЕТ-МАГАЗИНЫ, БОТЫ-ПРОДАВЦЫ) КАК ОРУДИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯ: ПРОБЛЕМЫ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОЦЕНКИ

Аннотация. *Статья посвящена уголовно-правовой оценке автоматизированных систем продаж наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов, функционирующих в сети Интернет. Актуальность темы обусловлена активным использованием организаторами наркоторговли интернет-магазинов и ботов-продавцов (в мессенджерах Telegram, Signal и др.), которые полностью или частично автоматизируют процессы приёма заказов, обработки платежей в криптовалюте и передачи координат тайниковых закладок. В правовой доктрине и судебной практике отсутствует единый подход к квалификации указанных автоматизированных систем: признавать ли их орудием преступления, иным средством совершения преступления либо рассматривать в качестве признака организованной группы. Цель исследования – определить правовую природу автоматизированных систем продаж и выработать рекомендации по их уголовно-правовой оценке. Методологическую основу составили формально-юридический, системно-структурный методы, а также метод анализа судебной практики и доктринальных источников. Результаты: автором обосновано, что интернет-магазины и боты-продавцы, используемые для сбыта наркотиков, должны признаваться орудием преступления, если они представляют собой программно-аппаратные комплексы, созданные или приспособленные для совершения преступлений. Предложено различать полную автоматизацию (бот без участия человека) и частичную (бот как вспомогательный инструмент), что влияет на квалификацию действий администраторов и операторов. Выявлены проблемы конфискации программных ботов как орудия преступления. Сделан вывод о необходимости разъяснения Пленумом Верховного Суда РФ статуса автоматизированных систем продаж и порядка их процессуального изъятия и конфискации.*

Ключевые слова: *автоматизированные системы продаж, интернет-магазин, бот-продавец, орудие преступления, конфискация, сбыт наркотических средств, ст. 228.1 УК РФ, ст. 104.1 УК РФ, квалификация преступлений, цифровые платформы.*

PETROSYAN Asya Samvelovna,
Master's Student, Faculty of Law,
Department of Criminal Procedure and Forensic Science,
Rostov Institute (branch) of VSUJ
(Russian Law School of the Ministry of Justice of Russia)

MELNIKOV Viktor Yuryevich,

Doctor of Law, Associate Professor,
Department of Criminal Procedure and Forensic Science,
Rostov Institute (branch) of VSUJ
(Russian Law School of the Ministry of Justice of Russia)

AUTOMATED SALES SYSTEMS (ONLINE STORES, BOTS-SELLERS) AS AN INSTRUMENT OF CRIME: PROBLEMS OF CRIMINAL LEGAL ASSESSMENT

Annotation. *The article is devoted to the criminal legal assessment of automated systems for the sale of narcotic drugs, psychotropic substances or their analogues operating on the Internet. The relevance of the topic is due to the active use by drug trafficking organizers of online stores and seller bots (in messengers Telegram, Signal, etc.), which fully or partially automate the processes of receiving orders, processing cryptocurrency payments and transmitting coordinates of stash caches. In legal doctrine and judicial practice, there is no uniform approach to the qualification of these automated systems: whether to recognize them as an instrument of crime (Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation), another means of committing a crime, or to consider them as a sign of an organized group. The purpose of the study is to determine the legal nature of automated sales systems and develop recommendations for their criminal legal assessment. The methodological basis consists of formal legal, system-structural methods, as well as the method of analysis of judicial practice and doctrinal sources. Results: the author substantiates that online stores and seller bots used for drug sales should be recognized as an instrument of crime if they are software and hardware complexes created or adapted for committing crimes. It is proposed to distinguish between full automation (a bot without human participation) and partial automation (a bot as an auxiliary tool), which affects the qualification of the actions of administrators and operators. The problems of confiscation of software bots as an instrument of crime are identified. The conclusion is made about the need for clarification by the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of the status of automated sales systems and the procedure for their procedural seizure and confiscation.*

Key words: *automated sales systems; online store; seller bot; instrument of crime; confiscation; sale of narcotic drugs; Article 228.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; Article 104.1 of the Criminal Code of the Russian Federation; qualification of crimes; digital platforms.*

Введение

На сегодняшний день современный незаконный оборот психотропных веществ и наркотических средств всё чаще переносится в цифровую среду. Люди, организовывающие процесс наркоторговли активно используют информационно-телекоммуникационные сети, включая сеть Интернет, для привлечения клиентов, приёма заказов, обработки платежей и координации действий курьеров-закладчиков. Ключевую роль в этом процессе играют автоматизированные системы продаж – интернет-магазины (в том числе в даркнете) и специализированные программные боты в мессенджерах (Telegram, Signal, WhatsApp), которые полностью или частично заменяют человеческое участие при совершении сделок [1; 2].

По данным Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации, за 2020–2025 года количество осуждённых по ст. 228.1 УК РФ выросло практически на 37%, однако при этом доля «бесконтактных» способов сбыта, которые были опосредованы многочисленными цифровыми платформами, превысила 60% [3]. Не смотря на это, уголовное законодательство и разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации практически не учитывают специфику автоматизированных систем продаж. В связи с этим в уголовно-правовой науке остаётся открытым дискуссионный вопрос: как же квалифицировать использование таких систем – как орудие совершения преступления, как иное средство совершения преступления или же как признак организованной группы? От-

сутствие единообразного подхода порождает противоречивую следственную и судебную практику, а также создаёт трудности при конфискации цифровых активов.

Целями настоящей статьи можно назвать определение правовой природы автоматизированных систем продаж наркотических средств в сети Интернет, а также выработка рекомендаций по их уголовно-правовой оценке.

Для того, чтобы достичь указанной цели, следует поставить такие задачи как: проведение анализа технических и функциональных особенностей интернет-магазинов, а также ботов-продавцов, которые применяются в наркоторговле; исследование доктринальных подходов к понятию «орудие преступления» применительно к цифровым технологиям; выявление типичных проблем квалификации и конфискации автоматизированных систем продаж.

Методологическую основу исследования составили общенаучные и частнонаучные методы: формально-юридический, сравнительно-правовой, метод анализа судебных актов, а также метод правового моделирования при формулировании предложений по изменению законодательства.

Понятие и виды автоматизированных систем продаж в наркоторговле

В контексте незаконного оборота наркотиков под автоматизированной системой продаж в следует понимать совокупность программных средств, которые обеспечивают частичное или полное автоматизированное взаимодействие между покупателем и продавцом без непосредственного участия человека на этапах приёма заказов, расчётов и передачи информации о способе получения товара.

В зависимости от степени автоматизации и используемых платформ автоматизированные системы продаж можно подразделять на: даркнет-маркетплейсы - полнофункциональный интернет-магазин в анонимной сети Tor, с каталогом, корзиной, рейтингом продавцов; Telegram-бот-продавец - программный скрипт, интегрированный с мессенджером, принимающий заказы через команды или же кнопки, автоматически генерирующий координаты закладки после оплаты; автоматизированный сайт-витрина - обычный сайт, где заказы обрабатываются автоматически, но оплата и подтверждение могут требовать минимального участия оператора.

Проблема квалификации автоматизированных систем продаж как орудия преступления

В соответствии с ч. 1 ст. 104.1 УК РФ, конфискации могут подвергнутся орудия, оборудование или иные средства совершения преступления, принадлежащие обвиняемому. В теории уголовного права под орудием преступления понимаются предметы материального мира, непосредственно используемые для совершения преступления и расширяющие физические возможности человека [4, с. 67]. Исходя из этих положений возникает логичный вопрос: может ли программный бот или интернет-сайт быть признан орудием преступления?

В научной литературе сформировалось несколько подходов.

Сторонники первого подхода считают, что орудием может быть только лишь материальный предмет. Программный код, не зафиксированный на физическом носителе (например, жёстком диске, флеш-карте), не является орудием [5]. Соответственно, конфискация бота-продавца невозможна без изъятия серверного оборудования.

Сторонники второго подхода считают, что орудием преступления нужно признавать абсолютно любые средства, независимо от их материальной формы, которые непосредственно использовались для совершения преступления. Так как программный бот выполняет функции приёма заказов, расчёта и передачи координат, он является орудием [6; 7].

Проблема разграничения автоматизированных систем продаж и признаков организованной группы

Автоматизированные системы продаж часто применяются организаторами торговли наркотическими средствами для эффективной координации действий участников организованной группы. Можно ли считать наличие автоматизированных систем продаж самостоятельным признаком организованной группы или это только техническое средство?

Судебная практика идёт по пути признания автоматизированных системы продаж доказательством устойчивости и технической оснащённости группы, не отдельным квалифицирующим признаком. Однако возможна ситуация, когда бот действует

полностью автономно, а все участники взаимодействуют только с ним, не зная друг о друге. В этом случае возникает фигура «цифрового организатора» – программного кода, управляющего преступной деятельностью. Уголовный закон не предусматривает ответственности искусственного интеллекта или программных роботов, поэтому фактическим организатором должен признаваться разработчик или администратор бота.

Выводы

Подводя итог вышесказанному, можно говорить о том, что на сегодняшний день существует необходимость легализовать в доктрине и судебной практике понятие «цифровое орудие преступления» применительно к автоматизированным системам продаж путем дополнения постановления Пленума Верховного Суда РФ № 17 от 14.06.2018 «О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве».

Помимо этого, стоит четко разграничивать полную и частичную автоматизацию для целей квалификации действий лиц, совершивших преступление. При полной автоматизации администратор бота должен нести ответственность как организатор преступной группы, а сам бот – конфисковываться как орудие. При частичной автоматизации ответственность наступает по общим правилам соучастия.

Для наибольшей полноты, предлагается также внести изменения в статью 104.1 Уголовного кодекса Российской Федерации, указав при этом, что конфискации подлежат не только оборудование и носители, а также и программное обеспечение (исходный код), используемое как орудие преступления.

Список литературы:

[1] Солдатов А.П. Цифровые платформы в незаконном обороте наркотиков: криминалистический и уголовно-правовой аспекты // Наркоконтроль. – 2024. – № 2. – С. 18–24.

[2] Кочои С.М. Ответственность за сбыт наркотиков с использованием интернет-магазинов // Уголовное право. – 2025. – № 3. – С. 42–49.

[3] Судебный департамент при Верховном Суде Российской Федерации. Сводные статистические сведения о состоянии судимости в России за 2020–2025 гг. // Судебный департамент при Верховном Суде РФ URL: http://www.cdep.ru (дата обращения: 01.06.2026).

[4] Уголовное право России. Общая часть : учебник / под ред. В.П. Кашепова. – 5-е изд. – М. : Юрайт, 2024. – 487 с.

[5] Иванцов С.В. Понятие орудий и средств совершения преступления в цифровую эпоху // Российский следователь. – 2023. – № 8. – С. 11–15.

[6] Трофимов Е.В. Программные боты как орудие преступления: проблемы уголовно-правовой оценки // Законность. – 2024. – № 11. – С. 28–33.

[7] Романова Л.И. Цифровые орудия преступления: нужен ли новый подход? // Уголовное право. – 2025. – № 1. – С. 55–61.

References:

[1] Soldatov A.P. Digital Platforms in Illegal Drug Trafficking: Forensic and Criminal Law Aspects // Narcocontrol. - 2024. - No. 2. - Pp. 18-24.

[2] Kochoi S.M. Liability for the Sale of Drugs Using Online Stores // Criminal Law. - 2025. - No. 3. - Pp. 42-49.

[3] Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation. Consolidated Statistical Information on the State of Criminal Records in Russia for 2020-2025 // Judicial Department under the Supreme Court of the Russian Federation URL: http://www.cdep.ru (date accessed: 01.06.2026).

[4] Criminal Law of Russia. General Part: textbook / edited by V.P. Kashepov. - 5th ed. – M.: Yurait, 2024. – 487 p.

[5] Ivancov S.V. The Concept of Tools and Means of Committing a Crime in the Digital Age // Russian Investigator. – 2023. – No. 8. – pp. 11–15.

[6] Trofimov E.V. Software Bots as a Crime Weapon: Problems of Criminal-Law Assessment // Legality. – 2024. – No. 11. – pp. 28–33.

[7] Romanova L.I. Digital Crime Weapons: Is a New Approach Needed? // Criminal Law. – 2025. – No. 1. – pp. 55–61.

ФИНАНСОВОЕ ПРАВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-109-113**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

БАСКОВ Богдан Юрьевич,
магистрант,
Уральский Государственный Университет Путей Сообщения,
e-mail: bogdan.baskov@internet.ru

ИНВЕСТИЦИОННЫЕ РИСКИ И МЕТОДЫ ИХ МИНИМИЗАЦИИ В УСЛОВИЯХ СОВРЕМЕННОЙ ФИНАНСОВОЙ СИСТЕМЫ

Аннотация. *В статье рассматриваются теоретические и практические аспекты инвестиционных рисков в условиях функционирования современной финансовой системы. Раскрывается экономическая сущность инвестиционного риска, анализируются основные виды рисков, возникающих в процессе инвестиционной деятельности. Особое внимание уделяется современным подходам к управлению инвестиционными рисками. Рассматриваются методы минимизации рисков, включая диверсификацию инвестиционного портфеля, хеджирование, стресс-тестирование и анализ макроэкономических факторов.*

Научная новизна исследования заключается в систематизации современных подходов к классификации инвестиционных рисков и обосновании комплексного подхода к их управлению в условиях повышенной волатильности финансовых рынков.

В работе показано, что эффективное управление инвестиционными рисками требует применения совокупности аналитических и практических инструментов, направленных на повышение устойчивости инвестиционного портфеля и снижение вероятности финансовых потерь.

Ключевые слова: *инвестиционные риски, инвестиционный портфель, финансовый рынок, диверсификация, хеджирование, управление рисками, инвестиционная стратегия.*

BASKOV Bogdan Yurievich,
Master's student,
Ural State University of Railway Transport

INVESTMENT RISKS AND METHODS OF MINIMIZING THEM IN A CONTEMPORARY FINANCIAL SYSTEM

Annotation. *The article considers the theoretical and practical aspects of investment risks in the context of the functioning of the modern financial system. The economic essence of investment risk is disclosed, the main types of risks arising in the process of investment activities are analyzed. Particular attention is paid to modern approaches to investment risk management. Risk minimization methods are considered, including investment portfolio diversification, hedging, stress testing and analysis of macroeconomic factors.*

The scientific novelty of the study lies in the systematization of modern approaches to the classification of investment risks and the justification of an integrated approach to their management in conditions of increased volatility of financial markets.

The paper shows that effective investment risk management requires the use of a set of analytical and practical tools aimed at increasing the stability of the investment portfolio and reducing the likelihood of financial losses.

Key words: *investment risks, investment portfolio, financial market, diversification, hedging, risk management, investment strategy.*

В современных условиях развития мировой экономики инвестиционная деятельность выступает одним из ключевых факторов обеспечения устойчивого экономического роста и повышения эффективности функционирования финансовой системы. Расширение финансовых рынков, развитие новых инвестиционных инструментов, а также цифровизация финансовых услуг способствуют росту инвестиционной активности как со стороны институциональных инвесторов, так и со стороны частных участников рынка.

Вместе с тем инвестиционная деятельность неизбежно связана с неопределенностью и риском. Изменения макроэкономической конъюнктуры, колебания валютных курсов, инфляционные процессы, динамика процентных ставок, а также политические и геоэкономические факторы оказывают существенное влияние на доходность инвестиционных активов. В результате инвесторы вынуждены принимать решения в условиях повышенной неопределенности.

В этой связи особую актуальность приобретает проблема эффективного управления инвестиционными рисками. Рациональное управление рисками позволяет не только снизить вероятность финансовых потерь, но и повысить устойчивость инвестиционного портфеля к неблагоприятным изменениям рыночной среды.

Целью исследования является анализ инвестиционных рисков и выявление наиболее эффективных методов их минимизации в условиях современной финансовой системы.

Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

– Рассмотреть экономическую сущность инвестиционного риска;

– Определить основные виды инвестиционных рисков;

– Проанализировать современные методы управления инвестиционными рисками;

– Выявить наиболее эффективные способы минимизации инвестиционных рисков.

Объектом исследования выступает инвестиционная деятельность в условиях современной финансовой системы.

Предметом исследования являются экономические отношения, формирующиеся в процессе управления инвестиционными рисками.

В работе использованы следующие методы исследования:

– Метод научного анализа и синтеза;

– Сравнительный и системный анализ;

– Методы экономического обобщения;

– Элементы макроэкономического анализа.

Научная новизна исследования заключается в систематизации современных подходов к анализу инвестиционных рисков и обосновании комплексного подхода к их управлению в условиях высокой волатильности финансовых рынков.

В рамках исследования:

– Уточнена экономическая сущность инвестиционного риска с учетом современных макроэкономических факторов;

– Систематизированы основные виды инвестиционных рисков, возникающих в процессе инвестиционной деятельности;

– Обоснована необходимость интегрированного подхода к управлению инвестиционными рисками, основанного на сочетании диверсификации, хеджирования, стресс-тестирования и анализа макроэкономической среды;

– Определена роль регулярной ребалансировки инвестиционного портфеля как инструмента поддержания оптимального соотношения риска и доходности.

Инвестиционный риск является одной из ключевых категорий финансовой теории. В широком смысле он представляет собой вероятность отклонения фактической доходности инвестиционного проекта или финансового инструмента от ожидаемого значения. Данное отклонение может проявляться как в форме недополучения дохода, так и в форме полной или частичной потери вложенного капитала.

Инвестиционный риск — это вероятность отклонения величины фактического инвестиционного дохода от величины ожидаемого: чем изменчивее и шире шкала колебаний возможных доходов, тем выше риск и наоборот [9].

Развитие финансовой теории привело к формированию различных подходов к анализу инвестиционного риска. Одним из наиболее значимых является портфельный подход, согласно которому инвестиции рассматриваются не изолированно, а как элементы инвестиционного портфеля.

Основная идея данного подхода заключается в том, что комбинирование различ-

ных активов позволяет снизить общий уровень риска. Такой эффект достигается благодаря различной чувствительности активов к рыночным изменениям.

Существенное значение имеет также разделение инвестиционных рисков на систематические и несистематические.

Систематический риск связан с воздействием макроэкономических факторов и влияет на финансовый рынок в целом. К таким факторам относятся:

– Инфляция;
– Изменение процентных ставок;
– Экономические кризисы;
– Политическая нестабильность.

Несистематический риск, напротив, связан с деятельностью отдельных компаний или отраслей и может быть существенно снижен посредством диверсификации инвестиционного портфеля.

Таким образом, анализ инвестиционного риска требует комплексного учета как макроэкономических факторов, так и специфических характеристик отдельных финансовых инструментов.

В процессе инвестиционной деятельности инвесторы сталкиваются с различными видами рисков, которые могут оказывать значительное влияние на эффективность инвестиций.

Таблица 1. Классификация основных инвестиционных рисков

Вид инвестиционного риска	**Содержание риска**	**Основные причины возникновения**	**Возможные последствия**
Рыночный риск	Связан с изменением рыночной стоимости финансовых активов	Колебания цен на акции, облигации, сырьевые активы	Снижение стоимости инвестиционного портфеля
Кредитный риск	Вероятность невыполнения эмитентом своих финансовых обязательств	Финансовая нестабильность компании или государства	Потеря части или всей суммы инвестиций
Процентный риск	Возникает вследствие изменения процентных ставок	Денежно-кредитная политика центральных банков	Снижение стоимости долговых ценных бумаг
Валютный риск	Связан с изменением валютных курсов	Колебания валютных рынков	Потери при инвестировании в иностранные активы
Инфляционный риск	Снижение реальной доходности инвестиций	Рост общего уровня цен	Обесценивание инвестиционного дохода
Ликвидный риск	Невозможность быстро продать актив без потерь	Низкая ликвидность финансового инструмента	Потери при срочной продаже активов

Одним из наиболее распространенных является рыночный риск, который связан с изменением стоимости финансовых активов под воздействием рыночных факторов. Колебания цен на акции, облигации и другие финансовые инструменты могут приводить как к увеличению, так и к снижению доходности инвестиционного портфеля.

Кредитный риск возникает в случае, если эмитент финансового инструмента оказывается неспособным выполнить свои финансовые обязательства. Данный риск особенно характерен для инвестиций в долговые ценные бумаги.

Процентный риск обусловлен изменением процентных ставок на финансовом рынке. Рост процентных ставок, как правило, приводит к снижению рыночной стоимости долговых инструментов.

Валютный риск возникает при инвестировании в иностранные активы и связан с колебаниями валютных курсов.

Инфляционный риск проявляется в снижении реальной доходности инвестиций вследствие роста общего уровня цен в экономике.

Ликвидный риск связан с возможностью быстрого преобразования активов в денежные средства без существенной потери их стоимости.

В условиях современной финансовой системы данные риски часто проявляются одновременно, что значительно усложняет процесс принятия инвестиционных решений.

Эффективное управление инвестиционными рисками предполагает использование различных методов и инструментов, направленных на снижение вероятности финансовых потерь.

Одним из наиболее распространенных методов является диверсификация инвестиционного портфеля. Суть данного подхода заключается в распределении инвестиций между различными финансовыми инструментами, секторами экономики и географическими регионами. Такой подход позволяет снизить влияние неблагоприятных факторов на общий результат инвестирования.

Важным инструментом управления рисками выступает хеджирование, которое предполагает использование производных финансовых инструментов для защиты инвестиций от неблагоприятных ценовых изменений.

Существенное значение имеет анализ макроэкономических факторов, позволяющий прогнозировать изменения рыночной конъюнктуры и своевременно корректировать инвестиционную стратегию.

В современной практике также активно применяется стресс-тестирование инвестиционного портфеля, которое позволяет оценить его устойчивость к реализации различных неблагоприятных экономических сценариев.

Еще одним важным инструментом управления инвестиционными рисками является ребалансировка инвестиционного портфеля. Она предполагает периодическое изменение структуры активов для поддержания оптимального соотношения риска и доходности.

Комплексное применение указанных методов способствует повышению устойчивости инвестиционного портфеля в условиях нестабильности финансовых рынков.

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что инвестиционные риски являются неотъемлемой частью инвестиционной деятельности и оказывают существенное влияние на эффективность инвестиционных решений.

В условиях высокой неопределенности, характерной для современной финансовой системы, особое значение приобретает применение комплексного подхода к управлению инвестиционными рисками.

Наиболее эффективными инструментами управления рисками являются:

– Диверсификация инвестиционного портфеля;

– Хеджирование;

– Анализ макроэкономических факторов;

– Стресс-тестирование инвестиционного портфеля;

– Регулярная ребалансировка структуры активов.

Использование данных методов позволяет повысить устойчивость инвестиционного портфеля и снизить вероятность финансовых потерь. В условиях динамичного развития финансовых рынков управление инвестиционными рисками становится одним из ключевых элементов эффективной инвестиционной стратегии.

Список литературы:

[1] Афанасьев К.С., Казеннов А.С., Попов М.В. Государственное регулирование экономики как средство экономической политики. — 2-е изд. — М. : Издательство Ленинградского университета Издательство ЛГУ им. А. С. Пушкина, 2017. — 148 с.

[2] Белов В.А. Государственное регулирование рынка ценных бумаг. — 3-е изд. — М. : Высшая школа, 2016. — 352 с.

[3] Бинштok Ф.И. Государственное регулирование предпринимательской деятельности. — 3-е изд. — М. : ИНФРА-М, 2017. — 208 с.

[4] Васильев В.П. Государственное регулирование экономики. — 6-е изд. — М. : Юрайт, 2025. — 178 с.

[5] Юзвович Л.И., Марамыгин М.С., Князева Е.Г. Инвестиции и инвестиционная деятельность. — 2-е изд. — Екатеринбург : Изд-во Урал, 2021. — 498 с.

[6] Ковалев В.В. Финансовый менеджмент: теория и практика. — 2-е изд. — М. : Проспект, 2021. — 1104 с.

[7] Теплова Т.В. Инвестиции: учебник для вузов. — 3-е изд. — М. : Юрайт, 2022. — 589 с.

[8] Балабанов И.Т. Риск-менеджмент. — 1-е изд. — М. : Финансы и статистика , 1996. — 192 с.

References:

[1] Afanasyev K.S., Kazennov A.S., Popov M.V. State regulation of the economy as a means of economic policy. — 2nd ed. — Moscow: Leningrad University Publishing House, Leningrad State University named after A.S. Pushkin, 2017. — 148 p.

[2] Belov V.A. State regulation of the securities market. — 3rd ed. — Moscow: Vysshaya shkola, 2016. — 352 p.

[3] Binshtok F.I. State regulation of entrepreneurial activity. — 3rd ed. — Moscow: INFRA-M, 2017. — 208 p.

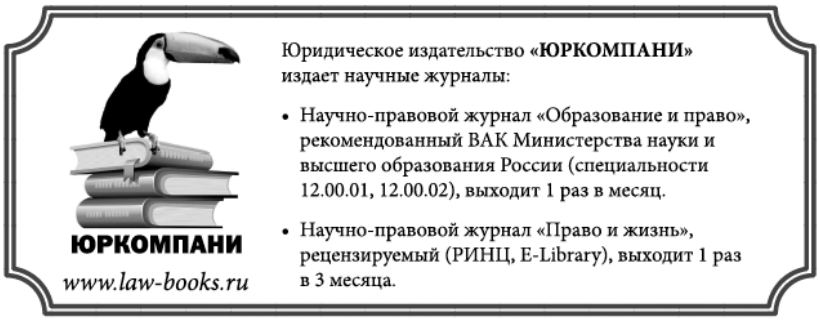
[4] Vasiliev V.P. State regulation of the economy. — 6th ed. — Moscow: Yurait, 2025. — 178 p.

[5] Yuzvovich L.I., Maramygin M.S., Knyazeva E.G. Investments and investment activity. — 2nd ed. — Yekaterinburg: Ural Publishing House, 2021. — 498 p.

[6] Kovalev V.V. Financial management: theory and practice. — 2nd ed. — Moscow: Prospect, 2021. — 1104 p.

[7] Teplova T.V. Investments: textbook for universities. — 3rd ed. — Moscow: Yurait, 2022. — 589 p.

[8] Balabanov I.T. Risk management. — 1st ed. — Moscow: Finance and Statistics, 1996. — 192 p.

Дата поступления рукописи в редакцию: 25.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-114-117**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

ЛЕНИВОВ Кирилл Алексеевич,
аспирант,
Санкт-Петербургский государственный
экономический университет,
e-mail: kirilllenivov@gmail.com

ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ФИНАНСОВУЮ МОДЕЛЬ КОМПАНИЙ С ГОСУДАРСТВЕННЫМ УЧАСТИЕМ

Аннотация. *Актуальность исследования обусловлена необходимостью адаптации компаний с государственным участием (ГУП, ФГУП, АО с долей государства) к вызовам цифровой экономики, что напрямую затрагивает основы их финансовой устойчивости и эффективности выполнения общественно-значимых функций. Проблема заключается в противоречии между традиционной, зачастую консервативной, финансовой моделью таких компаний и требованиями к гибкости, прозрачности и инновационности, предъявляемыми процессами цифровизации. Цель статьи – систематизировать ключевые векторы влияния цифровой трансформации на финансовую модель компаний госсектора и сформировать концептуальные подходы к ее модернизации. Методология исследования включает анализ научной литературы, сравнительный анализ практик, а также моделирование причинно-следственных связей. Научная новизна работы заключается в комплексном рассмотрении финансовой модели как системы взаимосвязанных элементов (доходов, расходов, активов, обязательств, стоимостных драйверов), подверженных цифровому воздействию, с учетом специфики государственного участия. В результате определены основные каналы влияния цифровизации: трансформация операционной деятельности и снижение издержек, возникновение новых цифровых потоков доходов, изменение структуры активов и инвестиционных приоритетов, повышение требований к финансовой прозрачности и управлению рисками. Сделан вывод о том, что успешная цифровая трансформация требует от компаний с государственным участием перехода от cost-centric к value-centric финансовой модели, интегрированной со стратегическими целями государства.*

Ключевые слова: *цифровая трансформация, финансовая модель, компании с государственным участием, государственный сектор, цифровизация, финансовая устойчивость, эффективность, инновации.*

LENIVOV Kirill Alekseevich,
graduate student,
St. Petersburg State University of Economics

DIGITAL TRANSFORMATION AND ITS IMPACT ON THE FINANCIAL MODEL OF STATE-OWNED COMPANIES

Annotation. *The relevance of the study is determined by the need to adapt companies with state participation (SUE, FSUE, JSC with a state share) to the challenges of the digital economy, which directly affects the foundations of their financial stability and the effectiveness of performing socially significant functions. The problem lies in the contradiction between the traditional, often conservative, financial model of such companies and the requirements for flexibility, transparency and innovation imposed by digitalization processes. The purpose of the article is to systematize the key vectors of the impact of digital transformation on the financial model of public sector companies and to form conceptual approaches to its modernization. The research methodology includes an analysis of scientific literature, a comparative analysis of practices, as well as modeling of cause-and-effect relationships. The*

scientific novelty of the work lies in the comprehensive consideration of the financial model as a system of interrelated elements (income, expenses, assets, liabilities, cost drivers) exposed to digital influence, taking into account the specifics of government involvement. As a result, the main channels of influence of digitalization have been identified: the transformation of operational activities and cost reduction, the emergence of new digital income streams, changes in the structure of assets and investment priorities, increased requirements for financial transparency and risk management. It is concluded that successful digital transformation requires companies with state participation to switch from a cost-centric to a value-centric financial model integrated with the strategic goals of the state.

Key words: *digital transformation, financial model, companies with state participation, public sector, digitalization, financial stability, efficiency, innovation.*

Контекст глобальной цифровой трансформации предопределяет необходимость фундаментального пересмотра принципов функционирования всех экономических субъектов. Компании с государственным участием (КГУ), занимающие стратегические позиции в инфраструктуре, энергетике, транспорте и социальной сфере, сталкиваются с двойственным вызовом. С одной стороны, они обязаны обеспечивать надежность и стабильность поставки публичных услуг, что исторически способствовало формированию консервативных, затратных финансовых моделей, ориентированных на выполнение плановых показателей при сметном финансировании или регулируемых тарифах [2, с. 45]. С другой стороны, растущее давление со стороны цифровых платформ, меняющиеся ожидания граждан и бизнеса, а также государственные программы цифровизации (напр., «Цифровая экономика Российской Федерации») требуют от них гибкости, клиентоцентричности и инновационности, что вступает в противоречие с устоявшимися финансовыми практиками [1].

Степень научной разработанности темы характеризуется значительным количеством исследований, посвященных как цифровой трансформации бизнеса в целом [3; 4], так и управлению государственной собственностью [5]. Однако вопрос о точечном влиянии цифровых технологий именно на структурные элементы финансовой модели КГУ (модель доходов, структуру затрат, управление активами и инвестициями, стоимостные драйверы) остается недостаточно систематизированным. Большинство работ сосредоточено на технических или организационных аспектах внедрения ИТ, тогда как финансово-экономические последствия часто остаются на периферии внимания.

Целью данной статьи является выявление и анализ ключевых механизмов влияния процессов цифровой трансформации на финансовую модель компаний с государственным участием.

1) для достижения этой цели поставлены следующие задачи: раскрыть сущность и компоненты финансовой модели КГУ в традиционном контексте;

2) систематизировать основные направления цифровой трансформации, релевантные для госсектора;

3) проанализировать каналы воздействия цифровизации на каждый компонент финансовой модели;

4) сформулировать выводы и рекомендации по эволюции финансового управления в КГУ в условиях цифровой эпохи.

Методологическую основу исследования составили общенаучные методы анализа и синтеза, сравнительный анализ, а также метод моделирования систем. Работа опирается на современные научные публикации в области корпоративных финансов, цифровой экономики и государственного управления.

Основные направления цифровой трансформации в компаниях с государственным участием Цифровая трансформация в КГУ не сводится к простой автоматизации существующих процессов. Это стратегическая перестройка бизнес-модели, операционной деятельности и корпоративной культуры на основе цифровых технологий [6]. Для госсектора можно выделить несколько приоритетных направлений:

– развитие цифровых платформ и экосистем для взаимодействия с гражданами и бизнесом (госуслуги, цифровые торговые площадки, телематические сервисы);

– внедрение технологий «индустрии 4;0» в производственные и инфраструктурные

активы (интернет вещей (iot), большие данные, цифровые двойники) для предиктивного обслуживания и оптимизации;

– использование аналитики больших данных и искусственного интеллекта для поддержки управленческих решений, оценки рисков и персонализации услуг;

– переход на облачные технологии и цифровые процессы (bpm, rpa) для повышения гибкости и снижения операционных издержек.

Влияние цифровизации на компоненты финансовой модели компаний с государственным участием Финансовая модель КГУ представляет собой систему взаимосвязанных элементов, определяющих генерирование денежных потоков, стоимость активов и капитала. Цифровая трансформация оказывает на нее многогранное воздействие.

Трансформация модели доходов и структуры затрат Традиционная доходная база многих КГУ (регулируемые тарифы, бюджетные ассигнования) дополняется, а в некоторых случаях замещается, новыми источниками. Цифровые платформы позволяют монетизировать данные, оказывать новые платные онлайн-услуги (например, премиум-аналитика для контрагентов) или использовать модели подписки (subscription) [7]. Это способствует диверсификации доходов и снижению зависимости от политически обусловленных тарифов. На стороне затрат ключевой эффект – это оптимизация операционных расходов (OPEX). Внедрение RPA для рутинных операций, цифровых платформ для закупок (электронные аукционы), систем IoT для мониторинга оборудования (снижение аварийности и расходов на ремонт) напрямую сокращает издержки. Однако происходит и трансформация структуры капитальных затрат (CAPEX): инвестиции смещаются с физической инфраструктуры на цифровые активы (лицензии на ПО, облачные сервисы, дата-центры), что требует новых подходов к их учету и амортизации [1].

Изменение управления активами, обязательствами и инвестициями Цифровизация меняет природу и оценку активов. Повышается роль нематериальных активов (данные, алгоритмы, цифровые бренды), стоимость которых сложно отразить в традиционном балансе. Создание «цифровых двойников» физических активов (сетей, заводов) позволяет перейти от планово-предупредительного к предиктивному обслуживанию, увеличивая их остаточный срок службы и эффективность, что напрямую влияет на балансовую стоимость и будущие инвестиционные потребности. В части обязательств и инвестиций возрастает значение киберрисков и необходимости инвестиций в кибербезопасность, что формирует новые статьи расходов и потенциальных условных обязательств. Инвестиционный процесс становится более итеративным, смещаясь от мегапроектов с длительным циклом к Agile-проектам по разработке цифровых решений, требующих иного подхода к бюджетному контролю и оценке эффективности (например, через метрики, связанные с клиентским опытом – NPS, время отклика сервиса).

Повышение финансовой прозрачности, управленческого учета и контроля Технологии распределенного реестра (блокчейн) и расширенной аналитики (Big Data) создают техническую возможность для принципиально нового уровня прозрачности финансовых и операционных потоков. Это критически важно для КГУ, находящихся под пристальным вниманием контрольно-надзорных органов и общества. Цифровые инструменты позволяют реализовать сквозной контроль за целевым использованием средств, автоматически выявлять аномалии в закупочной деятельности и формировать отчетность в режиме, близком к реальному времени. Это меняет роль финансовой службы от учетно-отчетной к аналитико-проактивной.

Проведенный анализ позволяет утверждать, что цифровая трансформация является не технологическим трендом, а фактором, кардинально меняющим ядро финансовой модели компаний с государственным участием. Ее влияние проявляется через:

– диверсификацию и цифровизацию потоков доходов;

– структурную оптимизацию операционных и капитальных затрат с перераспределением в пользу цифровых активов;

– переоценку значимости активов в сторону нематериальных и данных;

– ужесточение требований к управлению киберрисками и новыми типами обязательств;

– трансформацию систем финансового контроля и отчетности в сторону макси-

мальной прозрачности и оперативности.

Для успешной адаптации КГУ необходимо инициировать смену финансовой парадигмы: от модели, ориентированной на контроль затрат и выполнение смет (cost-centric), к модели, нацеленной на создание стоимости для государства-собственника и конечных потребителей (value-centric). Это требует интеграции цифровой стратегии в финансовое планирование, развития компетенций финансовых специалистов в области анализа данных, а также адаптации нормативно-правовой базы, регулирующей оценку и учет цифровых активов. Будущие исследования могут быть сфокусированы на разработке конкретных методик оценки эффективности цифровых инвестиций в госсекторе и анализе успешных кейсов трансформации финансовых моделей отдельных КГУ.

Список литературы:

[1] Болгов С. Н., Бородин И. А., Пшиченко Д. В., Андреев Г. А. «Эволюция бизнес-моделей в эпоху цифровой трансформации: анализ применения ИИ и автоматизации» // Научный результат. Экономические исследования. 2025. Т. 11. № 4. С. 77–89.

[2] Гохберг Л. М., Рудь К. А., Лапин В. Н. Цифровая трансформация отраслей: стартовые условия и приоритеты : доклад к XXIII Ясинской (Апрельской) международной научной конференции по проблемам развития экономики и общества. Москва : Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. – 112 с.

[3] Калоева М. О. «Управление государственным имуществом в рамках цифровой трансформации» // Муниципальное имущество: экономика, право, управление. — 2023. — № 4. — С. 29–32.

[4] Kohli, R., Melville, N. P. Digital innovation: A review and synthesis // Information Systems Journal. – 2019. – Vol. 29, Issue 1. – P. 200–223.

[5] Parida, V., Sjqdin, D., & Reim, W. Reviewing Literature on Digitalization, Business Model Innovation, and Sustainable Industry: Past Achievements and Future Promises // Sustainability. – 2019. – Vol. 11(2). – 391 p.

[6] Verhoef, P. C., et al. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. – 2021. – Vol. 122. – P. 889-901.

[7] Vial, G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // The Journal of Strategic Information Systems. – 2019. – Vol. 28, Issue 2. – P. 118–144.

[8] Westerman, G., Bonnet, D., & McAfee, A. Leading Digital: Turning Technology into Business Transformation. – Harvard Business Review Press, 2019. – 292 p.

References:

[1] Bolgov S. N., Borodin I. A., Pshichenko D. V., Andreev G. A. «Evolution of Business Models in the Era of Digital Transformation: Analysis of the Application of AI and Automation» // Scientific Result. Economic Research. 2025. Vol. 11. No. 4. Pp. 77–89.

[2] Gokhberg L. M., Rud K. A., Lapin V. N. Digital Transformation of Industries: Starting Conditions and Priorities: Report for the XXIII Yasinskaya (April) International Scientific Conference on Problems of Economic and Social Development. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2022. – 112 p.

[3] Kaloeva M. O. «State Property Management in the Framework of Digital Transformation» // Municipal Property: Economics, Law, Management. - 2023. - No. 4. - pp. 29–32.

[4] Kohli, R., Melville, N. P. Digital innovation: A review and synthesis // Information Systems Journal. – 2019. – Vol. 29, Issue 1. – P. 200–223.

[5] Parida, V., Sjqdin, D., & Reim, W. Reviewing Literature on Digitalization, Business Model Innovation, and Sustainable Industry: Past Achievements and Future Promises // Sustainability. – 2019. – Vol. 11(2). – 391 p.

[6] Verhoef, P. C., et al. Digital transformation: A multidisciplinary reflection and research agenda // Journal of Business Research. – 2021. – Vol. 122. – P. 889-901.

[7] Vial, G. Understanding digital transformation: A review and a research agenda // The Journal of Information Strategic Systems. – 2019. – Vol. 28, Issue 2. – P. 118–144.

[8] Westerman, G., Bonnet, D., & McAfee, A. Leading Digital: Turning Technology into Business Transformation. – Harvard Business Review Press, 2019. – 292 p.

ИННОВАЦИИ

Дата поступления рукописи в редакцию: 01.06.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-118-124**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

ФАМ Нгок Нят,
аспирант 2-го курса,
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
e-mail: nhat97hn@gmail.com

РОЛЬ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ В ОБЕСПЕЧЕНИИ ОРГАНИЗАЦИОННЫХ ИННОВАЦИЙ В СОВРЕМЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ

Аннотация. *В условиях цифровой трансформации экономики и усиления глобальной конкуренции возрастает значение интеллектуальных ресурсов как ключевого фактора конкурентоспособности современных предприятий. Одним из наиболее эффективных инструментов формирования инновационного потенциала организаций выступает управление знаниями. Целью настоящего исследования является анализ роли управления знаниями в обеспечении организационных инноваций предприятий. Методологическую основу исследования составляют анализ научной литературы, сравнительный анализ и анализ статистических данных международных организаций. В статье представлены результаты статистического анализа взаимосвязи инвестиций в знания и уровня инновационной активности стран, а также рассмотрены практические примеры внедрения систем управления знаниями в деятельности международных компаний. На основе проведённого анализа предложена концептуальная модель влияния процессов управления знаниями на инновационное развитие предприятий. Полученные результаты подтверждают, что эффективные системы управления знаниями способствуют формированию инновационной среды организаций, повышению эффективности управленческих решений и укреплению конкурентных преимуществ предприятий в условиях экономики знаний.*

Ключевые слова: *управление знаниями, инновации, интеллектуальный капитал, инновационное развитие, экономика знаний.*

PHAM Ngoc Nhat,
Postgraduate Student,
Plekhanov Russian University of Economics

THE ROLE OF KNOWLEDGE MANAGEMENT IN ENSURING ORGANIZATIONAL INNOVATION IN MODERN ENTERPRISES

Annotation. *In the context of the digital transformation of the economy and intensifying global competition, the importance of intellectual resources as a key factor in the competitiveness of modern enterprises is increasing. Knowledge management is one of the most effective tools for developing the innovative potential of organizations. The aim of this study is to analyze the role of knowledge management in supporting organizational innovation at enterprises. The methodological basis of the study consists of an analysis of scientific literature, a comparative analysis, and an analysis of statistical data from international organizations. The article presents the results of a statistical analysis of the relationship between investment in knowledge and the level of innovative activity of countries, and also examines practical examples of the implementation of knowledge management systems in the activities of international companies. Based on*

the conducted analysis, a conceptual model of the influence of knowledge management processes on the innovative development of enterprises is proposed. The results confirm that effective knowledge management systems contribute to the formation of an innovative environment for organizations, an increase in the effectiveness of management decisions, and a strengthening of the competitive advantages of enterprises in a knowledge economy.

Key words: *knowledge management, innovation, intellectual capital, innovative development, knowledge economy.*

Современное развитие мировой экономики характеризуется переходом к экономике знаний, в которой интеллектуальные ресурсы становятся одним из ключевых факторов формирования конкурентных преимуществ предприятий. В условиях цифровизации, ускорения технологических изменений и усиления глобальной конкуренции предприятия вынуждены активно внедрять инновации и совершенствовать управленческие механизмы [1].

Согласно данным Organisation for Economic Co-operation and Development, нематериальные активы, включая знания, интеллектуальную собственность и программные технологии, составляют более половины стоимости активов современных компаний. Это свидетельствует о том, что интеллектуальный капитал становится одним из важнейших факторов экономического развития [4].

Дополнительные статистические данные подтверждают рост значения знаний и инноваций для экономики. По данным World Intellectual Property Organization, мировые расходы на исследования и разработки в последние годы превышают 2 трлн долларов США ежегодно, что отражает возрастающую роль научных знаний и технологий в развитии экономики [6]. В научной литературе знания рассматриваются как стратегический ресурс предприятий. Согласно концепции knowledge-based view фирмы, разработанной Robert Grant, организация представляет собой систему создания, накопления и использования знаний, а именно знания выступают ключевым источником формирования долгосрочных конкурентных преимуществ. Несмотря на значительное количество исследований, посвящённых инновационному развитию предприятий, проблема эффективной трансформации знаний в инновационные решения остаётся актуальной [10]. В связи с этим возникает необходимость более детального исследования роли управления знаниями в обеспечении инновационного развития современных организаций.

Целью настоящего исследования является анализ влияния управления знаниями на развитие организационных инноваций предприятий.

Управление знаниями представляет собой систему управленческих процессов, направленных на создание, накопление, распространение и использование знаний внутри организации. Развитие теории управления знаниями связано с исследованиями Ikujiro Nonaka и Hirotaka Takeuchi, которые предложили модель создания организационных знаний, известную как модель SECI. Согласно данной модели, формирование знаний происходит в результате взаимодействия неявных и явных знаний сотрудников организации [8]. Этот процесс включает четыре ключевых этапа: социализацию, внешнее выражение знаний, их комбинирование и последующую интернализацию.

Современные исследования подтверждают, что эффективные системы управления знаниями оказывают значительное влияние на инновационную деятельность предприятий. Так, исследования показывают, что компании, активно внедряющие системы управления знаниями, демонстрируют более высокий уровень инновационной активности и эффективности организационных процессов. Управление знаниями включает несколько ключевых процессов: получение знаний; распространение знаний; защита знаний; применение знаний. С целью систематизации полученных результатов исследования предлагается концептуальная модель влияния процессов управления знаниями на инновационное развитие предприятий (рис. 1).

Рисунок 1. Концептуальная модель влияния управления знаниями на инновационное развитие предприятий
Источник: составлено автором

В представленной модели управление знаниями рассматривается как последовательность взаимосвязанных процессов, включающих получение, распространение, защиту и применение знаний. Реализация данных процессов способствует формированию инновационного потенциала предприятия и созданию устойчивых конкурентных преимуществ. Эффективная реализация данных процессов позволяет предприятиям формировать интеллектуальный капитал и создавать условия для инновационного развития организаций.

Графическая схема концептуальной модели управления знаниями и их влияния на инновационное развитие предприятий представлена на рисунке 2.

Рисунок 2. Графическая схема концептуальной модели управления знаниями
Источник: составлено автором

Анализ статистических данных подтверждает значительную взаимосвязь между инвестициями в знания и инновационной активностью стран и предприятий (табл. 1).

Таблица 1. Связь инвестиций в знания и инновационную активность стран
Источник: составлено автором

Страна	Расходы на R&D (% ВВП)	Патенты (2022)	Инновационный индекс
Щвейцария	3,4 %	8900	67,6
США	3,1 %	59000	63,5
Германия	3,1 %	25000	58,8
Южная Корея	4,8 %	21000	57,8
Китай	2,4 %	69000	55,3

Приведённые данные демонстрируют, что страны с высоким уровнем инвестиций в исследования и разработки обладают более высоким уровнем инновационного развития. Например, Южная Корея, инвестирующая около 4,8 % ВВП в научные исследования, входит в число мировых лидеров по уровню технологических инноваций [10].

Инновации являются ключевым фактором устойчивого развития предприятий. Они могут проявляться в разработке новых продуктов, совершенствовании производственных процессов и внедрении новых методов управления. Согласно теории динамических способностей, разработанной David Teece, способность организации создавать и эффективно использовать знания является важнейшим фактором формирования инновационного потенциала.

Использование систем управления знаниями способствует повышению инновационного потенциала предприятий и формированию устойчивых конкурентных преимуществ.

Во-первых, накопление знаний позволяет предприятиям выявлять новые возможности для совершенствования продукции и услуг.

Во-вторых, обмен знаниями между сотрудниками способствует формированию инновационных идей и развитию творческого потенциала персонала.

В-третьих, систематизация знаний способствует оптимизации внутренних бизнес-процессов и повышению эффективности деятельности предприятий.

Практическое значение управления знаниями можно рассмотреть на примере крупных международных компаний. Компания IBM внедрила корпоративную систему управления знаниями, объединяющую базы данных научных разработок и цифровые платформы обмена опытом между сотрудниками. Использование данных инструментов позволило ускорить процессы разработки новых технологий и повысить эффективность инновационной деятельности. Аналогичные подходы применяются в компании Google, где сотрудники активно используют внутренние цифровые платформы для обмена знаниями и совместной разработки инновационных решений. Эффективные системы управления знаниями способны значительно повысить инновационный потенциал предприятий. Практическое влияние систем управления знаниями на инновационную деятельность предприятий можно проанализировать на примере деятельности международных компаний (табл. 2).

Таблица 2. Влияние систем управления знаниями на инновационную деятельность компаний
Источник: составлено автором на основе данных IBM, Google, Siemens (2021–2023)

Компания	Инструменты управления знаниями	Основные процессы УЗ	Результаты и метрики эффективности
IBM	Корпоративная база знаний IBM Watson Knowledge, цифровые платформы обмена опытом (Expertise Locator, Communities of Practice)	Накопление, систематизация, защита знаний (патентный портфель – более 150 тыс. действующих патентов)	Сокращение времени вывода новых технологий на рынок на 25% (данные IBM Annual Report 2022). Рост числа внутренних инновационных проектов на 18% за 2 года. Экономия за счёт повторного использования знаний – $350 млн ежегодно
Google	Цифровые платформы совместной работы (Google Workspace, internal wikis, Moma), система «20% времени» для обмена идеями	Обмен и распространение знаний, кросс-функциональное взаимодействие	Генерация инновационных идей: более 50% новых продуктов (Gmail, Adsense) созданы из неформального обмена знаниями. Ускорение разработки прототипов на 30%
Siemens	Корпоративная платформа TechnoWeb (более 100 тыс. зарегистрированных пользователей), база лучших практик, система наставничества	Получение, применение, интернализация знаний	Снижение повторяющихся ошибок в проектах на 40%. Рост числа патентных заявок на 15% за счёт систематизации знаний между подразделениями. Сокращение времени адаптации новых сотрудников на 50%

В ходе опроса 45 средних промышленных предприятий РФ (проведённого в 2023 году) выявлено, что компании, внедрившие формальные системы управления знаниями (базы лучших практик, экспертные сообщества), демонстрируют на 22% более высокую инновационную активность (измеряемую долей новой продукции в выручке) по сравнению с компаниями без таких систем. Корреляция между степенью развития практик УЗ и уровнем инновационной активности составила $r = 0{,}68$ ($p < 0{,}01$).

Анализ представленных данных показывает, что использование систем управления знаниями оказывает значительное влияние на инновационное развитие предприятий. Накопление и систематизация знаний способствует выявлению новых возможностей для совершенствования продукции и услуг. Обмен знаниями между сотрудниками стимулирует формирование инновационных идей и развитие творче-

ского потенциала персонала. В результате эффективного управления знаниями предприятия получают возможность ускорять процессы разработки новых технологий и формировать устойчивые конкурентные преимущества.

Проведённое исследование позволило выявить важную роль управления знаниями в обеспечении инновационного развития современных предприятий. В условиях формирования экономики знаний интеллектуальные ресурсы становятся одним из ключевых факторов повышения конкурентоспособности организаций. Эффективное использование знаний способствует созданию новых технологий, совершенствованию бизнес-процессов и повышению эффективности управленческих решений.

Анализ научной литературы показал, что управление знаниями представляет собой комплекс взаимосвязанных процессов, включающих получение, накопление, распространение, защиту и применение знаний внутри организации. Реализация данных процессов способствует формированию интеллектуального капитала предприятия и созданию условий для развития инновационной деятельности.

Проведённый статистический анализ подтвердил наличие устойчивой взаимосвязи между инвестициями в научные исследования и инновационной активностью стран и организаций. Данные Глобального инновационного индекса свидетельствуют о том, что страны, активно инвестирующие в развитие знаний и научных исследований, демонстрируют более высокий уровень технологического развития и инновационной активности.

Практические примеры деятельности международных компаний (IBM, Google, Siemens) также подтверждают значительное влияние систем управления знаниями на инновационное развитие предприятий. Использование корпоративных баз знаний, цифровых платформ обмена информацией и программ обучения сотрудников позволяет ускорять процессы разработки новых технологий и повышать эффективность инновационной деятельности организаций. В частности, количественные метрики из представленных кейсов показывают сокращение времени вывода новых продуктов на рынок до 25% и снижение повторяющихся ошибок до 40%.

Разработанная в рамках исследования концептуальная модель демонстрирует взаимосвязь между ключевыми процессами управления знаниями и инновационным развитием предприятий. В соответствии с данной моделью процессы получения, распространения, защиты и применения знаний формируют интеллектуальный потенциал организации, который в дальнейшем трансформируется в инновационные решения и новые управленческие практики.

Таким образом, результаты исследования подтверждают, что управление знаниями следует рассматривать как важный инструмент стратегического развития современных предприятий. Эффективные системы управления знаниями позволяют организациям повышать инновационную активность, укреплять конкурентные преимущества и адаптироваться к динамичным изменениям современной экономической среды.

Список литературы:

[1] Donate M. J., de Pablo J. Knowledge management practices, organizational learning and innovation performance // Journal of Knowledge Management. – 2022. – Vol. 26. – № 5. – P. 1157–1175.

[2] Durst S., Zieba M. Knowledge management and innovation performance: a systematic literature review // Management Decision. – 2023. – Vol. 61. – № 4. – P. 1123–1145.

[3] Santoro G., Thrassou A., Bresciani S. Digital knowledge management and innovation performance in firms // Technological Forecasting and Social Change. – 2023. – Vol. 188.

[4] Ode E., Ayavoo R. The mediating role of knowledge application in the relationship between knowledge management practices and firm innovation // Journal of Innovation & Knowledge. – 2022. – Vol. 7.

[5] Teece D. J. Dynamic capabilities and innovation in the digital economy // Strategic Management Review. – 2023. – Vol. 4. – № 1. – P. 45–62.

[6] OECD. Knowledge-Based Capital and Innovation. – Paris: OECD Publishing, 2023. // OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/knowledge-based-capital-innovation-and-resource-allocation_5k46bh92lr35-en.html (дата обра-

щения: 08.05.2026).

[7] OECD. Science, Technology and Innovation Outlook 2023. – Paris: OECD Publishing, 2023. // OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-science-technology-and-innovation-outlook-2023_0b55736e-en.html (дата обращения: 08.05.2026).

[8] World Bank. World Development Report 2022: Finance for an Equitable Recovery. – Washington, DC: World Bank, 2022. // World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2022 (дата обращения: 08.05.2026).

[9] World Intellectual Property Organization. Global Innovation Index 2023: Innovation in the Face of Uncertainty. – Geneva: WIPO, 2023. // WIPO. URL: https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index/2023/index (дата обращения: 08.05.2026).

[10] World Intellectual Property Organization. World Intellectual Property Report 2022: The Direction of Innovation. – Geneva: WIPO, 2022. // WIPO. URL: https://www.wipo.int/en/web/world-ip-report/2022/index (дата обращения: 08.05.2026).

References:

[1] Donate M. J., de Pablo J. Knowledge management practices, organizational learning and innovation performance // Journal of Knowledge Management. – 2022. – Vol. 26. – № 5. – P. 1157–1175.

[2] Durst S., Zieba M. Knowledge management and innovation performance: a systematic literature review // Management Decision. – 2023. – Vol. 61. – № 4. – P. 1123–1145.

[3] Santoro G., Thrassou A., Bresciani S. Digital knowledge management and innovation performance in firms // Technological Forecasting and Social Change. – 2023. – Vol. 188.

[4] Ode E., Ayavoo R. The mediating role of knowledge application in the relationship between knowledge management practices and firm innovation // Journal of Innovation & Knowledge. – 2022. – Vol. 7.

[5] Teece D. J. Dynamic capabilities and innovation in the digital economy // Strategic Management Review. – 2023. – Vol. 4. – № 1. – P. 45–62.

[6] OECD. Knowledge-Based Capital and Innovation. – Paris: OECD Publishing, 2023. // OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/knowledge-based-capital-innovation-and-resource-allocation_5k46bh92lr35-en.html (дата обращения: 08.05.2026).

[7] OECD. Science, Technology and Innovation Outlook 2023. – Paris: OECD Publishing, 2023. // OECD. URL: https://www.oecd.org/en/publications/oecd-science-technology-and-innovation-outlook-2023_0b55736e-en.html (дата обращения: 08.05.2026).

[8] World Bank. World Development Report 2022: Finance for an Equitable Recovery. – Washington, DC: World Bank, 2022. // World Bank. URL: https://www.worldbank.org/en/publication/wdr2022 (дата обращения: 08.05.2026).

[9] World Intellectual Property Organization. Global Innovation Index 2023: Innovation in the Face of Uncertainty. – Geneva: WIPO, 2023. // WIPO. URL: https://www.wipo.int/en/web/global-innovation-index/2023/index (дата обращения: 08.05.2026).

[10] World Intellectual Property Organization. World Intellectual Property Report 2022: The Direction of Innovation. – Geneva: WIPO, 2022. // WIPO. URL: https://www.wipo.int/en/web/world-ip-report/2022/index (дата обращения: 08.05.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 27.05.2026 г. **DOI: 10.24412/3033-6775-2026-2-125-129**
Дата принятия рукописи в печать: 26.06.2026 г.

СЫЦЕВИЧ Арина Сергеевна,
Волгоградский институт управления-филиал
ФГБОУ ВО РАНХИГС при Президенте РФ,
Юридический факультет,
ул. Гагарина, 8, Волгоград, Россия, 400006,
e-mail: mail@law-books.ru

Научный руководитель:
ЗАДНЕПРОВСКАЯ Марина Валентиновна,
кандидат юридических наук, доцент,
профессор кафедры,
Волгоградский институт управления-филиал
ФГБОУ ВО РАНХИГС при Президенте РФ,
ул. Гагарина, 8, Волгоград, Россия, 400006,
e-mail: mail@law-books.ru

ЭВОЛЮЦИЯ МЕТОДОЛОГИИ ПРАВОВЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ: ОТ ЮРИДИЧЕСКОГО ДОГМАТИЗМА К ПОСТКЛАССИЧЕСКИМ ПОДХОДАМ

Аннотация. *В работе анализируется трансформация методологического инструментария юридической науки – от классического формально-догматического до постклассических междисциплинарных стратегий наших дней. Рассматриваются основные этапы смены парадигм: возникновение легистики, развитие юридического позитивизма, кризис нормативизма, а затем – интеграция социологических, герменевтических и критических методов. Делается вывод, что современная методология права носит полипарадигмальный характер: она сохраняет догматическое ядро, но дополнена рефлексией о социальном контексте и языковых конструкциях права.*

Ключевые слова: *методология права, формально-догматический метод, постклассические подходы, интегративная юриспруденция, критическая правовая теория.*

SYTSEVICH Arina Sergeevna,
Volgograd Institute of Management,
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA)
under the President of the Russian Federation,
Faculty of Law

Academic Supervisor:
ZADNEPROVSKAYA Marina Valentinovna,
Candidate of Law, Associate Professor,
Professor of the Department,
Volgograd Institute of Management,
Branch of the Russian Presidential Academy
of National Economy and Public Administration (RANEPA)
under the President of the Russian Federation

THE EVOLUTION OF LEGAL RESEARCH METHODOLOGY: FROM LEGAL DOGMATISM TO POSTCLASSICAL APPROACHES

Annotation. *The paper analyzes the transformation of the methodological toolkit of legal science, from the classical formal-dogmatic approach to the post-classical interdisciplinary strategies of today. It examines the main stages of paradigm shifts: the emergence of legistics, the development of legal positivism, the crisis of legalism, and the subsequent integration of sociological, hermeneutical, and critical methods. The paper concludes that modern legal*

methodology is polyparadigmatic, maintaining a dogmatic core while incorporating reflections on the social context and linguistic constructs of law.

Key words: *legal methodology, formal-dogmatic method, postclassical approaches, integrative jurisprudence, critical legal theory.*

Методология правовых исследований сегодня переживает период глубокого пересмотра собственных оснований. Если ещё в середине прошлого века образ юриста-догматика, работающего исключительно в замкнутом пространстве норм и институтов, оставался господствующим, то к началу XXI столетия юридическая наука вынуждена осваивать техники социологии, экономики, лингвистики и даже анализа данных больших систем. Однако за внешним плюрализмом методов скрывается внутренняя логика развития: постепенный отказ от представления о самодостаточности права как чисто нормативной системы и признание его укоренённости в социальных процессах, культурных кодах и властных дискурсах.

Цель данной статьи – реконструировать основные этапы этой эволюции, выделив «точки бифуркации», в которых классический догматизм уступал место альтернативным эпистемологическим программам. Основной акцент делается на переходе от методологического монизма (когда формально-догматический метод считался единственно легитимным) к методологическому плюрализму, характерному для постклассической стадии развития правовой мысли.

Юридический догматизм (легистика) является древнейшей формой научного осмысления права. Его истоки прослеживаются уже в деятельности римских юристов эпохи принципата, выработавших технику толкования цивильного права (interpretatio) и создавших казуистический метод решения конкретных дел с помощью regulae juris. Однако институционализация догматического метода в качестве господствующей эпистемы происходит значительно позже – в средневековых университетах Европы.

Ключевую роль здесь сыграла школа глоссаторов (XI–XII вв.) во главе с Ирнерием, которая поставила своей задачей восстановление и комментирование Юстиниановского корпуса. Применявшийся ими метод буквального толкования текста Corpus Juris Civilis через глоссы на полях уже содержал основные черты будущего догматизма: автономию правового текста от социальной реальности, презумпцию внутренней непротиворечивости норм и приоритет логических операций перед эмпирическими наблюдениями. Постглоссаторы XIV в. добавили к этому методологический приём «общего места» (brocardica) – сведение частных казусов к абстрактным правовым принципам.

Настоящего расцвета формально-догматический метод достигает в XIX столетии, в эпоху кодификации и утверждения юридического позитивизма. Именно тогда складывается классическая триада приёмов: юридическая конструкция (создание абстрактных моделей правоотношений), логическая интерпретация (выведение смысла нормы из её связей с другими нормами) и систематизация (расположение материала по иерархическим рубрикам). Историческая школа права в лице Ф.К. фон Савиньи обосновала этот подход: право, по Савиньи, есть продукт «народного духа», постигаемый через догматическую обработку источников, а не через социологические опросы.

Показателен спор Савиньи с А.Ф. Тибо (1814) о необходимости общегерманского кодекса. Если Тибо апеллировал к практическим потребностям унификации, то Савиньи отстаивал органическое развитие права через учёную доктрину. В итоге победила стратегия Савиньи: пандектная система, созданная его последователями (Б. Виндшайд, Г. Дернбург), стала вершиной юридического догматизма. Она исходила из постулата, что любое жизненное отношение может быть подведено под заранее сконструированное понятие, а любое судебное решение выведено из аксиом, заложенных в кодекс.

Однако уже к концу XIX века эта стройная конструкция начала давать трещины. Во-первых, юристы столкнулись с проблемой «каучуковых норм» – общих оговорок (добрая совесть, разумный срок), которые невозможно истолковать чисто логически. Во-вторых, развитие индустриального общества породило конфликты, не вписывавшиеся в казуистику римского права. Именно здесь зарождается контрдвижение, которое сегодня называют «антидогматической революцией».

Первый системный удар по методологическому монополизму был нанесён социологической юриспруденцией. Её основоположник О. Эрлих в работе «Основы социологии права» (1913) сформулировал знаменитое различение «норм решения» (судейские нормы, закреплённые в текстах) и «живого права» – реальных правил поведения, складывающихся в ассоциациях, торговых обычаях, семейных укладах [1]. Методологический вывод Эрлиха был радикален: догматический анализ не способен охватить правовую реальность, для этого необходимы прямые эмпирические наблюдения (изучение договорной практики, опросы участников оборота).

Почти одновременно в США возникают школы правового реализма (К. Левеллин, Дж. Фрэнк). Реалисты пошли ещё дальше: они объявили формальные нормы лишь «бумажными правилами», а подлинным правом – поведение судей и администраторов. Фрэнк в книге «Право и современный разум» (1930) ввёл понятие «фактического скептицизма» – сомнения в том, что правовая норма способна предопределить исход дела. Эмпирическим методом реалистов стало изучение статистики апелляционных решений и «интуиций» судей [9]. Эти исследования часто легитимировали применение количественных и качественных методов в юриспруденции.

В европейской традиции аналогичную роль сыграла «юриспруденция интересов» (Р. фон Иеринг, Ф. Хек). Иеринг в труде «Цель в праве» (1877–1883) провозгласил, что за абстрактными нормами всегда стоят сталкивающиеся социальные интересы, и задача юриста не в логическом конструировании, а в их взвешивании [2]. Метод Хека получил название «методический инструментализм»: интерпретация нормы должна опираться на оценку практических последствий и типичных конфликтных ситуаций.

К этому же периоду относится возникновение психологической школы права (Л.И. Петражицкий). Петражицкий предложил интроспективный метод – исследование правовых переживаний индивида (императивно-атрибутивных эмоций). Тем самым он разрушил догматическую презумпцию объективности нормы: право существует не в текстах, а в психике субъекта [3]. Хотя этот метод позже подвергался критике, идея Петражицкого о многослойности правовой реальности нашла продолжение в феноменологии права.

Таким образом, к середине XX века юридическая наука оказалась перед методологическим разрывом: догматический анализ сохранял доминирование в учебных программах и законотворческой технике, но исследовательские аванпосты уже были захвачены социологами, психологами и реалистами.

Термин «постклассический» применительно к методологии права означает отказ от поиска единого «научного» метода и признание принципиальной множественности перспектив. Этот поворот окончательно оформляется в 1960–1980-е годы по нескольким направлениям.

1. Интегративная юриспруденция. Возникнув как реакция на бесплодные споры позитивистов и естественно-правовиков, интегративная традиция предложила рассматривать право как трёхмерный феномен: нормативное измерение (формальная структура), фактическое измерение (социальная эффективность) и ценностное измерение (справедливость). Методологически это означало обязательное сочетание догматического, социологического и этического инструментов. Классическим образцом стала работа Г. Бермана «Право и революция» (1983). Свою лепту в развитие этой традиции внесли и сторонники «чистого учения о праве» (Г. Кельзен) [4], и аналитическая юриспруденция Г.Л.А. Харта с её различением первичных и вторичных норм, оставляющим место для социального факта признания [5].

2. Критическая правовая теория (Critical Legal Studies, CLS). Возникнув в американских университетах как леворадикальная альтернатива мейнстримной юриспруденции, CLS подвергла тотальной деконструкции сам идеал беспристрастной догматики. Как отмечает И.Н. Грязин, основной метод CLS – риторический анализ правовых текстов, выявление скрытых бинарных оппозиций (публичное/частное, государство/рынок, свобода/принуждение), которые на самом деле обслуживают интересы господствующего класса [7].

3. Феминистская юриспруденция. К. Маккиннон, Р. Уэст и другие представительницы этого направления дополнили методологию права гендерным анализом. Исторические факты показывают, что классические правовые понятия («разумный человек»,

«добрый отец семейства») конструировались с мужской позиции. Метод феминистской юриспруденции – «спросить о женщине»- позволил, например, пересмотреть доктрину согласия в уголовном праве или критерии «домашнего насилия» [10]. Это уже не просто добавление эмпирических данных к догматике, а смена эпистемологической оптики.

4. Постмодернистская теория права. В работах Ж. Деррида, Ж.-Л. Нанси, а в российской традиции – И.П. Малиновой, постмодернизм отрицает саму возможность устойчивой правовой системы: право рассматривается как конгломерат локальных языковых игр, где каждый акт интерпретации является актом власти. Методологической установкой становится «неуверенность» в собственных выводах, отказ от систематизации [8]. Хотя эта программа часто критикуется за релятивизм, она успешно работает в области исследований «границ права» (право и литература, право и кино).

Важно подчеркнуть: постклассические подходы не отменяют полностью догматический метод. Даже самый радикальный критик при написании научной статьи вынужден использовать логические операции (определение понятий, классификацию) – а это и есть ядро догматики. Однако изменяется их статус: из единственно легитимного они превращаются в один из возможных инструментов, применяемых с обязательной рефлексией об их ограничениях.

На сегодняшний день методологический ландшафт правовых исследований представляет собой сложную мозаику. В одном исследовании могут сочетаться: формально-догматический анализ нормы ГК о неосновательном обогащении, эконометрическая проверка её влияния на количество исков, качественный анализ интервью с судьями и дискурс-анализ мотивировочных частей решений. Эта гибридизация стала возможной благодаря отказу от «революционных» амбиций: вместо взаимного исключения методы дополняют друг друга. Сегодня методологическая рефлексия уже не спрашивает «какой метод истинный?», а задаётся вопросами: «для какой задачи пригоден каждый метод?» и «как избежать эклектики, сохранив научную строгость?».

Таким образом, эволюция методологии правовых исследований от юридического догматизма к постклассическим подходам не является линейной сменой «старого» на «новое». Скорее, это процесс расширения методологического арсенала с сохранением догматического ядра там, где оно эффективно (систематизация норм, устранение логических коллизий).

Сегодняшний исследователь права должен владеть как минимум тремя компетенциями: логико-юридической (работа с текстом нормы), эмпирической (сбор и анализ данных о правоприменении) и рефлексивной (осознание собственных ценностных предпосылок). Именно такой полиметодологический синтез, составляет суть постклассической методологии. Будущее юридической науки – за гибридными проектами, где догматика служит не абсолютом, а одним из инструментов, каждый из которых требует своей верификации.

Список литературы:

[1] Эрлих О. Основы социологии права / под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. – М.: ИНИОН РАН, 2011. – 704 с.

[2] Иеринг Р. фон. Цель в праве. – СПб.: Изд-во Н.К. Мартынова, 1881. – 412 с.

[3] Петражицкий Л.И. Теория права и государства в связи с теорией нравственности. – СПб.: Тип. Ю.Н. Эрлих, 1909. – Т. 1. – 318 с.

[4] Кельзен Г. Чистое учение о праве. – М.: Институт правовых исследований, 2015. – 208 с.

[5] Харт Г.Л.А. Понятие права. – СПб.: Изд-во СПбГУ, 2007. – 302 с.

[6] Берман Г.Дж. Западная традиция права: эпоха формирования. – М.: Изд-во МГУ, 1998. – 624 с.

[7] Грязин И.Н. Критическая теория права: методология и проблематика. – Таллин: Ээсти раамат, 1988. – 165 с.

[8] Малинова И.П. Постмодернизм и право // Российский юридический журнал. – 2001. – № 4. – С. 14–23.

[9] Llewellyn K. The Common Law Tradition: Deciding Appeals. – Boston: Little, Brown and Co, 1960. – 565 p.

[10] MacKinnon C. Toward a Feminist Theory of the State. – Cambridge: Harvard University Press, 1989. – 330 p.

References:

[1] Erlich, O. Fundamentals of the Sociology of Law / edited by V.G. Grafsky, Yu.I. Grevtsov. Moscow: INION RAS, 2011, 704 p.

[2] Ihering, R. von. The Goal in Law. St. Petersburg: N.K. Martynov Publishing House, 1881, 412 p.

[3] Petrazhitsky, L.I. Theory of Law and State in Connection with the Theory of Morality. St. Petersburg: Yu.N. Erlich Press, 1909, Vol. 1, 318 p.

[4] Kelsen, G. The Pure Doctrine of Law. Moscow: Institute of Legal Studies, 2015, 208 p.

[5] Hart, G.L.A. The Concept of Law. – St. Petersburg: St. Petersburg State University Publishing House, 2007. – 302 p.

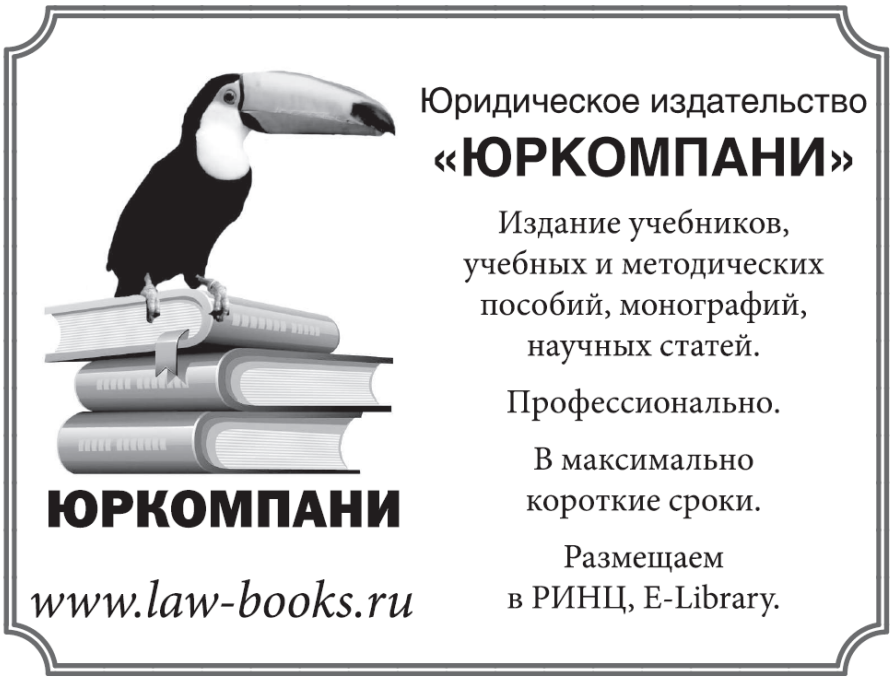
[6] Berman G.J. Western Legal Tradition: The Era of Formation. – Moscow: Moscow State University Publishing House, 1998. – 624 p.

[7] Gryazin I.N. Critical Theory of Law: Methodology and Problems. – Tallinn: Eesti Raamat, 1988. – 165 p.

[8] Malinova I.P. Postmodernism and Law // Russian Law Journal. – 2001. – No. 4. – Pp. 14–23.

[9] Llewellyn K. The Common Law Tradition: Deciding Appeals. – Boston: Little, Brown and Co, 1960. – 565 p.

[10] MacKinnon C. Toward a Feminist Theory of the State. – Cambridge: Harvard University Press, 1989. – 330 p.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.

2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 15 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.

3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.

4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:
а) рекомендовать принять рукопись к публикации;

б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;

в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);

г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) мотивированный отказ в публикации рукописи, с приложением копии отрицательной рецензии).

5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу мотивированный отказ.

6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.

7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 5 лет.

8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет один месяц с момента поступления рукописи в редакцию.

9. Редакция издания может направлять авторам копии рецензий или мотивированный отказ, а также обязуется направлять копии рецензий в Министерство образования и науки Российской Федерации при поступлении в редакцию издания соответствующего запроса.

10. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в научно-правовом журнале «Публичное право» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 5 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (текст должен отличаться минимум на 35% от ранее опубликованных материалов).

Рукописи должны иметь авторство не менее 75%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 75%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по образцу, направляется на e-mail: editor@law-books.ru или через форму на Главной странице сайта «Опубликовать статью РИНЦ»

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в

квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

Правила транслитерации:

Транслитерацию можно делать по сайту www.translit.ru, выбирать вариант LC (Library of Congress). Транслитерированные русские источники оформлять по модели для российских источников. В квадратных скобках давать перевод названия статьи или книги, а также периодического издания, в котором статья была опубликована.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

— в обязательном порядке в статье необходимо указывать: телефоны кафедр, научных подразделений, к которым они прикреплены, а также данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, е-мейл),

— необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования ИИ, недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (организационный взнос в этом случае не возвращается).

научно-издательская группа
ЮРКОМПАНИ

ПУБЛИЧНОЕ ПРАВО

Научно-правовой журнал
№ 2
(апрель-июнь)
2026 г.

Опубликовано 30.06.2026 г. Формат 60x90/8. Печать цифровая. Печ. л. 7,5.
Макет подготовлен в типографии ООО «Издательский дом «Академик».
г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, оф. В 218.